

ЭТ „БЮРГ“ 5003
К-70 ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

92 БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

П 12

К 70

БАРОНЪ Н. А. КОРФЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Л. Песковскаго

Съ портретомъ Н. А. Корфа, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ОБЕРТКА ПЕЧ. ВЪ ТИП. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАР. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

Бол. Подъяческая 39

1893

Н. А. Корфъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФІЧЕСКАЯ БІБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

БАРОНЪ Н. А. КОРФЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФІЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Л. Песковскаго.

Съ портретомъ И. Корфа, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія и хромолітографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12
1893

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Сентября 1893 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
Предисловие	5
I. Раннее дѣтство	11
II. Школьные годы	16
III. Лицей	21
IV. Въ деревнѣ и на земской службѣ	28
V. На пользу всего государства	38
VI. Учебно-литературная дѣятельность	43
VII. Заслуги и черная неблагодарность	52
VIII. Пребываніе за-границей	64
IX. Послѣдніе годы дѣятельности	78
X. Заключеніе	91

И С Т О Ч Н И К И:

- 1) «Записки педагога барона Никол. Александр. Корфа», кн. 3, 4 и 5 «Русской Старины», 1884 г.
- 2) *1,000 писемъ*. Переписка барона Корфа съ 250 лицами.
- 3) «Поѣздка къ барону Н. А. Корфу», Кашина. №№ 1 и 2 «Современной Лѣтописи», 1871 г.
- 4) «Педагогические очерки школъ Александровскаго уѣзда», Д. Д. Семенова. «Народная Школа» (1871—72 годы).
- 5) «Мои воспоминанія», Д. Т. Гнѣдина. «Русское Богатство», кн. 5, 6 и 7, 1893 г.

ПРЕДИСЛОВIE.

«Народъ въ государствѣ—это *все*». Политическая формула эта, давно уже получившая повсемѣстное право гражданства, имѣетъ особенное значеніе для нась, русскихъ, такъ какъ въ Россіи трудовой сельскій классъ составляетъ болѣе 85 процентовъ общаго государственного населенія. Думать-же о народѣ, заботиться о его коренныхъ, самыхъ насущныхъ пользахъ и нуждахъ—это значитъ думать и заботиться прежде всего и главнымъ образомъ объ образованіи народа, такъ какъ именно образованіе служить главнымъ импульсомъ всяческаго прогресса въ жизни и основнымъ источникомъ экономического роста и благосостоянія.

Для всякаго государства и народа невѣжествомассы населенія—самый опаснѣйшій его внутренній врагъ, — опаснѣе всѣхъ внѣшнихъ враговъ, взятыхъ вмѣстѣ. Отъ внѣшнихъ враговъ можно защищаться, укрываться. Невѣжество-же, предоставленное естественному своему теченію, остающееся безъ противодѣйствія ему образованіемъ, настойчивымъ просвѣщеніемъ массы населенія,—является силой, разлагающей народъ, какъ бы онъ ни былъ многочисленъ и могучъ физически. Именно подъ вліяніемъ невѣжества, обширнѣйшія многочисленныя древнія государства, вродѣ напримѣръ старинной Туркестанской имперіи, безслѣдно сошли съ исторической арены, не оставивъ послѣ себя въ исторіи культуры человѣчества ровно ничего, кроме голаго факта своего существованія. Наоборотъ-же, маленькая Великобританія, съ населеніемъ около 36 миллионовъ человѣкъ (по европейской ея территоріи), въ силу высокаго культурнаго развитія, распространила свои владѣнія буквально на всѣ части свѣта и материки, держитъ въ своемъ подчиненіи не менѣе 400 миллионовъ населенія, и въ ея владѣніяхъ въ полномъ смыслѣ слова никогда не заходитъ солнце, не прекращаются весна и лѣто,—такъ они обширны, распространены по разнымъ географическимъ широтамъ и долготамъ въ полушаріяхъ: западномъ и восточномъ, сѣверномъ и южномъ.

Съ той поры, какъ зародилась у насть, въ Россіи, культура въ европейскомъ смыслѣ слова, т. е. со временемъ Петра Великаго, впервые появилась болѣе или менѣе опредѣленная забота и дума о народномъ образованіи. Начало, положенное этому великому дѣлу при Петрѣ I, получило нѣкоторое развитіе при Екатеринѣ II, но исключительно однако въ законодательномъ отношеніи. Насажденное у насть Екатериною II крѣпостное право отняло у всей системы государственного образованія живое, естественное, благотворное воздействиѣ его на жизнь и окончательно парализовало всякое проявленіе сколько-нибудь правильного развитія народнаго образованія. Это послѣднее получило фактическое и юридическое право бытія лишь въ царствованіе Александра II, послѣ освобожденія крестьянъ.

Такимъ образомъ народное образованіе у насть—дѣло совсѣмъ юное. Въ смыслѣ государственного установлениія, болѣе или менѣе организованнаго, приведеннаго въ систему и послѣдовательно распространяемаго, оно имѣеть у насть, въ Россіи, немного болѣе четверти вѣка. Мало-мальски благоустроенные народныя школы, хоть отчасти удовлетворяющія педагогическимъ требованіямъ, начали возникать въ провинціальныхъ городахъ и деревняхъ одновременно съ открытиемъ земскихъ учрежденій, и преимущественно, если не единственно, благодаря послѣднимъ.

Успѣхи народнаго образованія у насть выражаются, въ общемъ, въ слѣдующихъ цифрахъ. Изъ десяти дѣтей школьнаго возраста (отъ 7 до 14 лѣтъ) начальное образованіе въ предѣлахъ Европейской Россіи едва доступно лишь одному изъ нихъ, значитъ изъ 100 дѣтей—едва 10 человѣкамъ. Такой ограниченный кругъ дѣтей, которыхъ могутъ обнять собою существующія народныя школы, въ сильной степени парализуетъ благотворное воздействиѣ образованія на складъ, ходъ и строй сельскаго быта. Ничтожная частица грамотнаго населенія какъ бы тонетъ, растворяется въ общей тьмѣ народнаго невѣжества; мракъ массы населенія нерѣдко заглушаетъ даже и простую грамотность, такъ что бываютъ случаи *рецедива безграмотности* (возвращенія грамотнаго къ первоначальной безграмотности) въ сельскомъ населеніи.

Таковъ, къ сожалѣнію, законъ «вліянія массы», имѣющій силу не въ одной физической области, но и въ сферѣ нравственной жизни. Именно въ виду непреложности этого закона, люди, искренно преданные дѣлу народнаго образованія, понимающіе главенствующую роль его въ государственной жизни и дѣятельности, при первомъ зарожденіи у насть регулярныхъ народныхъ школъ, усиленно на-

стаивали и доказывали, что въ этомъ дѣлѣ нельзя останавливаться на полпути,—нельзя затягивать на бесконечно долгое время дѣла, требующаго немедленного практическаго осуществленія. И усилив эти не пропадали даромъ. Худо-ли, хорошо-ли, но дѣло народнаго образования неуклонно подвигалось и подвигалось впередъ, при дружномъ сочувствіи общества, хотя, правда, очень медленно. Былъ моментъ, когда не только въ обществѣ, въ педагогической и общей печати и въ средѣ педагоговъ, но даже и въ правительстvenныхъ сферахъ вопросъ о введеніи въ Россіи обязательнаго обученія получилъ было замѣтное движение. Въ исходѣ напримѣръ 70-ыхъ годовъ министерство народнаго просвѣщенія дѣятельно и серьезно занималось этимъ вопросомъ. Но затѣмъ—все затихло, и въ послѣднія десять лѣтъ замѣчается даже застой въ дѣлѣ народнаго образования.

Къ величайшему удивленію, въ этой области дѣятельности, гдѣ въ сущности все такъ просто и ясно по силѣ основного закона (уставъ 1874 года), почему-то смѣшились и перепутались воззрѣнія на задачи и потребности народнаго образования—самымъ противуестественнымъ образомъ. Если разобраться въ этой суполокѣ и водоворотѣ крайне разнорѣчивыхъ и совершенно произвольныхъ мнѣній и взглядовъ,—опредѣляются слѣдующія господствующія направленія. По мнѣнію однихъ, для всего сельскаго населенія необходимо лишь простая грамотность, но ни въ какомъ случаѣ не начальное образованіе. Другіе, дико придерживаясь взгляда: «просвѣщеніе—вотъ чума», считаютъ совсѣмъ ненужною даже и простую грамотность, и подъ именемъ народнаго образования не прочь видѣть простое, голое обученіе трудового класса прикладнымъ знаніемъ, наивно полагая въ простотѣ невѣдѣнія, будто-бы осмысленная передача какихъ-бы то ни было прикладныхъ знаній можетъ быть по силамъ совершенно безграмотному населенію. Трети до сихъ поръ еще не могутъ примириться съ мыслью, что земскія и городскія общественные учрежденія, а также частныя лица и общества могутъ заботиться о нуждахъ народнаго образования. На ихъ, слишкомъ ужъ упрощенный, взглядѣ,—«на то есть начальство, которое и заботится о насъ». Обязанность-же общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ по ихъ мнѣнію—только давать деньги на народное образованіе, безъ всякаго активнаго участія въ расходованіи ихъ. Наконецъ есть и такие, которые позволяютъ себѣ открыто проповѣдывать неправоспособность будто-бы даже и министерства просвѣщенія въ завѣдываніи и руководствѣ народнымъ образованіемъ; будто-бы для Россіи, въ противность всему остальному

ному образованному міру, никакихъ особенныхъ учительскихъ семинарій, никакихъ специально подготовленныхъ народныхъ учителей— вовсе даже не требуется...

Всѣ эти измысленія были-бы только смѣшны и жалки по ихъ нелѣпости, если-бы они не вели къ печальнымъ послѣдствіямъ на дѣлѣ. Смѣшными-же и жалкими они оказываются потому, что какъ основной законъ о народныхъ училищахъ, такъ и всѣ послѣдующія правительственные распоряженія по этому предмету, до изданія правиль о церковно-приходскихъ училищахъ (въ 1884 году) включительно, не даютъ никакого повода къ извращенному толкованію узаконенного порядка вещей.

Но, повторяемъ, въ сферѣ практической дѣятельности по народному образованію произошла большая путаница понятій, несмотря даже на простоту и ясность основного органическаго закона по этому предмету. Въ результатѣ же такой путаницы проявился значительный застой въ этой отрасли общественной дѣятельности, который особенно остро ощущается именно въ настоящее время. Русскій человѣкъ вообще не твердѣ въ пониманіи закона и не устойчивъ на законной почвѣ. Нѣть ничего удивительнаго поэтому, что, въ виду тѣхъ долго уже продолжающихся кривотолковъ о задачахъ и цѣляхъ народнаго образованія, — хотя и вопреки положительному закону о немъ,—даже многія изъ земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій, очень сочувственно и энергично относившіяся прежде къ образованію народа, остановились въ нерѣшительности, или даже стали систематически урѣзывать свои расходы на эту первѣйшую, насущнѣйшую жизненную потребность.

Такой прискорбный фактъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что у насъ успѣла уже народиться даже особаго рода педагогическая литература, такъ сказать, *анти-педагогическаго* свойства, имѣющая дерзость воздвигать даже гоненіе на все, что есть разумнаго въ нашемъ начальномъ обученіи. Это вызываетъ естественное опасеніе, какъ-бы намъ не вступить въ полосу *одичанія* въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ-бы ни началось *огульнаго отрицанія* въ этой области всего рациональнаго, что добыто усилиями человѣчества и насаждено на родной нашей нивѣ дружными усилиями самоотверженныхъ русскихъ дѣятелей. Истолкователемъ этихъ «отрицательныхъ» вѣяній явился между прочимъ нѣкто Н. Горбовъ въ своихъ «Задачахъ русской народной школы». По его мнѣнію, высказываемому тономъ не пререкаемаго авторитета, но безъ всякихъ доказательствъ, главный недостатокъ существующаго ме-

тода обученія и воспитанія въ народной школѣ заключается въ усвоеніи нашими педагогами «протестантскихъ взглядовъ», въ силу которыхъ протестантъ «хочеть слѣдовать только тому, въ чемъ онъ убѣдился доводами разсудка». Принципъ же воспитанія въ духѣ католицизма и православія,—какъ полагаетъ г. Горбовъ,—долженъ заключаться «въ подчиненіи своего существа подъ власть авторитетовъ».

«Это различіе—говорить г. Горбовъ—должно рѣшающимъ образомъ вліять какъ на методъ обучения, такъ и на дисциплину, и на всѣ порядки школы... Смотрѣть на ребенка, какъ на существо, которое надо развить и съ которымъ надо обходиться согласно требованіямъ природы; отыскивать въ немъ законъ развитія, которому должно слѣдовать; развивать его способности и силы, преслѣдовать формальныя цѣли обученія; ничего не позволять забрить, т. е. учить безъ полной сознательности и пониманія; убѣждать ребенка въ истинѣ внутренними доводами... все это—протестантскіе принципы; все это—протестантскій способъ обученія».

Слѣдя такимъ образомъ возвѣщаемому г. Горбовымъ «православному» методу воспитанія и обученія, оказывается, что при изученіи напримѣръ четырехъ правилъ ариѳметики только протестантъ имѣетъ право слѣдовать «доводамъ разсудка»; православный-же и католикъ должны принять все на-вѣру, взять памятью, отупляющей зубристикой...

То, что г. Горбовъ такъ самодовольно, съ такимъ самомнѣніемъ возвѣщаетъ, какъ нѣчто, будто-бы, новое, есть въ дѣйствительности общеизвѣстная, давно отвергнутая за непригодность *старина*. Методъ, провозглашаемый г. Горбовымъ, это—*іезуитскій методъ* воспитанія и обученія, вовѣки проклятый и отвергнутый во всемъ образованномъ мірѣ!... И г. Горбовъ поступилъ по меньшей мѣрѣ слишкомъ опрометчиво, пришутавъ тутъ «православіе».

Вотъ что значитъ пытаться «доходить своимъ умомъ» до того, до чего другіе давнымъ давно уже додумались. Усиливаясь «открыть Америку», г. Горбовъ сдѣлалъ непростительную ошибку. Никакого специальнаго «протестантскаго способа обученія» конечно нѣть и быть не можетъ. Для народовъ всевозможныхъ національностей и вѣроисповѣданій обязательенъ одинъ *индуктивный* методъ обученія, какъ единствено разумный, единствено пригодный для цѣлей обученія и воспитанія, естественно вытекающій изъ психологическихъ особенностей дѣтской натуры, и потому—воспринятый во всемъ мало-мальски образованномъ мірѣ, безъ всякаго различія по вѣроисповѣданіямъ.

Велико-же однако должно быть общественное помраченіе, если оказывается возможнымъ съ такимъ апломбомъ печатно возвѣщать

сумасбродное отрицаніе всего, что есть разумнаго въ дѣлѣ обученія и воспитанія, и совѣтывать возвратъ къ тому недоброму и, слава Богу, далекому уже прошлому, когда ученіе было мученіемъ, когда учили, не воспитывая. Въ виду этого, естественно является потребность оглянуться на все прошлое нашей народной школы—на то, какъ она зарождалась, организовалась и распространялась, такъ какъ во всемъ этомъ есть разумная законность, причинность и цѣль.

Говорить-же объ этомъ—значитъ говорить о баронѣ Николаѣ Александровичѣ Корфѣ, какъ первомъ насадителѣ и распространителѣ у насъ нормальной народной школы, въ томъ именно видѣя, который впослѣдствіи и узаконенъ правительствомъ,— какъ объ одномъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей въ области именно народнаго образованія. Сынъ обрусѣвшаго остзейца, аристократъ по происхожденію и воспитанію, баринъ по привычкамъ и состоянію, располагая знатнымъ родствомъ и огромными связями, онъ однако не пошелъ открытою передъ нимъ дорогою почестей, знатности, крупныхъ отличій и чиновъ, громкихъ и видныхъ должностей, а скромно и самоотверженно отдался совсѣмъ новой въ его время и вовсе не замѣтной роли организатора народной школы, или иначе—разумнаго первоначального обученія. На этомъ скромномъ, но очень важномъ въ государственномъ отношеніи поприщѣ дѣятельности баронѣ Н. А. Корфѣ еще при жизни стяжалъ громкую и почетную извѣстность отъ края-до-края Россіи и блестяще вписанъ свое имя на страницахъ исторіи нашего отечественнаго народнаго образованія, составляющаго основу всего просвѣтительнаго дѣла въ государствѣ.

I.

Раннее детство.

Скитальческая жизнь. — Смерть матери. — Жизнь въ домѣ матери. — Двухлѣтнее пребываніе въ Воронежской губерніи и благотворное влияніе его. — Годичное пребываніе въ Новгородѣ, въ домѣ отца. — Нравственный образъ Корфа-отца. — Круглое сиротство и общій итогъ ранней детской поры.

Очень неблагопріятно сложилось раннее детство барона Николая Александровича Корфа и протекло въ высшей степени своеобразно. Въ самомъ иѣжномъ детскомъ возрастѣ, отъ двухъ до 10-ти лѣтъ, онъ вынужденъ былъ вести поистинѣ скитальческую жизнь, побывавъ въ этотъ промежутокъ времени въ Харьковѣ, Екатеринославѣ, Москвѣ, Воронежской губерніи, Новгородѣ, Лифляндской губерніи и Петербургѣ. Такимъ образомъ онъ былъ лишенъ того, что называется *родиной* въ строгомъ смыслѣ слова. Это однако не отразилось вредно на его воспитаніи, на которое влияютъ не только семья и школа, но и вся вообще житейская обстановка. Эта же послѣдняя была милостива къ маленькому барону, пощадивъ въ немъ душевную и тѣлесную чистоту, внушивъ ему высокое патріотическое чувство и горячую любовь къ русскому народу.

«Житейская обстановка», въ виду исключительныхъ условій ранней детской поры барона Корфа, заслуживаетъ особенного вниманія. Разобраться въ ней помогаетъ самъ баронъ Корфъ, оставившій «Посмертныя записки», напечатанныя въ III, IV и V книжкахъ «Русской Старины» за 1884 годъ (подъ заглавіемъ: «Изъ пережитаго»), но доведенные къ сожалѣнію авторомъ ихъ лишь до окончанія имъ курса въ Александровскомъ лицѣ.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ родился въ Харьковѣ 2 гоіяля 1834 года. Отецъ его, Александръ Федоровичъ Корфъ, былъ изъ остзейскихъ дворянъ, но совершенно обрусѣвшій; онъ получилъ образованіе въ «Лицейскомъ пансионѣ», бывшемъ въ ту пору самостоятельнымъ учебнымъ заведеніемъ, и женился на малороссіянкѣ,

получивъ за нею въ приданое помѣстье Нескучное, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерпіи. Маленькому Колѣ сдва исполнилось около года, какъ мать его умерла, такъ что у него не сохранилось никакихъ воспоминаній о материнскихъ попеченіяхъ, о ласкахъ матери. Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ этого, отецъ его вступилъ во второй бракъ, мотивируя такой шагъ передъ своими родными желаніемъ, чтобы осиротѣвшій Коля не былъ лишенъ материнскаго ухода. Случилось-же однако совсѣмъ паоборотъ.

Въ своихъ «Запискахъ» баронъ Н. А. Корфъ ничего не говоритъ непосредственно о мачихѣ; но все то, что разсказываетъ онъ о своемъ раннемъ дѣтствѣ, доказываетъ, что второй бракъ отца внесъ въ домъ большой разладъ, и маленький Коля былъ не любимъ мачихою. Помимо отца, очень любившаго его и оставившаго въ немъ свѣтлую и признательную память, мальчикъ имѣлъ еще вѣрнаго и преданнаго друга въ лицѣ пяни своей, Елены Ивановны Альберти, принявшей его груднымъ младенцемъ отъ матери и воспитывавшей до шестилѣтняго возраста. Эта уроженка города Риги была не дюжинною личностью. Она научила своего питомца читать по-русски и по-нѣмецки, познакомила его съ начатками христіанской вѣры въ формѣ бесѣдъ о Христѣ и съ увлеченіемъ обучала русскимъ пѣснямъ. Вся дворовая прислуга въ домѣ отца, которой также приходилось терпѣть отъ второй его жены, особенно бережно и любовно относились къ маленькому Колѣ, какъ сироткѣ, прославляя предъ нимъ память его покойной матери. Тѣмъ не менѣе положеніе ребенка на глазахъ мачихи было настолько не нормально, что не исполнилось еще Колѣ шести полныхъ лѣтъ, какъ отецъ, скрѣпя сердце, вынужденъ былъ удалить его изъ дома для его-же пользы.

Маленькаго Колю, успѣвшаго уже пожить до этого времени въ Екатеринославѣ и находившагося тогда въ Москвѣ, гдѣ жилъ его отецъ по вступленіи во второй бракъ,—увезла съ собою въ Воронежскую губернію родная его тетка, сестра матери, Татьяна Тимоѳеевна (также Корфъ по мужу). Эта умная женщина, вдовая уже, имѣвшая двоихъ дѣтей (сына и дочь), такъ серьезно относилась къ ихъ воспитанію, что ради этой цѣли перѣхала на житье изъ своего родового помѣстья Погромца въ сосѣднее съ нимъ помѣстье Волчье, принадлежавшее Д. Д. Градовскому, отцу покойнаго профессора и публициста, гдѣ домашнее обученіе было поставлено на широкую ногу и организовано замѣчательно умно. Въ домѣ Градовскаго, подъ личнымъ его наблюденіемъ и руководствомъ, была организована регулярная «семейная школа», съ должностнымъ штатомъ преподавателей и строго установленной про-

граммой обученія. Въ этой школѣ, кромѣ двухъ дѣтей Градовскаго, обучалось еще пятеро дѣтей его сосѣдей. Главою и душою школы былъ самъ Градовскій, относившійся къ чужимъ дѣтямъ совершенно такъ-же, какъ къ своимъ роднымъ. Для той отдаленной эпохи (т. е. начала 40-ыхъ годовъ) серьезное, сознательное отношеніе къ домашнему обученію было большою рѣдкостью.

Съ восторгомъ воспоминаетъ баронъ Корфъ въ своихъ «Запискахъ» о времени, проведенномъ имъ въ Воронежской губерніи, у тетушки Татьяны Тимофеевны Корфъ, и въ Волчье, т. е. въ школѣ Д. Д. Градовскаго. Это—самая счастливая, яркая и радужная пора во всемъ его дѣтствѣ. За время пребыванія въ этомъ уголкѣ Малороссіи, въ которой находилось также и родовое его помѣстіе Нескучное, онъ не только сжился, сроднился съ Малороссіею, но, можно даже сказать,—*приросъ* къ селу. Во всю послѣдующую пору школьнаго его ученія, село вообще и Малороссія въ частности были цѣлью его стремленій, его мечтою. Куда ни забрасывала его капризная судьба въ дѣтскомъ, отроческомъ и юношескомъ возрастѣ,— село неотступно было передъ нимъ, и онъ постоянно лелеялъ мечту сдѣлать что-нибудь полезное и разумное въ родномъ своемъ имѣніи.

Такую привязанность къ сельской жизни породили тѣ замѣчательно благопріятныя условія, въ которыхъ онъ находился, живя и учась въ помѣстіѣ Градовскаго. Тамъ не морили надъ книгою, не угнетали физической и духовной природы дѣтей ученіемъ. Въ лѣтнюю напримѣръ пору, продолжающуюся на югѣ мѣсяцемъ семья, дѣти проводили надъ книгою не болѣе четырехъ часовъ, занимаясь остальное время на дворѣ, въ саду, лѣсу, полѣ, на лугу. Такая постановка занятій, какъ нельзя болѣе благопріятная въ физическомъ отношеніи, воспитывала характеръ, развивала наблюдательность, самодѣятельность и самостоятельность. Въ распоряженіе дѣтей были предоставлены всевозможныя удовольствія, какъ-то: ужение рыбы, купанье, верховая Ѣзда, обработка собственныхъ грядъ и проч. Кромѣ того почти каждый изъ дѣтей имѣлъ своихъ ручныхъ кроликовъ, перепеловъ, жеребятъ и пр.

Къ этому нужно прибавить еще роскошныя условія окружающей природы, со степнымъ привольемъ, садомъ, лѣсомъ, лугами и рѣкою. Не послѣднюю роль конечно играло и кормление на славу, какъ и подобало прежней «житницѣ Россіи», до сихъ поръ еще славящейся своею кукурузою, тыквенною кашею, варениками, варенцомъ и арбузами, такими сочными, что ихъ можно Ѣсть не иначе, какъ ложками. Маленький Коля именно у своей тетушки

Т. Т. Корфъ и въ семье Д. Д. Градовского получилъ главнымъ образомъ закваску коренного русского домашняго воспитанія, причемъ конечно не послѣднюю роль играли и богатая кутья наканунѣ Рождества, и торжественная встрѣча Пасхи.

Отзынаясь съ болышиою похвалою о семейной школѣ Градовскаго, ея порядкахъ и учителяхъ, Н. А. Корфъ съ особенной любовью и признательностью останавливается на личности швейцарца Бешра, какъ талантливаго педагога. Этотъ добрый, умный, живой и разносторонне свѣдущій руководитель былъ не только хорошимъ преподавателемъ французскаго языка, но и воодушевленнымъ товарищемъ дѣтскихъ игръ, разнаго рода занятій на свѣжемъ воздухѣ и затѣй. Нисколько не въ ущербъ престижу учителя и воспитателя, Бешра умѣлъ быть ребенкомъ съ дѣтьми, не чуждался даже строить вмѣстѣ съ ними мельницы на ручьяхъ, не упускалъ однако случая сообщать имъ при этомъ и разныя полезныя свѣдѣнія, но умѣя не надоѣдать своими поученіями. И понятно, что у такого преподавателя знаніе французскаго языка само собою переливалось въ дѣтей, и Коля, въ придачу къ русскому и нѣмецкому языкамъ, овладѣлъ еще и французскимъ.

Благопріятныя условія воспитанія въ семье Градовскаго, особенно-же грандіозныя картины южно-русской природы, съ ея величавостью и ширью, съ ея табунами въ 500 лошадей,—оставили въ душѣ ребенка неизгладимый слѣдъ на всю жизнь. Эта пора жизни была особенно благопріятна для маленькаго Коли еще и въ томъ отношеніи, что тетка, на попеченіи которой онъ находился, какъ сестра покойной его матери, невольно воплощала въ себѣ образъ послѣдней,—и ребенокъ не чувствовалъ своего сиротства.

Къ сожалѣнію, только два года продолжался этотъ розовый періодъ въ жизни Коли, съ 6-ти до 8-ми лѣтъ. Совершенно неожиданно приѣхалъ его отецъ и увезъ съ собою въ Новгородъ, гдѣ онъ состоялъ тогда управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ. Мальчикъ очень любилъ отца, сильно обрадовался его приѣзду, но тѣмъ не менѣе со слезами оставилъ школу Градовскихъ. Жить ему въ отцовскомъ домѣ было тяжело. Въ его отсутствіе умеръ вѣрный и преданный другъ его, няня Альберти, такъ что, кромѣ самого отца, въ семье не было для него близкаго человѣка. Своихъ сестеръ, т. е. дочерей отца отъ второго брака, онъ почти совершенно не зналъ. Его поселили въ отдѣльномъ флигелѣ съ нѣмцемъ гувернеромъ. Этотъ послѣдній сильно подвинулъ его впередъ въ нѣмецкомъ языкѣ, такъ что 9-ти лѣтъ отъ роду Коля съ восторгомъ прочиталъ Робинзона Крузе въ нѣмецкомъ изложеніи.

Манкируя занятіями, вводя въ обманъ Корфа - отца, гувернеръ-нѣмецъ однако принесъ пользу своему питомцу. Во время прогулокъ по Новгороду, онъ сумѣлъ заинтересовать мальчика историческими памятниками этого города, познакомивъ его со своеобразнымъ и поучительнымъ прошлымъ Новгорода и новгородцевъ, и внушилъ ему глубокое уваженіе къ его древностямъ.

Вспоминая о своемъ годичномъ пребываніи въ Новгородѣ, баронъ Н. А. Корфъ очень симпатично очерчиваетъ нравственный образъ своего отца, наиболѣе памятный ему въ это время. Это былъ человѣкъ образованный и независимый для своего времени. Не интересуясь высокими чинами, онъ избралъ скромный родъ службы, чтобы приносить пользу на мѣстѣ. И онъ дѣйствительно приносилъ ее. Спустя лѣтъ 15 послѣ его смерти, государственные крестьяне Новгородской губерніи съ благословеніемъ и благодарностью вспоминали о времени управленія его. Просителей-крестьянъ онъ принималъ не иначе, какъ въ кабинетѣ. Со своими крѣпостными обращался вполнѣ гуманно. Даже въ ту дикую пору крѣпостного разгула онъ не позволялъ себѣ обращаться со своей прислугой, бывшей изъ его-же крѣпостныхъ, въ формѣ приказаний и сурово запрещалъ дѣлать это своему маленькому сыну. Подъ вліяніемъ примѣра отца, баронъ Н. А. Корфъ очень рано началъ думать о томъ, какъ онъ будетъ относиться къ крестьянамъ, когда настанетъ его время, и что онъ обязанъ сдѣлать для нихъ.

Пребываніе въ Новгородѣ было послѣднимъ свиданіемъ маленькаго Коли со своимъ отцомъ, съ которымъ онъ десяти лѣтъ вновь разстался — и уже навсегда. Послѣ этого онъ всего одинъ разъ видѣлъ отца, въ Петербургѣ, но настолько разбитаго параличомъ, что тотъ едва узналъ своего сына.

Годъ жизни Коли въ Новгородѣ, въ домѣ отца, окончательно убѣдилъ послѣдняго въ невозможности дальнѣйшаго оставленія мальчика подъ своимъ кровомъ, и онъ отправилъ его въ Лифляндскую губернію, въ городъ Верро, гдѣ очень славилось въ то время учебное заведеніе Крюммера. Корфъ-отецъ умеръ въ 1847 году. Такимъ образомъ Н. А. Корфъ остался круглымъ сиротою 13-ти лѣтъ, проведши притомъ все свое дѣтство, начиная съ 6-ти лѣтняго возраста, въ скитальчествѣ по разнымъ городамъ и весямъ Россіи, но вынесши однако изъ этого цѣлостное и сильное впечатлѣніе русскаго воспитанія.

II.

Школьные годы.

Учебное заведеніе Крюммера; его особенности и вліяніе.—Неожиданный переѣздъ въ Петербургъ.—Рѣзкій переходъ въ образовательно-воспитательномъ отношеніи.—Пансіонъ А. Я. Филиппова и личность директора.—Вліяніе послѣдніго на барона Н. А. Корфа.

Школьная пора барона Н. А. Корфа протекла при такихъ-же рѣзкихъ переходахъ, какъ и раннее его дѣтство. На десятомъ году жизни онъ очутился въ истинно-нѣмецкомъ учебномъ заведеніи Крюммера, гдѣ все преподаваніе велось на нѣмецкомъ языке, гдѣ разговорнымъ языкомъ былъ только нѣмецкій, гдѣ весь складъ жизни не только учебнаго заведенія, но и города не имѣлъ въ себѣ ничего русскаго, — служилъ точною кошіею германскаго быта.

Какъ ни крутъ былъ такой переломъ въ жизни десятилѣтняго мальчика, но, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ впечатлѣній, оставленныхъ въ немъ временемъ, проведеннымъ въ Москвѣ и Новгородѣ, его не тянуло въ отцовскій домъ, въ которомъ, противъ воли отца, онъ чувствовалъ надъ собою излишнія стѣсненія и гнетъ. Германизированный уголокъ, съ его привольемъ, ширью и отсутствіемъ гнета, болѣе всего напоминалъ ему семейную школу Градовскихъ (въ Волчье), — и мальчикъ быстро сжился съ нимъ и полюбилъ его. Самъ по себѣ Верро, какъ незначительный городокъ, но очень благоустроенный, болѣе походилъ на обширное село, чѣмъ на городъ, вполнѣ благопріятствуя учащимся широко пользоваться всѣми условіями сельскаго быта и лѣтомъ, и зимой.

Въ ту пору въ учебномъ заведеніи Крюммера находилось около ста воспитанниковъ всѣхъ возрастовъ — отъ самого младшаго, находившагося подъ женскимъ присмотромъ, до такъ-называемыхъ «студентовъ» старшаго класса, непосредственно переходившихъ въ деритскій университетъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ отдельную комнату и жилъ совершенно самостоятельно. Такая многочисленность и разношерстность состава заведенія не помѣшала однако послѣднему удержать семейное начало. Баронъ Н. А. Корфъ удостовѣряетъ въ своихъ «Запискахъ», что въ учебномъ заведеніи Крюммера онъ «чувствовалъ себя въ семье... Я чувствовалъ себя дома, подъ вліяніемъ близкихъ мнѣ людей, и въ классной комнатѣ главнаго корпуса, и въ обширнѣйшей залѣ его за обѣдомъ, и тамъ-же во время воскресной молитвы, совершив-

шайся самимъ директоромъ, при полномъ сборѣ воспитанниковъ, подъ звуки органа». Такой-же «теплый, семейный характеръ» имѣли и акты, происходившіе въ этомъ учебномъ заведеніи, и гимнастические праздники въ огромномъ манежѣ при немъ, и катанье на конькахъ черезъ все озеро, примыкавшее къ саду заведенія, при участіи учителей и дирекціи. На всѣхъ этихъ празднествахъ и развлеченіяхъ присутствовали жена и дочери директора, знавшія по именамъ каждого изъ воспитанниковъ всѣхъ возрастовъ.

Такая замѣчательная постановка учебнаго заведенія объясняется «прекраснымъ подборомъ преподавателей» и замѣчательною личностью директора Крюммера, котораго баронъ Корфъ называетъ «едва-ли не лучшимъ педагогомъ изъ всѣхъ, съ которыми судьба сводила» его въ дѣтствѣ. Хорошо подготовленный дома по нѣмецкому языку, Коля не только не отставалъ отъ другихъ въ прохожденіи учебнаго курса, но и настолько подвинулся впередъ въ знаніи и обладаніи нѣмецкимъ языкомъ, что этотъ послѣдній на всю жизнь остался какъ-бы вторымъ роднымъ его языкомъ. Но, помимо успѣха въ наукахъ, баронъ Корфъ обязанъ заведенію Крюммера и кой-чѣмъ другимъ, чѣмъ стоитъ даже выше знанія. По личному признанію барона Корфа, въ этомъ заведеніи «были заложены первые основы политического или гражданскаго» его развитія.

Чувствуя себя въ доброй, согласной, дружной семье, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ по самому ходу и складу всей жизни заведенія, во всѣхъ ея проявленіяхъ, познавалъ и сознавалъ на каждомъ шагу, что существуетъ общество, существуютъ права и обязанности, всѣми уважаемые обычаи; что общество и отдѣльная личность вправѣ предъявлять другъ другу взаимныя требованія.

«Все это,—говорить баронъ Корфъ,—я позналъ въ микроскопическомъ мірѣ товарищѣй, который имѣлъ однако свою организацію, сходную съ буршенштафтами германскихъ университетовъ. Не только фискальство, но и неуваженіе къ женщинѣ, угнетеніе слабаго, обманъ, измѣна данному слову—безпощадно карались судомъ товарищѣй. Директоръ и инспекторъ, равно какъ и всѣ учителя воспитывали въ насъ чувство отвѣтственности довѣріемъ къ намъ и представлениемъ намъ возможно полной свободы, а не попеченіями сыскной полиціи.»

Эта разумная организація школьнаго общежитія распространялась на весь режимъ учебнаго заведенія, не исключая даже забавъ и игръ, которые происходили при строгомъ соблюденіи правилъ, установленныхъ традиціями заведенія и свято охраняемыхъ судомъ товарищѣй, имѣвшимъ право подвергать провинившагося даже исключению, признаваемому и начальствомъ. Благодаря такому установлению, все формальное, показное было чуждо этому заведенію, и

жизнь его шла плавно, гармонично, безъ всякихъ отклоненій. Каждая-бы то ни было формалистика до такой степени была чужда духу этого заведенія, что воспитанники его не имѣли даже понятія о томъ, что значитъ «ходить въ парадахъ». Появляясь на городскихъ улицахъ не иначе, какъ гурьбою, они тѣмъ не менѣе не производили впечатлѣнія чего-нибудь неприличнаго, а имѣли видъ веселой приличной, молодой компаніи, привыкшей свободно держать себя не въ ущербъ достоинству.

Къ особенностямъ заведенія Крюммера на германскій пошибъ необходимо добавить еще, что новая мѣстность, люди и нравы опять-таки германскаго-же характера сильно занимали маленькаго Корфа. При отсутствіи хоть чего-либо похожаго на гнетъ или насмѣшки съ какой-бы то ни было стороны въ отношеніи исповѣдуемой имъ православной вѣры, пользуясь даже уроками русскаго языка, мальчикъ однако жадно всасывалъ въ себя нѣмецкій элементъ и неизбѣжно онѣмѣчился-бы до полнаго забвенія всего русскаго, не исключая и природнаго своего языка, при условіи продолжительнаго пребыванія въ Верро. Но ему суждено было провести тамъ лишь два года (1844 и 1845 гг.), примѣрно до одиннадцатилѣтняго возраста. Не извѣстно, по чьему почину (отецъ его былъ уже въ это время безнадежно боленъ) онъ былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ ему суждено было получить коренное русское и православное воспитаніе.

Въ это время въ Петербургѣ большою извѣстностью пользовался пансіонъ Александра Яковлевича Филиппова, существовавшій болѣе 30-ти лѣтъ и послѣ него, подъ управлениемъ членовъ той-же семьи. Въ ту пору процвѣталъ уже столь распространенный въ настоящее время промыселъ «обязательного приготовленія» разными пансіонами къ определенному сроку, въ извѣстное учебное заведеніе,— съ ручательствомъ въ этомъ передъ наивными родителями и со взиманіемъ произвольно высокой платы, до 300 рублей въ мѣсяцъ и болѣе. Но пансіонъ А. Я. Филиппова рѣзко отличался отъ этого типа «промышленныхъ» учебныхъ заведеній, живущихъ, строго говоря, обманомъ и родителей, и учащихся, и тѣхъ учебныхъ заведеній, куда они готовятъ богатое и родовитое юношество. Это было въполномъ смыслѣ образовательное и воспитательное учебное заведеніе, очень серьезно поставленное, гордое своимъ достоинствомъ и успѣхами, неподкупное. Воспитанники Филиппова традиціонно поступали во всевозможныя заведенія одними изъ первыхъ; тѣмъ не менѣе онъ гнушался специализацией «готовить» обязательно въ тѣ или иные учебныя заведенія. Пансіонъ его имѣлъ определен-

ную программу, хорошо примѣненную къ общеобразовательнымъ потребностямъ, а потому питомцы его и оказывались хорошо подготовленными въ разныя учебныя заведенія. На просьбы даже высокопоставленныхъ особъ относительно «приготовленія» въ то или другое заведеніе А. Я. Филипповъ гордо отвѣчалъ, что «приготовляютъ только котлеты, а людей воспитываютъ и обучають». Никакія просьбы и убѣжденія не могли заставить его допустить въ свое заведеніе болѣе 30-ти воспитанниковъ, такъ какъ съ большимъ количествомъ онъ считалъ невозможнымъ вполнѣ добросовѣстно вести дѣло съ той замѣчательной серьезностью, съ какою онъ относился къ этому дѣлу. Ни за кого изъ воспитанниковъ онъ не бралъ болѣе 300 рублей въ годъ, т. е. только ту сумму, которую другіе взимали лишь за одинъ мѣсяцъ ученія.

Пансіонъ Филиппова былъ также строго семейною школою, гдѣ самъ директоръ, довольно многочисленная его семья и питомцы жили одною общею жизнью, дружно, согласно. Даже гостей своихъ Филипповъ принималъ не иначе, какъ за общимъ столомъ съ питомцами, не дозволяя при этомъ ни себѣ, ни другимъ чего либо лишняго противъ того, что онъ могъ предложить и своимъ питомцамъ. Но характеръ этой семейной школы рѣзко отличался отъ тѣхъ двухъ, въ которыхъ ему пришлось побывать—въ Волчьеи и въ Верро. Въ первой было истинно домашнее сельское приволье. Во второй—царилъ духъ германского студенчества, по преимуществу демократическій, направленный къ развитію личаго достоинства и воспитанію чувства долга. Въ третьей—семейственность сводилась къ положенію сына, обязаннаго безпрекословно исполнять волю отца, «безъ разсужденій». Положеніе это опредѣляется «ежовыми рукавицами», право которыхъ баронъ Корфъ старается объяснить тѣмъ, что тогда «вѣровали не только въ возможность задержать работу мысли и безповоротно направить ее отечески-драконовскою властію, но и въ барабанный бой и шагистику».

По счастью однако, А. Я. Филипповъ былъ человѣкомъ не дюжиннымъ въ педагогическомъ отношеніи и умѣло вліялъ на своихъ питомцевъ. Преподаваніе было поставлено такъ серьезно и основательно, что даже дѣти сознавали и чувствовали, насколько знаніе само въ себѣ носить награду за трудъ. Путемъ настойчивыхъ повтореній, знанія вгонялись въ плоть и кровь учащихся, такъ что даже дѣти придавали цѣну только отчетливому, сознательному, увѣренному знанію, какъ запасу на всю жизнь.

Филипповъ былъ всецѣло преданъ своей школѣ. День и ночь проводилъ онъ со своими питомцами, давая себѣ отдыхъ по вече-

рамъ лишь часа на два. Онъ принималъ участіе въ дѣтскихъ играхъ и считался лучшимъ игрокомъ въ мячъ, барры и пятнашку. Онъ начиналъ день чтеніемъ Евангелія воспитанникамъ; онъ-же обыкновенно и заканчивалъ его чтеніемъ вслухъ чего-нибудь живого, интереснаго,—и былъ лучшимъ чтецомъ. Самымъ-же тяжелымъ наказаніемъ въ школѣ считалось, если директоръ, прощааясь съ воспитанниками при отходѣ ихъ ко сну, молча кланялся кому-нибудь изъ нихъ, не подавая при этомъ руки.

Баронъ Корфъ называетъ Филиппова «педагогомъ, любителемъ и артистомъ своего дѣла, неусыпно работавшимъ по призванію». Исключительно личному вліянію этого высоко-нравственнаго и беззавѣтно преданного своему дѣлу человѣка баронъ Корфъ обязанъ педагогической карьерой.

«Въ пансіонѣ Филиппова,—говорить онъ,—подъ вліяніемъ уваженія и привязанности къ директору и того увлеченія и умѣнья, съ которыми онъ преподавалъ и воспитывалъ, я впервые полюбилъ школьнное и учительское дѣло и сталъ считать педагогическую профессію самою благородною и важною изъ всѣхъ существующихъ. Еще въ бытность въ Ѥтомъ пансіонѣ, одиннадцати и двѣнадцати лѣтъ отъ роду, я искалъ случая удовлетворить зародившемуся во мнѣ, благодаря таланту и увлеченію Филиппова, вкусу къ преподаванію. Бывало и хлѣбомъ меня не корми, а дозволь только товарищъ объяснить ему что нибудь изъ преподанного за урокомъ; тутъ сейчасъ разыграется бывало самодѣятельность, и станешь своими способами выяснять товарищу то, что толковалъ учитель, а затѣмъ предлагать ему вопросы о пройденномъ и мечтаешь: «Эхъ, вотъ, когда-бы мнѣ цѣлый классъ достался, такъ такъ бы!...» Мои первые опыты преподаванія вѣроятно удались, такъ какъ вскорѣ стала собираться вокругъ меня цѣлая кучка учениковъ для того, чтобы подъ моимъ руководствомъ, доставлявшимъ мнѣ же огромное наслажденіе, готовить уроки; дожилъ я даже до такого блаженства, что директоръ, который и самъ, быть можетъ, не подозрѣвалъ того, кто заронилъ въ меня своею талантливою и самоотверженной дѣятельностью первую педагогическую искру, съ этихъ поръ уже никогда не угасавшую и разгорѣвшуюся въ пламя при первой благопріятной обстановкѣ,—самъ поручалъ мнѣ слабѣйшихъ.»

Но есть и еще кое-что другое, чѣмъ обязанъ баронъ Корфъ этому скромному пансіону и его прекрасному директору-педагогу. Въ этомъ учебномъ заведеніи «господствовали заповѣди Христа не на словахъ, а на дѣлѣ»,—какъ выражается баронъ Корфъ. А. Я. Филипповъ, по убѣждѣнію, былъ гернгутеромъ, т. е. принадлежалъ къ высоконравственной общинѣ, стремящейся осуществить культь и образъ жизни первоначальныхъ христіанскихъ общинъ. Гернгутеры, какъ известно, стремятся къ возможно большему осуществленію равенства на землѣ, но не разрушениемъ и цѣ-

ною крови, а проповѣдью любви. Не трудно понять поэтому, какъ училъ директоръ своихъ питомцевъ относиться къ прислугѣ, бывшей у него членомъ его семьи, а также и вообще къ меньшой братіи.

Это воспитательное вліяніе встрѣтило особенно благопріятную почву въ юномъ баронѣ Корфѣ, который былъ уже достаточно подготовленъ къ глубокому, сознательному воспріятію его и примѣромъ отца, и человѣчнымъ отношеніемъ къ крестьянамъ въ Погромцѣ и Волчьемъ, наконецъ и демократической закваской заведенія Крюммера. Въ эту раннюю пору, примѣрно около 14-ти-лѣтняго возраста, у барона Н. А. Корфа созрѣли уже сознательное стремленіе и потребность «служенія массѣ».

А. Я. Филипповъ умеръ отъ холеры въ 1848 году, во время свирѣпствовавшей въ Петербургѣ страшной эпидеміи. Въ концѣ того же года непосредственно изъ цансиона, перешедшаго къ брату покойнаго, баронъ Корфъ поступилъ въ лицей. Конкуренція была большая. Отъ поступающихъ требовались знанія въ объемѣ первыхъ четырехъ классовъ гимназіи, съ добавленіемъ притомъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ. Но у Филиппова учили такъ прочно, что юный баронъ Корфъ «не только не тревожился перспективою наступленія экзаменовъ, но втеченіи нѣсколькихъ недѣль, ему предшествовавшихъ, и книги не раскрывалъ».

III.

Л и ц е й.

Разница между лицеемъ и университетомъ.—Отрицательныя и положительныя стороны лицейского обученія.—Работа барона Н. А. Корфа надъ собственнымъ образованіемъ.—Первые литературные его опыты.—Педагогическая практика въ лицѣѣ.—Успѣхи и поведеніе.

Въ противоположность весьма многимъ изъ бывшихъ лицейстовъ, относящихся въ своихъ печатныхъ воспоминаніяхъ очень неодобрительно къ лицѣю, баронъ Корфъ прямо заявляетъ, что онъ «чувствуетъ себя обязаннымъ лицѣю своего времени» (1848—1854 годовъ) и признаетъ его «весыма существеннымъ факторомъ въ числѣ силъ, воспитавшихъ» его. Онъ находитъ, что «законъ вполнѣ незаслуженно предоставляетъ лицейстамъ привилегированное служебное положеніе», но это не мѣшаетъ ему относиться къ лицѣю «безъ предубѣжденія». Дѣлая сближеніе между лицеемъ

и университетомъ въ научномъ отношеніѣ, онъ безусловно отдаетъ въ своихъ «Запискахъ» пальму первенства послѣднему; но онъ протестуетъ противъ огульного обвиненія лицея въ «пустотѣ».

Лицей временъ барона Корфа имѣлъ шестилѣтній срокъ ученія, при четырехъ курсахъ, съ полуторагодичнымъ промежуткомъ въ каждомъ курсѣ. Въ двухъ младшихъ курсахъ (т. е. втечениіи трехъ первыхъ лѣтъ обученія) была чисто школьная система преподаванія, т. е. съ задаваніемъ и спрашиваніемъ уроковъ. Втечениіи же трехъ послѣднихъ учебныхъ лѣтъ (въ двухъ старшихъ курсахъ) читались лекціи, но съ обязательной провѣркой (репетиціями) по всѣмъ предметамъ прочитанного втечениіи предыдущаго мѣсяца.

Учебный курсъ лицея представлялъ удивительно пеструю смѣсь осколковъ программъ историко-филологического, юридического и физико-математического факультетовъ. Лицеистамъ преподавалось даже сельское хозяйство, причемъ въ лицейскомъ саду было отдано нѣсколько квадратныхъ саженей подъ «опытное поле», представлявшее понятно только карикатуру на «поле» и по размѣру, и по результатамъ «опытовъ».

Эта необъятная многопредметность программы сама собою уже исключала возможность строго-научнаго преподаванія въ университетскомъ смыслѣ слова. Къ этому нужно прибавить еще, что въ составѣ преподавателей было не мало людей, рѣшительно не удовлетворявшихъ своему назначению. Такъ напримѣръ, профессоръ Оболенскій, вмѣсто государственного права, читалъ русскіе государственные законы, ни однимъ словомъ не касаясь теоріи права, сравнительного законодательства и исторіи права. Читалъ онъ этотъ имъ самимъ состряпанный курсъ, не представлявшій собою ровно ничего научнаго, по устарѣвшимъ литографированнымъ запискамъ, которая онъ зналъ наизусть и потому произносилъ, засыпая на каѳедрѣ. Профессоръ Георгіевскій читалъ, вмѣсто словесности и исторіи литературы, какую-то невозможную піитику, по имъ-же самимъ составленной книгѣ. По счастью этого піиту вскорѣ замѣнилъ профессоръ Я. К. Гротъ, читавшій очень содержательный курсъ исторіи русской словесности, вообще имѣвшій наилучшее вліяніе на слушателей и гуманностью воззрѣній, и горячую любовью къ своему предмету.

Ботаника преподавалась лицеистамъ на англійскомъ языкѣ, а зоология—на французскомъ. Преподаваніе нѣмецкой словесности сильно хромало. Не безъ грѣха было также и преподаваніе исторіи. Читалъ этотъ предметъ И. П. Шульгинъ, человѣкъ, довольно известный въ свое время, обладавшій значительнымъ запасомъ зна-

ній, но сильно устарѣвшій. Онъ начиналъ свой курсъ съ весьма полного изложенія данныхъ изъ прекрасной книги Гизо «Исторія цивилизаціи въ Европѣ», вовсе не упоминая однако о послѣдней. Но, разманивъ у слушателей любовь и вкусъ къ исторіи, онъ преподносилъ имъ потомъ совершенно нестройный историческій ворохъ событій и фактовъ, съ такимъ произвольнымъ распределеніемъ на періоды, которое совершенно извращало внутреннюю зависимость и связь между историческими событіями. Неудивительно поэтому, что «курсъ русской и всеобщей исторіи,—какъ удостовѣряетъ баронъ Корфъ,—оставался безъ всякаго вліянія на политическое воспитаніе» слушателей.

«Шульгину и лицою я обязанъ самымъ возбужденіемъ аппетита (къ исторіи), за удовлетвореніе котораго усердно принялъ послѣ выпуска изъ лицея, проклиная И. П. Шульгина за то, что за три года онъ не сдѣлалъ намъ ни одного указанія на литературу исторіи и источники, и за то, что на время съ 1789 года по 1815 г. онъ только намекнулъ, и о всѣхъ событіяхъ, послѣдовавшихъ за 1815 годомъ, не произнесъ ни одного слова.»

Къ особенностямъ лицейскаго преподаванія той поры нужно прибавить еще крайнюю щепетильность, съ которой обходили все, что мало-мальски могло казаться щекотливымъ въ политическомъ отношеніи. Этюю именно предвзятою цѣлью и объясняется, почему въ изложеніи новой исторіи былъ совершенно затушеванъ періодъ реформаціи, равно какъ и всѣ другія характернѣйшія историческія событія, совершенно преобразовавшія складъ, строй и культурное состояніе всей Европы. Характеризуя эту «щепетильность», баронъ Корфъ отмѣтаетъ между прочимъ слѣдующій фактъ. Отдавая справедливость профессору П. Д. Калмыкову, читавшему исторію русскаго права, за «воспитывающее значеніе» его курса, онъ тѣмъ не менѣе оговаривается, что даже этотъ «почтенный ученый» и «развитой человѣкъ», читавшій втечениіи трехъ лѣтъ, старался растянуть свой курсъ, чтобы именно не добраться до болѣе или менѣе «щекотливыхъ» эпохъ ближайшаго къ намъ времени. Баронъ Корфъ жалуется въ своихъ «Запискахъ» на этотъ пробѣлъ въ образованіи юношества, указывая на возможность «увлеченій и ошибокъ», вслѣдствіе предоставленія молодежи самой знакомиться, «случайно и безъ критики», съ историческими событіями.

Указавъ на недостатки лицейскаго преподаванія, необходимо отмѣтить и хорошія его стороны. Считая невозможнымъ сравнивать лицейское преподаваніе съ дѣйствительно научною постановкою университетскаго преподаванія по факультетамъ, тѣмъ не ме-

нѣе нельзя не признать серьезного для того времени образовательного значения курса лицея въ общемъ его составѣ и исполненіи.

Характеренъ слѣдующій разсказъ Корфа о своей лицейской порѣ:

«Поступивъ въ лицей, я въ первое время сталъ лѣниться не только читать, но и готовить уроки, и упросилъ нашего доктора принять меня на нѣсколько дней въ больницу; докторъ Н. Л. Тавастъ никогда не былъ знаменитымъ врачомъ, но славился своею добротою и, какъ оказывается теперь, былъ педагогомъ въ душѣ: принимая меня въ больницу, онъ не видѣлъ во мнѣ лѣнтия, котораго онъ портить, поощряя его лѣнъ, но юношу пятнадцати лѣтъ, который себѣ немного оскомину набилъ ученьемъ и которому хотѣлось отдохнуть; допустивъ меня въ больницу, онъ далъ мнѣ поскучать нѣсколько дней отъ одиночества и праздности, а затѣмъ сказалъ мнѣ: «не дать-ли вамъ какую нибудь книгу почитать?» Это предложеніе было принято мною съ восторгомъ, и я не прочелъ, а проглотилъ съ наслажденіемъ комедіи Мольера, присланный мнѣ докторомъ. «Не-пора ли въ лицей?» сказалъ мнѣ послѣ этого Тавастъ; «нѣтъ, дайте еще книгу», отвѣчалъ я ему. «Ну, извольте, но это ужъ будетъ послѣдняя, не правда ли?» «Даю слово», сказалъ я съ достоинствомъ истаго питомца Крюммера. Проблаженствовавъ еще три дня надъ интересною книгою, я возвратился въ классъ на всегда выздоровѣвшимъ отъ нежеланія читать, и съ этихъ поръ книги уже не выпускалъ изъ рукъ, а учиться сталъ лучше и настолько, что за послѣдніе три года пребыванія моего въ лицѣи не-прерывно состоялъ первымъ по успѣхамъ и никогда ни изъ одного предмета не получалъ менѣе полнаго балла (12). Очень усердно занимаясь, я всегда находилъ время читать и усвоилъ себѣ при этомъ методъ, который вѣроятно не мало содѣйствовалъ къ тому, что-бы я могъ надлежащимъ образомъ переваривать прочитанное: изучая въ послѣдніе три года исторію словесности русской, французской, нѣмецкой и англійской, я старался въ чтеніи по возможности поспѣвать за курсами профессоровъ и читать авторовъ именно тогда, когда разбирали ихъ на лекціяхъ профессора.»

Система репетицій заставляла серьезно и отчетливо работать. Это само собою наталкивало учащихся на чтеніе—и пробѣлы лекцій успешно пополнялись путемъ серьезной самодѣятельности.

«Читали въ нашемъ курсѣ—говорить баронъ Корфъ—на русскомъ и трехъ иностранныхъ языкахъ, но на англійскомъ лишь немногіе, хотя всякий изъ насъ и долженъ былъ въ послѣднемъ курсѣ писать сочиненія по-англійски. Я рѣшительно не помню, чтобы у насъ читались романы; если и читались, то весьма рѣдко, и я не прочелъ въ лицѣи ни одного; но читалась масса классическихъ произведеній и научныхъ книгъ.» «Не только по литературамъ, но и изъ многихъ другихъ наукъ старались мы отвѣчать такъ, чтобы видѣли, что человѣкъ читаетъ.»

За указанными выше недостатками, составъ преподавателей былъ въ общемъ хороши. Наиболѣе связно и стройно былъ поставленъ юридический отдѣль курса, преимущественно съ университет-

скимъ составомъ преподавателей. Насколько лекторы французского и англійского языковъ были смѣшны въ роли натуралистовъ (какъ преподаватели зоологии и ботаники—по заказу и наряду), настолько наоборотъ они оказывались почтенными въ роли преподавателей специальныхъ своихъ предметовъ. Не ограничиваясь разборомъ изящныхъ произведеній лишь съ эстетической точки зрѣнія, они старались всякое литературное произведеніе связать съ его временемъ и не чуждались исторіи научного и философского развитія своего народа. Поистинѣ можно сказать: «гони природу въ дверь,—она влетитъ въ окно». Тѣ пробѣлы, которые были въ преподаваніи нѣкоторыхъ гуманитарныхъ предметовъ, восполнялись до извѣстной степени широкой и удачной постановкой преподаванія французской и англійской литературы.

Въ общемъ баронъ Н. А. Корфъ правъ, вспоминая свою лицейскую пору добрымъ словомъ, хотя ему пришлось учиться тамъ въ періодъ замѣны традиціоннаго «колокольчика» барабаннымъ боемъ и обязательной получасовой маршировки ежедневно, подъ руководствомъ унтеръ-офицеровъ и наблюденіемъ инспектора лицея.

Съ малыхъ лѣтъ пріученный самостоятельно и отчетливо работать, юноша-Корфъ серьезно и съ большою пользою трудился въ лицѣѣ надъ своимъ самообразованіемъ. На лицейской скамьѣ онъ не только прочиталъ, но даже изучилъ въ подлинникѣ «Духъ законовъ», Монтескье, испещривъ собственный экземпляръ этой книги своими замѣтками. Съ восторгомъ была прочитана имъ также и «Исторія цивилизациіи въ Европѣ», Гизо. Увлекался и запрещенными въ то время «Записками по всеобщей исторіи» профессора педагогического института Лоренца. Въ бытность въ послѣднемъ курсѣ лицея, у него были отобраны инспекторомъ сочиненія Фейербаха, но его отстоялъ профессоръ П. Д. Калмыковъ, доказавшій, что книга эта «имѣеть ближайшее отношеніе къ теоріи права и потому должна быть разрѣшена». Вообще баронъ Корфъ много и серьезно читалъ по всѣмъ главнѣйшимъ предметамъ лицейскаго курса. У него рано образовалась страсть покупать книги на свои средства. Во все время пребыванія въ лицѣѣ, онъ получалъ по пяти рублей въ мѣсяцъ на извозчиковъ и перчатки. Предпочитая ходить пѣшкомъ и никогда не надѣвая перчатокъ, онъ всѣ свои карманныя деньги цѣликомъ обращалъ на книги, покупая послѣднія, ради дешевизны, у букинистовъ. Подъ вліяніемъ благотворной внутренней работы, юноша скоро понялъ, что «наука одна, что задача ея состоять въ изученіи человѣка и природы и что различные науки, по которымъ читаются лекціи подъ разными названіями, не что иное, какъ раз-

личныхъ точки зрѣнія все на того же человѣка и его дѣятельность и на природу». Цѣлый переворотъ въ душѣ юноши произвело это открытие, разомъ осмысливъ ученіе, сдѣлавъ его задачею и цѣлью всей послѣдующей его жизни.

Рано зародилась у барона Н. А. Корфа страсть къ писательству. Еще бывши въ лицѣ, онъ задумалъ переводить трагедію Корнеля съ подлинника на нѣмецкій языкъ, который, подъ вліяніемъ только-что прочитанныхъ имъ гекзаметровъ «Мессіады» Кlopштока, казался ему какъ-бы специально предназначеннымъ для «высокаго стиля». Въ эту-же пору онъ написалъ три повѣсти, такъ и оставшіяся къ сожалѣнію въ рукописяхъ, «въ качествѣ пожизненно-заключенныхъ», — иронизируетъ баронъ Корфъ въ своихъ «Запискахъ», — просто по той причинѣ, что отъ этой неволи никто ничего не потерялъ и не потеряетъ». Очень жаль однако, что это «пожизненное заключеніе» продолжается даже и послѣ смерти автора.

Вкусъ къ литературнымъ занятіямъ развился у Н. А. Корфа подъ вліяніемъ даровитаго дяди его, барона Федора Федоровича Корфа, умершаго въ молодыхъ годахъ, извѣстнаго въ литературѣ по его «Воспоминаніямъ о Персіи», по остроумнымъ фельетонамъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» и по комедіямъ, которыхъ и до сихъ поръ еще держатся на театральной сценѣ. Ф. Ф. Корфъ также подмѣтилъ страсть къ литературнымъ занятіямъ у своего племянника. Однажды, считая племянника ушедшими, онъ сказалъ своей женѣ: «вотъ единственный человѣкъ въ нашей семье, который будетъ писать». Въ виду уваженія къ литературному дарованію дяди, эта аттестація привела юношу въ неописанный восторгъ, тѣмъ болѣе, что, по высокому идеализму той поры и личнаго его направленія, онъ смотрѣлъ на литературное дѣло, какъ на священномѣстствѣ. Не представляя себѣ даже возможности существованія литераторъ, торгующихъ совѣстью и первомъ, литераторовъ-хамелеоновъ, литераторовъ-пресмыкающихся, литераторовъ-доносчиковъ, онъ смотрѣлъ черезъ розовую юношескую призму на писательство, какъ на самую высшую ступень педагогической дѣятельности, въ смыслѣ просвѣщенія и руководства всею грамотною частью населенія. Педагоговъ-же, какъ мы знаемъ уже, онъ высоко цѣнилъ. Онъ сознавалъ уже, что за время своего ранняго безпріютнаго дѣтства рѣшительно всѣмъ обязанъ имъ. Кромѣ того, извѣдавъ гнетъ лично на самомъ себѣ, онъ возмущался несправедливымъ отношеніемъ общества къ лицамъ педагогической профессіи, особенно-же къ гувернерамъ и гувернанткамъ, какъ людямъ угнетеннымъ. Такимъ образомъ свои юношескія симпатіи къ педагогической дѣятельности

баронъ Корфъ перенесъ и распространилъ на литературную дѣятельность, сблизивъ въ своемъ представлениі два эти поприща дѣятельности, несомнѣнно имѣющія между собою очень много общаго.

Въ бытность еще въ младшемъ отдѣленіи лицея, т. е. на 16-мъ году жизни, барону Корфу пришлось серьезно извѣдать свои преподавательскія силы. Въ лицей поступилъ среди учебнаго года сынъ бывшаго въ то время нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Трiestѣ графа Кассини. Отлично подготовленный по всѣмъ предметамъ, онъ ни слова однако не зналъ по-русски. На вызовъ директоромъ желающихъ преподавать ему русскій языкъ, отозвался только баронъ Корфъ, въ годичный срокъ настолько подвинувшій Кассини въ русскомъ языкѣ, что тотъ владѣлъ имъ такъ-же свободно и правильно, какъ и природнымъ своимъ итальянскимъ. Этотъ успѣхъ Корфъ приписываетъ «богатымъ дарованіямъ ученика»; но нужно-же конечно отдать должное и «дарованію» юнаго учителя.

Въ старшемъ отдѣленіи лицея особенно труднымъ предметомъ считалась «теорія уголовнаго права». Передъ «репетиціями» изъ среды товарищѣй находились желающіе послушать разъясненія барона Корфа по этому предмету, что доставляло ему невыразимое удовольствіе. Не ускользнула отъ его вниманія и ничтожная школка грамотности, существовавшая въ лицѣ для дѣтей находившихся въ немъ служителей, помѣщавшаяся въ лицейскомъ предбанникѣ, въ которой учили діаконъ, посвященный изъ дьячковъ. Это была школа безпрерывнаго съченія, побоевъ, вопля и слезъ дѣтей, — какъ характеризуетъ ее баронъ Корфъ. Онъ посѣщалъ эту школу, но не извѣстно однако, какое именно участіе принималъ въ ней. Вообще-же во все время пребыванія его въ лицѣ въ немъ былъ обостренъ интересъ къ педагогической дѣятельности. Какъ онъ самъ говоритъ въ «Запискахъ», «начиная съ пятнадцатилѣтняго возраста, не проводилъ ни однихъ каникулъ, не обучая какого-нибудь крестьянскаго мальчика».

Подводя общій итогъ вліянію лицея на барона Корфа, нельзя пройти молчаніемъ слѣдующей характерной подробности. «Единственнымъ профессоромъ,—говорить онъ въ своихъ «Запискахъ»,—косвенно, но сильно поддержавшимъ выработанную во мнѣ раньше мечту о работѣ на благо крестьянъ, былъ профессоръ и извѣстный того времени ученый Сахаровъ. Онъ читалъ намъ быть можетъ никому изъ насъ ненужную палеографію, обучая насъ разбирать и воспроизводить древнія рукописи, написанныя уставомъ, полууставомъ и скорописью; но важно то, что онъ былъ изъ первыхъ собирателей народныхъ сказокъ и преданій и, записавъ ихъ, напечатавъ

таль подъ именемъ: «Сказанія русскаго народа». Нѣкоторые изъ нась не только прочитали эту книгу, но и искали общества этого представителя народнаго начала въ нашей средѣ».

Серьезно работая, Корфъ прошелъ лицей однимъ изъ первыхъ, получивъ однако серебряную медаль, вмѣсто золотой, за «поведеніе». Вообще и въ пансіонѣ Филиппова, и въ лицѣѣ баронъ Корфъ никогда не былъ въ категоріи такъ-называемыхъ «благонравныхъ». Будучи отъ природы человѣкомъ кроткимъ, онъ тѣмъ не менѣе часто подвергался обвиненіямъ въ «дерзости»—только за прямоту, за неумѣніе смолчать. Года-же за два до выпуска изъ лицея онъ еще и курилъ втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, да притомъ такъ неловко, что попадался и раза три сидѣлъ за куреніе въ карцерѣ.

Эта школьнaya дрессировка совершенно не соотвѣтствовала нравственному облику барона Корфа, бывшаго въ это время уже зрѣлымъ юношемъ, обращавшимъ на себя вниманіе преподавателей серьезнымъ отношеніемъ къ занятіямъ. Объ этомъ можно судить между прочимъ по письму къ нему академика Я. К. Грота, бывшаго профессоромъ его по лицею. Въ 1867 году, т. е. примѣрно черезъ 13 лѣтъ уже послѣ окончанія лицея, академикъ Гротъ въ дѣловомъ письмѣ своемъ къ барону Корфу между прочимъ говоритъ:

«За вашею дѣятельностью я всегда слѣдилъ, сколько могъ, по газетамъ и разнымъ статьямъ вашимъ, въ которыхъ, кромѣ благородного образа мыслей и основательности познаній, обращаетъ на себя вниманіе и прекрасное перо. Задатки этого видѣлъ я еще въ лицейскихъ вашихъ упражненіяхъ и не забылъ вашего сочиненія обѣ исторіи Карамзина.»

IV.

Въ деревнѣ и на земской службѣ.

Девизъ барона Н. А. Корфа и обстоятельства, при которыхъ сложился его девизъ.—Полтора года коронной службы.—Возвращеніе въ деревню и женитьба.—Отношеніе къ крестьянамъ.—Самообразовательная работа барона Н. А. Корфа и специализація въ педагогическомъ отношеніи.—Баронъ Корфъ, нашъ земскій дѣятель.—Школьное дѣло до и послѣ введенія земскихъ учрежденій.—Баронъ Корфъ, какъ творецъ русской народной школы.—Роль народной школы въ дѣлѣ сближенія разныхъ сословій.—Учебно-воспитательное дѣло, какъ соціальное по преимуществу.—Привлеченіе къ участію въ школьнномъ дѣлѣ всѣхъ мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ.

«Не быть ничѣмъ *ex officio* и чѣмъ-нибудь *de facto*»—вотъ тотъ девизъ, который установился у барона Николая Александров-

вича Корфа еще на лицейской скамье, и которому онъ остался въренъ во всю послѣдующую свою жизнь. Замѣчательно, что этотъ строгій и высокій нравственный принципъ сложился у юнаго барона при такихъ обстоятельствахъ, которые обыкновенно приводятъ къ прямо обратному результату.

Въ числѣ петербургскихъ родственниковъ Корфа, принявшихъ участіе въ его воспитаніи во время круглого сиротства, былъ и знаменитый въ свое время баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ, впослѣдствіи графъ. Въ домѣ его, какъ своего дяди, юноша Корфъ часто бывалъ. Это былъ человѣкъ высоко даровитый, разносторонне развитый, гуманный и неподкупно честный. Дѣятельность его, какъ директора публичной библіотеки, которой онъ былъ преданъ съ увлеченіемъ, со страстью, въ высшей степени обаятельно дѣйствовала на юношу Корфа, разжигая и усиливая въ немъ любовь къ книгамъ, уваженіе къ знанію, жажду къ разносторонности образованія. Не менѣе сильное и обаятельное впечатлѣніе производилъ на него дядя и своимъ дневникомъ, который онъ съ истинно немецкою аккуратностью велъ за десятки лѣтъ, хранилъ въ величайшемъ порядкѣ и читалъ иногда въ своей семье. «Независимо отъ интереса, возбуждавшагося самимъ содержаніемъ,—говорить баронъ Н. А. Корфъ,—во мнѣ это чтеніе поселяло какое-то неопредѣленное, но и непреодолимое желаніе послужить обществу и сдѣлать что-нибудь для отечества». Наконецъ юноша Корфъ симпатизировалъ своему сановитому и высокопоставленному дядѣ, какъ бывшему лицеисту, окончившему курсъ въ одно время съ Пушкинымъ. Но блестящая служебная карьера дяди, его сановитость и высокопоставленность производили на юношу-племянника менѣе даже чѣмъ не обаятельное вліяніе.

Отсылая интересующихся мотивами этого характернаго явленія къ «Запискамъ» барона Корфа, замѣтимъ лишь, что именно тѣ обстоятельства, которые побуждаютъ другихъ «дѣлать карьеру» во что бы то ни стало, повернуло барона Н. А. Корфа прямо въ обратную сторону. Это свидѣтельствуетъ о цѣльности и стойкости нравственной его личности въ раннюю юношескую пору, объ отсутствіи разлада между словомъ и дѣломъ. Все это и вылилось въ оригиналную формулу самого высокаго и благороднаго честолюбія: «не бытьничѣмъ *ex officio* и чѣмъ-нибудь—*de facto*».

Выпущенный изъ лицея въ 1854 году, двадцати лѣтъ, т. е. въ томъ возрастѣ, въ которомъ очень немногіе счастливцы въ наше время едва-едва добиваются аттестата зрѣлости, баронъ Н. А. Корфъ, какъ не имѣвшій еще должнаго гражданскаго совершенно-

лѣтія, чтобы наслѣдовать родовое свое помѣстіе по матери, вынужденъ былъ, по настоянію родныхъ, поступить на государственную службу, въ департаментъ министерства юстиціи. Но эта коронная служба продолжалась всего лишь полтора года, т. е. до наступленія полнаго совершеннолѣтія. Баронъ Н. А. Корфъ ясно сознавалъ, что родство и связи, успѣшное окончаніе лицея и первые-же шаги по службѣ открываютъ ему блестящую карьеру до наивысшихъ ступеней въ служебной іерархіи. Но душа жаждала иной дѣятельности, и живая, отзывчивая натура его решительно не мирилась съ канцелярскимъ дѣломъ. Поэтому, какъ только наступило время полновластнаго унаслѣдованія родового своего помѣстія Нескучнаго, въ Екатеринославской губерніи, баронъ Н. А. Корфъ, вопреки настойчивымъ уговорамъ и совѣтамъ своихъ богатыхъ и вліятельныхъ петербургскихъ родственниковъ, бросилъ службу и Петербургъ, уѣхалъ въ свою деревню. Этотъ фактъ, по увѣреніямъ нѣкоторыхъ лицъ, близкихъ къ барону Н. А. Корфу, послужилъ поводомъ почти къ полному разрыву его съ богатыми и вліятельными петербургскими родственниками, подъ покровительствомъ которыхъ онъ находился во время одиннадцатилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ и которые готовили ему совершенно иной жизненный путь.

Поселившись въ своемъ Нескучномъ, баронъ Н. А. Корфъ женился 22 лѣтъ отъ рода на дочери одного изъ сосѣднихъ по имѣнію помѣщиковъ, Маріи Михайловнѣ Клевцовой. Какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ», женитьба «разлучила» его съ самымъ близкимъ ему человѣкомъ за все время пребыванія въ Петербургѣ, родной теткой его по отцу, Е. Ф. Кёлеръ, «служившей матерью въ лучшемъ смыслѣ слова». Но, какъ видно изъ его «Записокъ», онъ былъ вполнѣ счастливъ въ супружествѣ.

Короче говоря, очутившись въ положеніи самостоятельного, женатаго екатеринославскаго помѣщика, онъ какъ бы «сжегъ корабли» своего привилегированнаго происхожденія и воспитанія, своего знатнаго родства и связей. Но это какъ бы даже облегчило барону Корфу возможность зажить въ своемъ Нескучномъ очень дѣятельною и разумною жизнью, не замедлившею принести громадную и во вѣки незабвенную общегосударственную пользу.

Поселившись въ своемъ помѣстіѣ, баронъ Корфъ очутился въ средѣ крестьянъ, обожавшихъ память его матери, нянчившихъ и всячески баловавшихъ его, когда онъ лишился матери. Даже въ то время, когда онъ жилъ у тетки, въ Воронежской губерніи, нескученскій приказчикъ, пѣшкомъ пришедший изъ Екатеринославской

губернії для свиданія со своїми родними, не польвился разыскать маленькаго Корфа, пришелъ провѣдать его и принесъ ему гостинца. Это свиданіе такъ тронуло мальчика, что онъ тогда-же, семи лѣтъ отъ рода, сказалъ себѣ: «Эхъ, вотъ, какъ выросту я, тогда-то заживутъ крестьяне деревни Нескучной!» Ради этого-то главнымъ образомъ баронъ Н. А. Корфъ и предпочелъ деревню столицѣ, казавшейся* ему узкою и тѣсною. Между нимъ и крестьянами установились самыя добрыя, сердечныя отношенія, которыя были настолько прочны, что не только до освобожденія отъ крѣпостной зависимости, но и до самой смерти Корфа нескученцы всемъ обществомъ подносили ему хлѣбъ-соль, въ видѣ поздравленія, ежегодно въ день его именинъ, на Пасху и на Рождество.

Наслаждаясь радостями удачной семейной жизни, полной любви и взаимнагоуваженія, дѣятельно занимаясь улучшеніемъ своего и крестьянскаго хозяйства, баронъ Корфъ не забросилъ и удовлетворенія потребностей высшаго духовнаго порядка—самообразованія. Въ совершенствѣ владѣя французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками, онъ выписывалъ лучшія изъ журналовъ и газетъ, какъ на русскомъ, такъ и на трехъ названныхъ иностранныхъ языкахъ, и приобрѣталъ наиболѣе выдающіяся сочиненія, главнымъ образомъ философскаго, политическаго и педагогическаго содержанія. Такимъ образомъ у него постепенно формировалась очень солидная и разносторонняя библіотека, достигшая современемъ весьма значительныхъ размѣровъ. Пріученный къ усидчивости, аккуратности и методичности въ занятіяхъ, онъ много, серьезно и успѣшно работалъ надъ собственнымъ самоусовершенствованіемъ.

Появеніе дѣтей обратило его вниманіе въ сторону воспитанія. Обѣ его дочери преимущественно ему обязаны своимъ образованіемъ. Это конечно потребовало большой подготовительной работы съ его стороны. Знакомясь съ дѣломъ воспитанія и обученія теоретически, онъ тѣмъ не менѣе выѣзжалъ и за границу для непосредственнаго изученія школьнаго дѣла на родинѣ Песталоцци.

Въ такой серьезной научной и разносторонней подготовительной дѣятельности прошло 10 лѣтъ. Благодаря этому, крестьянская, а потомъ и земская реформы нашли въ баронѣ Корфѣ не только горячаго и энергического общественнаго дѣятеля, но и человѣка, замѣчательно зрѣло и всесторонне подготовленного къ служенію на пользу общую.

* * *

Какъ землевладѣлецъ и членъ дворянской корпораціи, баронъ Н. А. Корфъ принималъ дѣятельное участіе въ дворянскихъ со-

браніяхъ, работая, понятно, въ культурномъ и прогрессивномъ направлениі. Весьма цѣнное значеніе имѣло также участіе барона Корфа, какъ человѣка, широко образованного и разносторонне развитого, въ подготовленіи, проведеніи и практическомъ осуществленіи на мѣстѣ крестьянской реформы. Вотъ что напримѣръ говорится объ этой сторонѣ дѣятельности Корфа въ «Воспоминаніяхъ» Гнѣдина, напечатанныхъ въ 5, 6 и 7 книжкахъ «Русского Богатства» за 1893 годъ:

«Незадолго до нашего очередного дворянского собранія въ первое трехлѣтіе освобожденія я познакомился съ молодымъ человѣкомъ, возвратившимся изъ заграничнаго путешествія, барономъ Н. А. Корфомъ. Эта замѣчательно свѣтлая личность высказывала полную симпатію всѣмъ моимъ посредническимъ дѣйствіямъ и изъявила готовность дать на собраніи отпоръ всѣмъ могущимъ быть на меня нападкамъ. Дворянское собраніе было замѣчательно бурное, вслѣдствіе озлобленія противъ положенія и желанія во что бы то ни стало вернуть старые порядки. Приверженцы старины замышляли жестоко пробрать нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ и даже, если возможно, исключить ихъ изъ сословія дворянъ. Въ числѣ лицъ, предполагаемыхъ къ исключенію, былъ и я. Разумѣется, дѣйствія этихъ посредниковъ должны были разбираться по уѣздамъ, начиная съ первого. Обвиненіе началось противъ одного изъ посредниковъ Екатеринославскаго уѣзда, очень дѣятельнаго и энергичнаго. Посредникъ бойко защищался. Въ качествѣ обвинителя выступилъ также и мой пріятель, отставной артиллерійскій полковникъ, арендовавшій въ моемъ участкѣ имѣніе. Онъ былъ яростный крѣпостникъ и требовалъ между прочимъ, чтобы въ адресѣ Государю, по случаю манифеста объ освобожденіи крестьянъ, непремѣнно была выражена просьба, чтобы судъ надъ крестьяниномъ принадлежалъ помѣщику, съ правомъ наказывать за всѣ провинности. Противъ полковника выступилъ баронъ Корфъ. Въ блестящей рѣчи онъ защищалъ посредниковъ и между прочимъ указалъ на то, что дворянское собраніе не имѣть права судить ихъ, такъ какъ ихъ служебная дѣятельность соотвѣтствуетъ духу положенія, а порицать послѣдній законъ значило-бы идти противъ Высочайшей воли, ясно выраженной въ манифестѣ объ освобожденіи крестьянъ. Рѣчь Корфа сильно повліяла на собраніе, о посредникахъ бросили говорить, и адресъ былъ составленъ по редакціи Корфа и кажется Савельева. Это дворянское собраніе было предсмертной агоніей существовавшаго порядка: волей-неволей надо было сознать, что старые порядки рухнутъ, и что слѣдуетъ ждать новыхъ реформъ и присматриваться къ нимъ.»

Но общественная дѣятельность барона Корфа характерно опредѣлилась лишь со введеніемъ земскихъ учрежденій. Самое осуществленіе земскихъ собраній и управъ, введеніе судебной реформы и вся послѣдующая организація земства происходили при непосредственномъ и очень дѣятельномъ его участіи, какъ гласнаго ал-

ксандровского уѣзднаго земства и екатеринославскаго губернскаго. На первыхъ-же порахъ земской дѣятельности мы видимъ барона Корфа въ роли секретаря земскихъ собраній, члена ревизіонной комиссіи, почетнаго мирового судьи, а затѣмъ и предсѣдателя мирового съѣзда. Достаточно заглянуть въ земскіе журналы той поры, чтобы убѣдиться, что на каждомъ изъ этихъ постовъ общественнаго служенія баронъ Корфъ былъ на высотѣ оказываемаго ему довѣрія. Въ новомъ и обширномъ земскомъ хозяйствѣ и мировомъ институтѣ онъ проявилъ ясное пониманіе дѣла и глубокое знаніе, какъ бытовой жизни, такъ и легальной стороны. Какъ это видно напримѣръ изъ «Воспоминаній» покойнаго Гнѣдина, также бывшаго земскимъ гласнымъ, съ момента первого приступа къ выбору земскихъ гласныхъ и во всю послѣдующую земскую дѣятельность, баронъ Корфъ былъ однимъ изъ главныхъ руководителей и заправителей во всемъ мѣстномъ земскомъ хозяйствѣ. На каждомъ изъ постовъ почетнаго общественнаго служенія онъ проявлялъ замѣчательную энергию и просвѣщенное руководство — съ широкимъ и возвышеннымъ общественнымъ взглядомъ.

Такая роль барона Корфа, какъ выдающагося земскаго работника, чувствовалась и признавалась не только въ рамкахъ уѣзднаго, но и губернскаго земскаго хозяйства, какъ объ этомъ можно судить между прочимъ по слѣдующему факту. Осеню 1867 года баронъ Корфъ, заваленный дѣломъ по своимъ прямымъ обязанностямъ въ Александровскомъ уѣздномъ земствѣ, не предполагалъ быть на очередномъ земскомъ екатеринославскомъ губернскомъ собраніи. Узнавъ объ этомъ, собравшіеся губернскіе гласные съ предсѣдателемъ собранія во главѣ, послали ему «по эстафетѣ» слѣдующее знаменательное коллективное приглашеніе:

«Съ особеннымъ прискорбиемъ узнали мы, что вы не предполагаете быть въ настоящемъ земскомъ собраніи. Уважая васъ, какъ одного изъ первыхъ и полезнѣйшихъ дѣятелей нашего губернского земства, мы высоко цѣнимъ оказанныя уже вами услуги земскому дѣлу, дорожимъ вашимъ образованнымъ направленіемъ, любимъ васъ, какъ благороднѣйшаго человѣка, и, при такой душевной расположности, рѣшаемся послать вамъ это письмо по эстафетѣ и усерднѣйше просить васъ не лишать насъ удовольствія имѣть васъ нашимъ полезнѣйшимъ сотрудникомъ и въ настоящую сессію. Позволяемъ себѣ надѣяться, что вы, настолько любя земское дѣло, примете къ сердцу нашу просьбу и не откажете исполнить ее къ общему нашему удовольствію.»

Такъ высоко цѣнило губернское земство барона Корфа и его заслуги уже на второмъ году открытія дѣятельности земскихъ учрежденій, когда только что начиналась и не успѣла еще вполнѣ

определиться педагогическая его дѣятельность, въ которой онъ былъ поистинѣ великъ и не замѣнимъ. Даже и теперь, когда русская народная школа имѣетъ болѣе чѣмъ четвертивѣковую исторію, какъ нормированное, регулярное учебное заведеніе, дѣло народнаго образованія все еще продолжаетъ быть предметомъ безконечныхъ споровъ, сомнѣній, колебаній и ошибокъ, нерѣдко крайне грубыхъ и прискорбныхъ. Представьте-же себѣ ту пору, когда баронъ Корфъ, какъ земскій гласный и членъ александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, имъ-же, строго говоря, организованнаго и руководимаго, впервые выступилъ въ роли организатора народныхъ школъ въ своемъ родномъ уѣздѣ. Ни идеи и типа народной школы, ни руководствъ и учителей, ни порядка административнаго управлениія и завѣдыванія школами—словомъ, ровно ничего не было. Все это приходилось создавать барону Корфу сначала, прокладывать путь въ-цѣлину,—и онъ проявилъ въ этомъ отношеніи высокое творчество, обнаружилъ огромный организаторскій талантъ, заставивъ притомъ обратить всеобщее вниманіе на свою выдающуюся созиадательную дѣятельность въ провинціальномъ захолустѣ.

Съ отроческихъ лѣтъ чувствуя влеченіе къ педагогической дѣятельности, основательно—какъ мы знаемъ уже—подготовленный теоретически и практически въ этомъ отношеніи десятилѣтнею самостоятельною работою, баронъ Н. А. Корфъ избралъ для себя не общепедагогическую дѣятельность, а специально народное образованіе, какъ область совсѣмъ новую, непочатую, остававшуюся въ полномъ забвѣніи, если не пренебреженіи. Горячо и искренно сочувствуя дѣлу освобожденія крестьянъ, онъ, какъ человѣкъ глубоко просвѣщенный, ясно понималъ, что великий актъ юридическаго освобожденія крестьянъ можетъ возымѣть должную силу въ жизни въ томъ лишь случаѣ, если онъ будетъ дополненъ освобожденіемъ народа отъ вѣковѣчной тьмы безграмотства, т. е. его образованіемъ. Этой великой гражданской работѣ всесѣло посвятилъ баронъ Корфъ всю свою послѣднюю жизнь.

Теперь такъ любятъ нѣкоторые ссылаться на то, что было до введенія земскихъ учрежденій; есть даже охотники возводить чуть не въ «перлъ созданія» первобытную русскую школу, какъ какуюто, будто-бы, «самобытную нашу школу», противопоставляя ее «нѣмецкой», подъ которой подразумѣвается всякая вообще разумно поставленная школа, удовлетворяющая рациональнымъ требованиямъ образования и воспитанія. Сошлемся-же и мы на это «былое»—во избѣжаніе недомолвокъ.

«Когда въ апрѣль 1867 года александровскій уѣздный училищ-

ный совѣтъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, то школъ приходскихъ, государственныхъ крестьянъ, нѣмецкихъ, греческихъ колонистовъ и казацкихъ на бумагѣ оказалось 40, на дѣлѣ-же, хоть немного сносныхъ,—*только двѣ!* При обѣзѣдѣ этихъ школъ членами совѣта всплыли наружу невѣроятныя вещи. Такъ, въ одной изъ школъ нашелся ученикъ, посѣщавшій ее шестой годъ, но невыучившійся совсѣмъ читать по-русски и плохо читающій по церковнославянски; въ другой школѣ ученикъ второй годъ училъ азбуку; въ третьей изъ 43-хъ учениковъ ни одинъ не умѣлъ писать, и только двое кое-какъ писали. На одну школу, втеченіи 13-ти лѣтъ, истрачено 4,000 руб., а грамотныхъ за все это время вышло только 5 человѣкъ, т. ч. каждый грамотный обошелся въ 800 рублей. Случалось и такъ, что школа на бумагѣ существуетъ и вѣдомости даже присылаются, а на дѣлѣ ея и съ фонаремъ не отынешь.»

Такое описание до-реформенныхъ школъ явилось еще въ 1871 году въ «Современной Лѣтописи» Каткова, въ статьѣ Кашина подъ заглавиемъ: «Поѣздка къ барону Н. А. Корфу». Кашинъ-же былъ командированъ предсѣдателемъ московскаго комитета грамотности для осмотра земскихъ школъ Александровскаго уѣзда и описалъ несчастное положеніе до-реформенныхъ школъ на основаніи дѣлъ и документовъ училищнаго совѣта. Мы съ своей стороны можемъ только удостовѣрить, что приведенное описание г. Кашина совершенно вѣрно; что всѣ вообще начальныя школы до-реформенной эпохи въ селахъ и деревняхъ находились въ та-комъ-же плачевномъ положеніи, какъ и въ Александровскомъ уѣздѣ; что та именно школа, которая прославляется теперь, какъ «самобытная», была одною изъ самыхъ худшихъ школъ въ мірѣ, въ которой царило звѣрское битье дѣтей, доходившее иногда даже до физического искалѣченія, не говоря ужъ о нравственномъ уродованіи; что вообще въ школахъ не было ничего воспитывающаго, образующаго, и самыя школы въ громадномъ большинствѣ случаевъ существовали только фиктивно, номинально.

Барону Корфу всецѣло принадлежитъ какъ самая идея, такъ и практическое насажденіе у насъ, въ Россіи, *дешевой* и *краткосрочной* народной школы, съ учебнымъ курсомъ въ три зимы, съ тремя отдѣленіями, которыя одновременно ведетъ одинъ учитель, въ одной классной комнатѣ. Этотъ остроумный типъ школы, съ позаимствованіями изъ заграницы только психолого-физиологическихъ основъ элементарного образованія, есть въ полномъ смыслѣ *народная русская школа*, какъ нельзя болѣе приспособленная къ потребностямъ первоначального обученія и условіямъ сельскаго быта. Весною, лѣтомъ и осенью дѣти необходимы въ каждой крестьянской семье, какъ рабочая сила,—и школа предъяв-

ляеть на нихъ свои права лишь въ зимнее время, когда дѣти менѣе необходимы для сельскихъ работъ.

Принимаясь, въ качествѣ члена училищнаго совѣта, за насажденіе новыхъ народныхъ школъ въ Александровскомъ уѣздѣ, баронъ Корфъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи не только руководствъ и учебниковъ, мало-мальски подготовленнаго педагогическаго персонала, но даже буквально никакихъ денежныхъ средствъ. Первое ассигнованіе Александровскаго уѣзданаго земства на народное образованіе составляло всего 800 рублей, да и то надо было обладать краснорѣчіемъ Корфа, чтобы вырвать согласіе на ассигновку. Повидимому, все это такія препятствія, которыя невозможны преодолѣть одному человѣку. Но онъ былъ чрезвычайно богатъ любовью къ новому начинаемому имъ дѣлу, вѣрою въ его правоту, величайшую государственную пользу и необходимость. былъ полонъ энергіи и самоотверженія,—и побѣдилъ всѣ препятствія. Свое увлеченіе дѣломъ, свой необыкновенный гражданскій подъемъ духа онъ сумѣлъ передать и другимъ. Заботясь о разумной постановкѣ школы, какъ учебно-воспитательного заведенія для подростающихъ поколѣній, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ставилъ ее, какъ связующее звено между крестьяниномъ и помѣщикомъ,—какъ разумное и дѣйствительное средство для искренняго и солидарнаго сближенія бывшихъ обладателей крѣпостными съ освобожденными крестьянами. Эта трезвая гражданская идея, полная глубокаго политического смысла, нашла большое сочувствіе. Увлеченные примеромъ барона Корфа, мѣстные помѣщики охотно становились попечителями школъ, охотно жертвовали на это дѣло и свое время, и свои денежныя средства. Сельскія общества, извѣрившіяся въ пользу школъ, въ виду прежней возмутительной ихъ практики, и съ недовѣремъ относившіяся на первыхъ порахъ къ новому начину,—вскорѣ однако начали добровольно облагать себя школьнымъ налогомъ отъ 15 до 46 коп. съ ревизской души.

«Съ міру по ниткѣ—голому рубашка». Въ распоряженіи училищнаго совѣта вскорѣ-же составилась довольно круглая сумма, отъ двухъ до трехъ десятковъ тысячъ рублей въ годъ на уѣздъ. Къ этому нужно прибавить еще даровой отводъ помѣщеній подъ школы то попечителями-помѣщиками, то сельскими обществами, съ предоставленіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отопленія. Наконецъ былъ и приливъ пожертвованій со стороны. Въ общемъ, исходя изъ нуля, училищный совѣтъ быстро составилъ настолько солидныя материальные средства, что получилъ возможность въ два-три года довести число благоустроенныхъ школъ въ уѣздѣ до 70-ти.

Какъ ни важны материальныя средства, но это—лишь внѣшняя сторона. Вызвавъ приливъ этихъ средствъ, баронъ Корфъ долженъ былъ уже добывать внутреннее содержимое насаждаемыхъ имъ школъ изъ себя самого. Онъ скликалъ способныхъ молодыхъ людей, и они являлись къ нему не рѣдко изъ довольно отдаленныхъ губерній: сѣверныхъ, восточныхъ и поволжскихъ. Радушно давалъ имъ приемъ въ своеи домѣ, производилъ пропрѣкту ихъ знаній, разъяснялъ имъ теоретическія основанія приемовъ обученія, самъ давалъ для нихъ образцовые уроки въ школахъ, составлялъ подробныя программы по каждому предмету, устраивалъ учительскіе съѣзды—словомъ, создавалъ и самую школу, и разумный, сознательный педагогическій персоналъ ея, преданный дѣлу, любящій его, т. е. дѣлалъ даже больше того, чѣмъ дѣлаетъ въ учительской семинаріи цѣлый штатъ педагоговъ.

Правильно смотря на учебно-воспитательное дѣло вообще, и тѣмъ болѣе на народную школу, какъ на дѣло соціальное по преимуществу, баронъ Н. А. Корфъ, выступивъ инициаторомъ въ дѣлѣ народного образованія, ставъ центромъ и душою этого дѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересовалъ имъ все, чѣмъ было мыслящаго въ уѣздѣ, вызвалъ необычайное движеніе на мѣстѣ въ пользу народной школы. Попечители школъ стояли на высотѣ своего призванія и назначенія. Благодаря усилиямъ барона Корфа, каждый изъ нихъ прежде всего твердо зналъ свои обязанности и права, до мелочей входилъ въ положеніе и нужды своей школы, слѣдилъ за ходомъ работы въ ней и живо интересовался всѣмъ, касающимся школы. Бывали случаи избранія попечителями неграмотныхъ крестьянъ, и эти послѣдніе оказывались обыкновенно едва-ли не самыми ревностными дѣятелями на пользу школы. Они начинали съ того, что являлись въ школу въ одиночку, или со своими дѣтьми, садились за школьную скамью, выучивались грамотѣ и затѣмъ съ необычайною любовью служили школѣ не только въ материальномъ отношеніи, но и путемъ активнаго участія въ преподаваніи въ роли помощниковъ учителей. Члены училищнаго совѣта, хорошо освѣдомленные барономъ Корфомъ въ школьнѣмъ дѣлѣ и разумно направляемые имъ, не менѣе двухъ разъ въ годъ объѣзжали школы своего участка, ревизуя ихъ, производя экзамены и представляя обѣ этомъ отчеты. На экзаменахъ присутствовали и родители учащихся, и мѣстные земскіе гласные, и мировые судьи, равно какъ и другія должностныя лица. Всѣ мѣстныя интеллигентныя силы такъ или иначе привлекались къ школьнѣй работе, и каждый старался оказать ей посильное содѣйствіе: одни—своимъ вліяніемъ, другіе—добрымъ совѣтомъ и

нравственnoю поддержкою, трети—своимъ общественнымъ положениемъ и материальною помощью.

Во всей истoриi русского общественного управлениa нѣтъ болѣе свѣтлой страницы, какъ эта дружная, увлеченная, сознательная работа всѣхъ сословий и классовъ цѣлаго уѣзда на пользу образованія, возвышавшая и облагораживавшая тѣхъ, которые отдавались ей. При условіи дружного общаго содѣйствія, дѣло ширилось и расло. Помимо быстраго количественнаго возрастанія школъ, качественная постановка ихъ не оставляла желать ничего лучшаго. Всѣ школы уѣзда, какъ увидимъ ниже, были благоустроены въ полномъ смыслѣ слова и притомъ поставлены такъ дѣльно и предусмотрительно, что въ кориѣ уничтожалась возможность рецидива безграмотности, столь обычнаго, почти даже неизбѣжнаго, въ постановкѣ школъ до-реформенаго періода.

V.

На пользу всего государства.

Баронъ Н. А. Корфъ, какъ типичный общественникъ.—Публицистическая его дѣятельность.—«Отчеты» о школьнай дѣятельности, ихъ распространеніе и вліяніе на всю Россію.—Корреспонденты барона Н. А. Корфа.—Оцѣнка его дѣятельности К. Д. Ушинскимъ; прозорливый взглядъ его на барона Корфа.

Баронъ Н. А. Корфъ былъ, можно сказать, врожденнымъ общественникомъ. Придавая значеніе только живой и производительной дѣятельности, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ непреодолимую потребность дѣлиться съ обществомъ каждою вновь зародившеюся мыслью, каждымъ новымъ шагомъ въ общественной дѣятельности. Все это онъ торопился сдѣлать общественнымъ достояніемъ,—отдать на судъ общества.

Съ самаго начала реформъ царствованія Александра II, особенно же съ момента земской реформы, баронъ Корфъ заявилъ себя талантливымъ, отзывчивымъ и необычайно плодовитымъ публицистомъ. Начало литературной дѣятельности барона Корфа относится къ 1859 году, когда онъ печатался въ «Экономическомъ Указателѣ» Вернадского, работая исключительно надъ вопросами, касавшимися улучшенія экономического положенія сельскаго населенія и имѣвшими непосредственное отношеніе къ ожидавшемуся тогда освобожденію крестьянъ. Вскорѣ литературнымъ приближищемъ его

стали «С.-Петербургскія Вѣдомости», издававшіяся и редактируемыя тогда В. Ф. Коршемъ и пользовавшіяся въ ту пору большимъ вліяніемъ и уваженіемъ. Баронъ Корфъ сразу занялъ въ періодической печати авторитетное и боевое положеніе по вопросамъ дворянскаго управлениія, судебной реформы, общественного самоуправленія и земскаго хозяйства, школьнаго дѣла вообще и народнаго образованія въ особенности. Уже въ 1866 году В. Ф. Коршъ, въ письмѣ отъ 6-го іюня, «повторяетъ» барону Корфу «искреннее спасибо редакціи» за его статьи и между прочимъ говорить:

«Всѣ онъ интересны и дѣльны, хотя и возбуждаютъ противорѣчія съ разныхъ сторонъ. Конечно вы имѣете полное право защищаться, въ случаѣ печатныхъ нападеній на ваши статьи. Я съ своей стороны могу только пожалѣть о томъ, что онъ появились въ видѣ корреспонденцій, а не въ видѣ передовыхъ статей, занимающихъ болѣе видное мѣсто въ газетѣ. Вы очень обязали бы редакцію на будущее время, еслибы не отказались давать вашимъ статьямъ именно такой характеръ и видъ.»

Съ этой поры баронъ Н. А. Корфъ сталъ желаннымъ гостемъ во всѣхъ лучшихъ періодическихъ изданіяхъ. Но онъ всегда писалъ не иначе, какъ за своею подписью, и нигдѣ, никогда не выступалъ со статьями редакціоннаго характера.

Не довольствуясь широкимъ доступомъ въ періодическую печать, баронъ Корфъ избралъ очень остроумный способъ для пропаганды собственно народнаго образованія, какъ области, никому въ то время невѣдомой и не имѣвшей никакихъ опредѣленныхъ законоположеній. Онъ началъ выпускать «Отчеты александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта», въ которыхъ подробнѣйшимъ образомъ излагались: организація училищнаго совѣта, обязанность членовъ его и попечителей школъ, порядокъ открытія народныхъ училищъ, ихъ программы, распределеніе занятій, производство экзаменовъ, выдача аттестатовъ, наконецъ даже самые планы школъ и все ихъ обзаведеніе въ учебномъ отношеніи. Прекрасная литературная форма «Отчетовъ», простое, ясное, увлекательное изложеніе ихъ, особенно-же тотъ внутренній огонь, которымъ они были проникнуты,—сразу снискали имъ всеобщее вниманіе и сочувствіе во всей Имперіи, до Сибири и Кавказа включительно.

Департаментъ министерства народнаго просвѣщенія и «Журналъ» этого-же министерства, попечители разныхъ учебныхъ окружовъ, редакціи общихъ періодическихъ и педагогическихъ изданій, города и земства, частныя лица и педагоги разныхъ ранговъ и общественныхъ положеній, до народныхъ учителей включительно,— все это съ жадностью набросилось на скромные «Отчеты» уѣзднаго

училищного совѣта. Всѣхъ изумлялъ, радовалъ и привлекалъ фактъ какъ-бы самостоятельного возникновенія разумной, крайне симпатичной народной школы, дѣльно принаровленной къ потребностямъ сельской жизни и соотвѣтствующей скуднымъ материальными средствамъ крестьянства (около 340 р. въ годъ содержаніе школы и около 8 р. 66 коп. обученіе одного учащагося). Школы этого, совершенно нового, невѣдомаго раньше, типа возникали массами, по нѣсколько десятковъ въ годъ, пользуясь большою любовью сельского населенія и энергическою поддержкою всего мѣстнаго интеллигентнаго и правящаго общества. Все это было изложено въ «Отчетахъ» убѣдительно, доказательно, фактически, почти съ протокольною документальностью, но не въ ущербъ литературности формы,—и потому производило неотразимое вліяніе.

«Отчеты» расходились въ тысячахъ экземпляровъ, вызывая новыя и новыя требованія и давая довольно значительныя средства Александровскому училищному совѣту, въ пользу котораго поступала выручка отъ продажи. Всего вышло пять такихъ отчетовъ, полныхъ педагогического интереса, составляющихъ въ общей сложности болѣе 50-ти печатныхъ листовъ. Распродажа ихъ дала училищному совѣту свыше 2,000 рублей. Благодаря «Отчетамъ», а также и горячей публицистической своей дѣятельности, баронъ Н. А. Корфъ не только широко ознакомилъ всю читающую русскую публику съ созданнымъ имъ типомъ русской народной школы и распорядками народнаго образованія на мѣстѣ, но водворилъ и внѣдрилъ этотъ типъ и распорядки въ сознаніи всей периодической печати и всего образованнаго русскаго общества, земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій и правящихъ сферъ. То, что дѣлалъ баронъ Корфъ въ провинціальной глупи, оставаясь почти безвыѣздно въ Александровскомъ уѣздѣ, распространялось на всю Имперію, получало общерусскій интересъ и значеніе. По указаніямъ и руководству «Отчетовъ», земства и города разныхъ губерній, мѣстная учебная администрація (напримѣръ кавказскій учебный округъ), разныя ученыя общества (напримѣръ московскій комитетъ грамотности)—торопились насадить у себя новыя народныя школы или даже всю организацію народнаго образованія до учительскихъ съѣздовъ включительно. Такимъ образомъ, какъ самая народная школа, такъ и вся вообще организація народнаго образованія, такъ удачно возникшія въ глупи Александровскаго уѣзда, сами собою, въ силу естественного порядка вещей, получили право гражданства повсемѣстно въ Россіи. Въ этомъ отношеніи практика дѣла шла впереди законодательства, обогнавъ его на цѣлыхъ восемь лѣтъ, считая со

времени начала земской деятельности по народному образованію до появленія «Устава» (1874 года) о нормальныхъ народныхъ училищахъ. Это дѣло создавалъ баронъ Н. А. Корфъ личнымъ своимъ починомъ; онъ-же руководилъ имъ и направлялъ его съ необычайной энергіей и блестящимъ успѣхомъ—исключительно путемъ печати.

Въ исходѣ 60-хъ годовъ баронъ Корфъ началъ принимать дѣятельное участіе, помимо «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», еще въ «Вѣстникѣ Европы» и «Народной школѣ». Очень характерно заглянуть въ переписку его съ редакторами этихъ periodическихъ изданій. Дѣятельно работая въ трехъ крупнѣйшихъ periodическихъ изданіяхъ, заваливая ихъ статьями, такъ что редакторы то и дѣло «извинялись» передъ нимъ за «невозможность своевременно напечатать», баронъ Корфъ въ свою очередь горько жаловался на «недостатокъ мѣста». Помимо обширныхъ «Отчетовъ» и обильныхъ статей, безпрерывно слѣдовавшихъ другъ за другомъ въ разныхъ periodическихъ изданіяхъ, его колоссальная энергія требовала еще иного выхода въ дѣлѣ созиданія народной школы, направленія всего дѣла народного образования и руководства имъ. И вотъ онъ въ незначительный промежутокъ времени, примѣрио около 5 лѣтъ. выпустилъ одно за другимъ пять учебниковъ и руководствъ для народной школы, о которыхъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Но и это еще не насыщало его удивительной энергіи. Скромная, но славная общественная дѣятельность не замедлила снискать барону Н. А. Корфу общерусскую извѣстность, внушительно выразившуюся между прочимъ въ обширнѣйшей перепискѣ его съ разными лицами по вопросамъ вообще школьнаго и собственно народного образования. Территоріальный районъ, по которому разбросаны были корреспонденты барона Н. А. Корфа, онъ очень удачно опредѣлилъ въ своихъ «Запискахъ» словами: «отъ Колы до Кутаиса, отъ Варшавы до Омска». Около 1,000 этихъ писемъ, принадлежащихъ 250 корреспондентамъ, находились въ нашемъ распоряженіи и послужили основнымъ материаломъ при составленіи этой біографії. Конечно эта обширная коллекція писемъ не обнимаетъ еще всей корреспонденціи барона Корфа, тѣмъ не менѣе она въ высшей степени характерна и назидательна. Тутъ есть письма крупныхъ административныхъ дѣятелей, до министерского поста включительно, и скромныхъ народныхъ учителей; но значительно преобладаютъ письма земскихъ общественныхъ дѣятелей,—лицъ, такъ или иначе причастныхъ дѣлу образования, и литераторовъ. Какъ видно изъ этой переписки, подавляющей своею обширностью и разнообразiemъ, баронъ Корфъ былъ идеально исправнымъ кор-

респондентомъ. Необычайно дѣятельный и отзывчивый вообще, онъ тѣмъ болѣе не оставлялъ безъ обстоятельного отвѣта и разъясненія сдѣланнаго къ нему обращенія, отъ кого бы оно ни исходило, разъ только дѣло касалось воспитанія и обученія, а тѣмъ болѣе—народнаго образованія. Въ этомъ случаѣ баронъ Корфъ не считалъ обременительнымъ для себя писать обширныя отвѣтныя письма, поддерживая и направляя однихъ, споря съ другими, разъясняя третьимъ.

Какое важное значеніе имѣла пропаганда барономъ Н. А. Корфомъ дѣла народнаго образованія, лучшимъ доказательствомъ тому могутъ служить письма къ нему К. Д. Ушинскаго. Въ письмѣ напримѣръ отъ 15-го января 1869 года Ушинскій писалъ между прочимъ барону Корфу: «Я давно и съ истиннымъ наслажденіемъ слѣжу за вашею дѣятельностью и, не будучи въ силахъ самъ, посовершененному разстройству моего здоровья, принять участіе въ практикѣ этого дѣла, находилъ много успокоенія въ томъ, что оно еще имѣеть такого дѣятеля, какъ вы». Письмо это вызвано было именно «Отчетами» барона Корфа, которые Ушинскій обѣщалъ разобрать, «какъ только будетъ свободное время и силы хоть немного возстановятся», «со всею любовью къ самому дѣлу и со всѣмъ уваженіемъ» къ барону Корфу.

«Вы, должно быть, еще молодой человѣкъ,—говорится въ заключеніи того-же письма:—дай-же Богъ вамъ долго и успѣшно бороться на томъ поприщѣ, съ котораго я уже готовлюсь сойти, измѣтый и искомканный. Дай Богъ вамъ принести гораздо болѣе пользы, не только болѣе того, чѣмъ я принесъ, но даже болѣе того, что я могъ бы принести подъ другимъ небомъ, при другихъ людяхъ и при другой обстановкѣ.»

Ушинскій сразу угадалъ въ баронѣ Н. А. Корфѣ не только большую педагогическую силу, но и прозорливо предугадывалъ въ немъ умѣлаго и сильнаго борца за дѣло народнаго образованія, вожака и руководителя этимъ важнымъ государственнымъ дѣломъ. Въ томъ-же 1869 году Ушинскій, отправляясь въ Крымъ, съ цѣлью лечения, писалъ барону Корфу между прочимъ слѣдующее:

«Я полагаю, что земская школа должна наконецъ положить прочное основаніе народному образованію въ Россіи, и что теперь именно настало время организовать разрозненные попытки въ этомъ отношеніи всѣхъ честныхъ людей. Лучшимъ средствомъ для этого, какъ мнѣ кажется, было бы имѣть общій журналъ, въ которомъ бы сходились свѣдѣнія о результатахъ тѣхъ или другихъ попытокъ, сдѣланныхъ земствами различныхъ губерній, и въ которомъ могли бы обсуждаться эти попытки. Самъ я, при моей болѣзnenности и беспрестанныхъ отлучкахъ изъ Петербурга, конечно не могу издавать такого журнала но могъ бы и желалъ бы отъ всей души принять въ немъ дѣятельное участіе, чтобы посвятить свои остаточные силы

земскимъ школамъ, такъ какъ я жду отъ нихъ хотя не многаго, но по крайней мѣрѣ чего-нибудь дѣйствительнаго, а не только бумажнаго и форменнаго, чѣмъ до сихъ поръ угощали насъ... Если-бы объявить этотъ журналъ журналомъ земскихъ школъ, и вы приняли-бы въ немъ дѣятельное участіе, то можетъ быть и вышло-бы что-нибудь. Вотъ о чёмъ мнѣ хотѣлось-бы очень переговорить съ вами, хоть письменно, если ужъ нельзя лично.»

Въ поясненіе послѣднихъ строкъ этой цитаты, надо замѣтить, что баронъ Корфъ,—какъ было уже сказано выше,—безвыѣздно работалъ въ родномъ своемъ уѣздѣ, и Ушинскій усиленно желалъ повидаться съ нимъ на обратномъ пути изъ Крыма, чему однако не суждено было случиться. Вообще Ушинскій высоко цѣнилъ барона Н. А. Корфа, какъ единственнаго въ своемъ родѣ общественнаго дѣятеля, и его уваженіе къ созидательской, творческой дѣятельности барона Корфа въ области народнаго образованія, какъ это видно изъ самаго хода переписки.—расло и расло. Такъ, въ письмѣ отъ 23-го февраля 1870 года К. Д. Ушинскій, сообщая барону Корфу, что онъ наконецъ разобрался въ его «Отчетахъ», между прочимъ говорить:

«Статью для «Народной Школы» (т. е. о народномъ образованіи въ Александровскомъ уѣздѣ) я написалъ, но плохую. Проклятая болѣзнь держитъ меня до того далеко отъ всякой общественной жизни и дѣятельности, что я рѣшительно не могу написать теперь ничего живого изъ области практики. Дѣло другое вы: читая каждую вашу статью, чувствуешь, что вы говорите о дѣлѣ, въ которомъ сами вращаетесь и которому отдались безкорыстно и прямодушно. О, еслибы васъ можно было помножить на число нашихъ губерній,—не говорю ужъ уѣзовъ.—черезъ 10 лѣтъ Россія была-бы уже другая! Но вы и такъ дѣласте многое однимъ своимъ примѣромъ, и имя ваше будитъ не одно сонное земство.»

Словомъ, Ушинскій безошибочно предрѣшилъ выдающуюся общественную роль барона Корфа.

VI.

Учебно-литературная дѣятельность.

Замѣчательная литературная плодовитость барона Н. А. Корфа.—Высокое безкорыстіе его.—Первые учебники и руководства барона Корфа, ихъ распространеніе и значеніе.—«Нашъ Другъ»; обстоятельства, предшествовавшія составленію этой книги, ся оцѣнка и распространеніе.—Послѣдующіе труды барона Корфа.

Къ началу 70-ыхъ годовъ имя барона Н. А. Корфа пользовалось повсемѣстною извѣстностью въ Россіи. Его именемъ двигалось

и руководилось все дѣло народнаго образованія; его имя—какъ удачно выразился Ушинскій—«будило» всѣхъ, предрасположенныхъ спать на поприщѣ общественной дѣятельности. Этому въ значительной мѣрѣ способствовалъ слѣдующій рядъ выпущенныхъ имъ учебниковъ и руководствъ: «Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому способу» или «Какъ обучать грамотѣ ребятъ и взрослыхъ», «Русская начальная школа», «Нашъ Другъ», «Малютка» (первая книга послѣ азбуки для народной школы и семьи) и «Наше школьнное дѣло».

Такая масса изданій вышла въ свѣтъ изъ подъ пера барона Н. А. Корфа въ промежутокъ времени между 1867 и 1873 годами, который въ это-же время, какъ мы знаемъ уже, выпустилъ въ свѣтъ болѣе 50-ти печатныхъ листовъ своего знаменитаго «Отчета» и напечаталъ не менѣе такого-же количества въ формѣ газетныхъ и журнальныхъ статей. Если прибавить къ этому еще и обширнѣйшую корреспонденцію барона Н. А. Корфа,—будетъ сама собою очевидна безпримѣрная литературная плодовитость его, которая сама собою уже служитъ доказательствомъ и большого запаса знаній, и высокой талантливости, и гигантской энергіи, и пламенной любви къ дѣлу народнаго образованія.

«Руководство къ обученію грамотѣ» было составлено имъ первоначально для обучения старшей своей дочери. Этотъ первый, такъ сказать, домашній педагогический опытъ барона Н. А. Корфа былъ изданъ имъ въ 1867 году. К. Д. Ушинскій коротко, но сильно, опредѣлилъ значеніе этой маленькой книжечки, цѣною въ 10 коп. «Ваше руководство къ обученію грамотѣ—писалъ онъ барону Корфу отъ 23-го февраля 1870 года—имѣеть чисто практическую цѣль, и потому вы изъ самой практики могли убѣдиться, что оно составлено очень хорошо... Цѣль звуковой методы—чисто практическая, и если эта цѣль достигается, то все сказано». Ушинскій не ошибся. «Руководство» это въ первыя же двѣнадцать лѣтъ выдержало семь изданій, разошедшись въ 70,000 экземпляровъ.

Здѣсь умѣстно сказать о величайшемъ безкорыстіи барона Н. А. Корфа. Онъ долгое время, приблизительно до начала 70-хъ годовъ, почти совсѣмъ не получалъ гонорара за свои газетныя и журнальныя статьи. Вся выручка отъ продажи «Руководства» также была обращена въ пользу народныхъ школъ Александровскаго уѣзда, которая и дала имъ до 1879 года свыше 4,000 рублей. Сумма эта, вмѣстѣ съ выручкою за «Отчеты», составляетъ болѣе 6,000 рублей, не считая притомъ привлечения еще и другихъ средствъ со стороны. Такимъ образомъ баронъ Н. А. Корфъ не

только безвозмездно несъ все бремя организаціи, завѣдыванія и руководства школьнімъ дѣломъ въ Александровскомъ уѣздѣ, но еще и производилъ довольно значительный денежный вкладъ на это дѣло. Фактъ этотъ нужно имѣть въ виду для правильной оценки того, какъ отплатили впослѣдствіи барону Корфу за его высокое безкорыстіе и самоотверженіе земскіе его сочлены.

«Съ большимъ нетерпѣніемъ» ожидалъ К. Д. Ушинскій второго печатного труда Корфа, книги его «Русская начальная школа». Ушинскій «ждалъ отъ нея наставленія самому себѣ». Задумавъ «написать общій учебникъ для земскихъ школъ», онъ чувствовалъ потребность «побесѣдовать съ человѣкомъ, такимъ практическимъ», какъ Корфъ. Къ сожалѣнію, Ушинскому не пришлось уже воспользоваться дѣйствительно цѣнными указаніями этой книги.

Уставши отвѣтить на безконечные вопросы, какъ приступать къ открытію народныхъ школъ, завѣдывать и руководить ими, баронъ Корфъ выпустилъ въ свѣтъ объемистую книгу—«Русская начальная школа», которую совершенно правильно назвалъ «руководствомъ для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ». Составляя эту книгу, онъ преслѣдовалъ цѣль «возбудить сочувствіе къ народной школѣ и создать дѣятелей для нея». Цѣль эта умѣло достигнута авторомъ. Въ одно и то-же время онъ является въ своей книгѣ и опытнымъ педагогомъ, и умѣлымъ администраторомъ, детально разъясняя всѣ распорядки народной школы въ педагогическомъ, административномъ и финансовомъ отношеніи. И тѣ, которые не имѣютъ никакого понятія о народныхъ школахъ, но желали-бы, или даже обязаны устраивать ихъ, находясь въ положеніи общественныхъ дѣятелей, и тѣ, которые выступаютъ въ роли народныхъ учителей, попечителей народныхъ училищъ, членовъ училищныхъ совѣтовъ, народныхъ инспекторовъ и вообще лицъ учебно-административныхъ,—найдутъ въ «Русской начальной школѣ» необходимые для нихъ совѣты, указанія и разъясненія въ живой, полной, доказательной формѣ. Немудрено поэтому, что названное «руководство» сразу сдѣлалось настольною книгою всѣхъ дѣятелей по народному образованію, какъ первый по времени появленія и самый дѣльный трудъ по училищевѣдѣнію. Менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ этой книги она выдержала шесть изданій и разошлась въ 32,000 экземплярахъ.

Нисколько не рискуя впасть въ преувеличеніе, барона Н. А. Корфа можно назвать *первымъ народнымъ русскимъ учителемъ разумной начальной школы*. Ему-же безспорно принадлежитъ честь *перваго подготовителя народныхъ русскихъ учителей*, въ

смыслъ сознательныхъ педагоговъ. Естественно, что ему-же, по праву, должно было принадлежать и составленіе *первой классной книги* для народной школы. И онъ далъ такую книгу—«Нашъ Другъ». Она до сихъ поръ остается лучшою книгою въ обширной коллекціи учебниковъ и руководствъ для народной школы. Но для правильной оцѣнки исключительного значенія «Нашего Друга», въ ряду однородныхъ съ нимъ изданій, необходимо коснуться нѣкоторыхъ деталей тѣхъ совершенно своеобразныхъ условій, въ которыхъ находился баронъ Корфъ, какъ народный педагогъ.

Прежде, чѣмъ составлять эту книгу, ему пришлось пропустить черезъ свои руки болѣе сотни народныхъ педагоговъ. «Пропускъ» этотъ состоялъ въ слѣдующемъ. Изъ разныхъ мѣстностей Россіи, нерѣдко очень отдаленныхъ, къ нему являлись молодые люди, занимавшіеся уже дѣломъ образования или желавшіе заняться имъ. Онъ производилъ имъ повѣрку и съ недостаточно подготовленными продолжалъ заниматься самъ, оставляя ихъ жить у себя въ домѣ. Не одному десятку лицъ случалось проводить у него по двѣ, по три недѣли, даже по мѣсяцу, пока онъ, наконецъ убѣдившись въ ихъ подготовленности, выдавалъ удостовѣреніе, что они могутъ быть народными учителями. Это удостовѣреніе въ глазахъ всѣхъ цѣнилось обыкновенно несравненно выше дипломовъ, такъ какъ баронъ Корфъ чрезвычайно удачно умѣлъ опредѣлять, помимо собственно подготовленности, еще и склонность къ педагогической дѣятельности въ этомъ отношеніи. Лица, прошедшия черезъ руки барона Корфа, считались лучшими народными педагогами, такъ какъ онъ передавалъ имъ частичку своего педагогического огня, своей энергіи, любви и преданности дѣлу.

Но даже и этотъ громадный опытъ не имѣлъ еще решающаго значенія въ дѣлѣ составленія «Нашего Друга». Главную роль въ этомъ отношеніи играло непосредственное веденіе барономъ Корфомъ школъ въ своемъ уѣздѣ. Два раза въ годъ, именно въ пору самой несносной осенней и весенней распутицы, онъ объѣзжалъ всѣ школы уѣзда, дѣлая по 800 верстъ: осенью—чтобы установить школьнное дѣло на мѣстѣ, при началѣ учебнаго года; весною—чтобы проверить результаты въ концѣ учебнаго года. Такимъ образомъ весь ходъ школьнаго дѣла въ цѣломъ уѣздѣ былъ у него всегда на виду; онъ на перечетъ зналъ всю работу въ каждой школѣ, съ ея хорошими и неудовлетворительными сторонами, лично исправляя ошибки и промахи лицъ, преподающихъ, и неуклонно подвигая ихъ въ педагогическомъ самоусовершенствованіи.

Такимъ чисто опытнымъ путемъ, освѣщеннымъ предваритель-

нымъ изученіемъ педагогической теоріи, у барона Корфа сложился вполнѣ отчетливый взглядъ, какимъ именно требованіямъ должна удовлетворять книга для русской народной школы, при современномъ состояніи крестьянства, при экономическихъ и учебныхъ нашихъ средствахъ. Баронъ Корфъ задался цѣлью составить книгу, которая-бы «посредствомъ ознакомленія учащагося съ окружющимъ міромъ повліяла на улучшеніе его материального и нравственного быта». Такою именно книгою и является «Нашъ Другъ». Въ немъ, какъ книгѣ, завершающей курсъ народной школы, удачно объединенъ весь учебный материалъ. Воздействуя на общее развитіе и воспитаніе, способствуя обогащенію познаніями, развитію мышленія и дара слова учащихся, книга эта вмѣстѣ съ тѣмъ очень удачно преслѣдуєтъ цѣль снабженія питомцевъ народной школы такими свѣдѣніями, которыя непосредственно приложимы въ жизни, обогащая притомъ питомцевъ и общими элементарными научными свѣдѣніями настолько, чтобы впослѣдствіи было возможно для нихъ самообразованіе, путемъ чтенія книгъ общедоступного содержанія. Всякое первоначальное обученіе можетъ быть конечно только *реальнymъ*, при полнѣйшемъ отсутствіи всего схоластического; народное-же образованіе кромѣ того должно быть еще и дѣловымъ. Баронъ Н. А. Корфъ удачно разрѣшилъ эту труднѣйшую изъ проблемъ во всемъ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, какъ самою организаціею и постановкою народной школы, такъ наконецъ и составленіемъ для нея «Нашего Друга»,—книги для ученія въ школѣ и дома. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ авторовъ подобного рода изданий, онъ, такъ сказать, въ натурѣ видитъ передъ собою учащихся въ народной школѣ, какъ въ пору ихъ ученія, такъ и по выходѣ изъ школы, и дѣйствительно является ихъ *другомъ, помощникомъ, совѣтникомъ и руководителемъ* во всемъ, что нужно знать сельчанину въ его домашнемъ и общественномъ, хозяйственномъ и моральномъ обиходѣ. Точно также и въ своей «Книгѣ для учащихъ» (т. е. «Руководствѣ къ «Нашему Другу») онъ видитъ передъ собою народныхъ педагоговъ со всѣми возможными съ ихъ стороны промахами, ошибками, увлеченіями и отклоненіями,—и, какъ опытный руководитель, предупреждаетъ все это.

«Нашъ Другъ» барона Корфа восполнилъ собою тотъ пробѣлъ въ нашей школьній литературѣ, который такъ остро чувствовалъ К. Д. Ушинскій, понимавшій недостаточную примѣнность своего «Дѣтскаго Мира» и «Роднаго Слова» къ особенностямъ и потребностямъ народной школы и стремившійся написать особую учебную книгу специально для народной школы. Не такъ однако взглянула

на это дѣло кабинетная петербургская педагогическая критика. Какъ это ни конфузно и ни прискорбно, но находились и такие патентованные педагоги, люди, претендующіе на имя въ дѣлѣ народнаго образования, которые пытались поставить въ вину «Нашему Другу» все то, что составляетъ специфическую отличительную его черту отъ названныхъ выше руководствъ Ушинскаго, въ чмъ заключается специальная приспособленность этой книги къ потребностямъ народной школы. Для этой послѣдней (въ смыслѣ учащихъ и учащихся) она дѣйствительно является «Другомъ» въполномъ смыслѣ слова: все содержаніе и построеніе этой книги продиктовано не одною только глубокою изученностью дѣла, но и горячею любовью и къ тѣмъ, которые учатся, и къ тѣмъ, которые учатъ. Тутъ буквально нѣть статейки, въ обработкѣ которой вы не чувствовали-бы заботы барона Корфа о томъ, чтобы она была понятна, интересна и полезна учащимся, и о томъ, чтобы она не затруднила учащихъ. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только учащій могъ-бы споткнуться и заблудиться, — на выручку является ему «Другъ» и указываетъ, какъ съ успѣхомъ пройти опасное мѣсто.

Къ сожалѣнію, все это проглядѣла патентованная кабинетная педагогическая критика. Она не проявила ничего самостоятельного, непосредственнаго. Впрочемъ она и не могла проявить этого, такъ какъ въ ту пору, когда появился «Нашъ Другъ», не было еще установлено учебной программы народной школы, не успѣла еще окончательно установиться практика только налаживавшихся учительскихъ семинарій. И то, и другое баронъ Корфъ опережалъ своею книгою, предрѣшая, такъ сказать, ихъ постановку.

Въ отношеніи къ «Нашему Другу» со стороны нѣкоторыхъ изъ вліятельныхъ петербургскихъ педагоговъ дѣло не обошлось и безъ значительной доли *двоедушія*: въ глаза они говорили барону Корфу о его дѣятельности и печатныхъ трудахъ одно, а за глаза старались показывать и проводить совсѣмъ другое. Вотъ особенно характерный фактъ въ этомъ отношеніи.

Одинъ изъ видныхъ петербургскихъ педагоговъ, съ вліятельнымъ служебнымъ положеніемъ, писалъ изъ Петербурга, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1870 года, барону Корфу между прочимъ слѣдующее:

«На всемъ протяженіи обширной Россіи нѣть другого человѣка, который-бы съ той-же энергией и успѣхомъ, подобно вамъ, трудился-бы въ воздѣлываніи большого и долго заброшенного, а потому заросшаго сорными травами поля нашей народной культуры. Много еще потребно труда и усилий, чтобы совершить этотъ трудъ, и нельзя не выразить при этомъ сожалѣнія, что мало существуетъ общенія и содружества между служителями этой миссіи. Будемъ

надѣяться на лучшее будущее... Какъ жаль, что вы не здѣсь (хотя, собственно говоря, вы *вездѣ* нужны и прежде всего въ вѣсѣ сила и жизнь руководимаго и созданнаго вами дѣла въ вашемъ краѣ): за-сѣданія с.-петербургскаго педагогическаго общества въ настоящее время весьма интересны, и оно нынѣ особенно нуждается въ дѣятельѣ съ вашею опытностью и компетентностью, такъ какъ пренія послѣдніхъ засѣданій затронули самыя живыя и, надо сказать, далеко не вполнѣ решенные проблемы относительно нашей народной школы, которая вамъ такъ хорошо и специально известна. Мнѣ приходитъ на мысль, нельзя ли устроить дѣло хотя посредствомъ *письменныхъ* сношеній—по поводу рефератовъ, — это конечно обществомъ примется съ благодарностью. Мнѣ кажется, что можно-бы даже было, — разумѣется, если ваши, столь многосложныя, занятія позволять,—прислать письменные тезисы, поручить ихъ защиту и развитіе въ засѣданіяхъ кому-либо изъ членовъ общества (на что напримѣръ всегда согласенъ съ удовольствіемъ). Я говорю это, имѣя въ виду, что общество наше безспорно много теряетъ, не имѣя возможности *непосредственно* пользоваться трудами одного изъ компетентѣйшихъ своихъ членовъ—по самому важному изъ специальныхъ вопросовъ педагогіи.»

Авторъ этого сердечнаго письма, вполнѣ отвѣчавшаго притомъ дѣйствительному положенію вещей, въ скоромъ времени внесъ въ педагогическое общество докладъ по поводу книги барона Корфа «Нашъ Другъ». Въ этомъ докладѣ—увы!—авторъ письма не сообщалъ уже обществу педагоговъ, что «на всемъ пространствѣ Россіи нѣтъ другого человѣка», съ такою-же «энергіею и успѣхомъ», «опытностью и компетентностью». Напротивъ, онъ трактуетъ о «Нашемъ Другѣ» съ высоты величія и ничѣмъ неоправдываемаго самомнѣнія. Въ общемъ однако отзывъ былъ вполнѣ благопріятенъ для труда барона Н. А. Корфа, хотя въ немъ невольно бросается въ глаза такая странная постановка критики, что выдвигается на первый планъ самъ докладчикъ, его «энергія» и «компетентность», а вовсе не баронъ Корфъ и его прекрасный трудъ. Но это еще куда бы ни шло: главное-же въ томъ, что докладчикъ вслѣдъ за тѣмъ помѣстилъ въ одномъ изъ педагогическихъ журналовъ статью, въ которой разногласитъ съ сущностью своего-же доклада.

Озадаченный такою *тройственностью* отношенія къ себѣ со стороны одного и того-же лица, баронъ Н. А. Корфъ обратился въ Петербургъ за разъясненіями. Лицо, стоявшее въ то время во главѣ педагогическаго общества, въ отвѣтномъ своемъ письмѣ барону Корфу между прочимъ говорить:

«Ваше недоумѣніе относительно разногласія между тезисами, поставленными въ педагогическомъ обществѣ, и содержаніемъ статьи, помѣщенной въ журналѣ (мы пропускаемъ название журнала, фамилію докладчика, равно какъ и автора цитируемаго отвѣтнаго

письма барону Корфу),—раздѣляютъ многія лица въ Петербургѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не понятно преднамѣренное искаженіе однихъ фактовъ и умолчаніе о другихъ. Гдѣ-же нужно искать причины подобнаго разногласія,—положительно сказать трудно; вѣроятно она лежитъ съ одной стороны въ вашихъ личныхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми господами, а съ другой—въ отсутствіи литературной добросовѣстности этихъ нѣкоторыхъ лицъ, пишущихъ и печатающихъ свои писанія. Протоколъ педагогического общества выражаетъ то, что было въ засѣданіи общества. Слѣдовательно, педагогическое общество сдѣлало свое дѣло. Если-же въ настоящее время появляются *уколы тупыхъ булавокъ*,—вы должны переносить ихъ, потому что не присыласте статей въ «Семью и Школу» и «Народную Школу». Значить, вы—врагъ изданий, живущимъ жизнью, бѣдною содержаніемъ.»

Эти «уколы тупыхъ булавокъ» послужили однако большимъ соблазномъ для нѣкоторыхъ органовъ общей периодической печати. Зато люди, непосредственно стоявшіе у дѣла народнаго образованія, съ высокою похвалою отзывались объ этой книгѣ. Изъ многочисленныхъ отзывовъ этого рода остановимся на двухъ слѣдующихъ, какъ наиболѣе характерныхъ и выразительныхъ. Вотъ что писалъ напримѣрь директоръ московской учительской школы, Цейдлеръ.

«При первой, появившейся въ «Голосѣ», худѣ на «Нашего Друга», мнѣ хотѣлось, многоуважаемый Николай Александровичъ, заявить и мое мнѣніе о томъ, что въ нашей педагогической литературѣ нѣтъ ни одной книги, которую-бы можно было не только приправить, а хоть близко поставить къ «Нашему Другу» въ библіотекѣ или въ классномъ столѣ народной школы. Если мы говоримъ о необходимости образования для народа, если заботимся объ устройствѣ народныхъ школъ, то конечно потому только, что образование, школа—самое сильное, самое лучшее средство для достиженія важнѣйшей государственной цѣли—поднять уровень нравственного развитія и улучшить материальный бытъ народа. Но гдѣ-же та книга, которая-бы прямо вела къ этой цѣли? Только одна и есть—«Нашъ Другъ». Указываютъ на книгу Водовозова,—но въ ней, какъ и во многихъ такъ-называемыхъ «народныхъ» книжкахъ, есть вѣсколько статей, которыми сумѣеть воспользоваться хороший учитель, т. е.—учитель, какихъ почти нѣтъ въ нашихъ школахъ. Между тѣмъ «Нашъ Другъ» удовлетворяетъ цѣли отъ первой страницы до послѣдней и сподрученъ для каждого мало-мальски грамотнаго крестьянина... Ваши критики, не замѣчая существеннаго капитала въ «Нашемъ Другѣ», тыкаютъ пальцами на мелочные недосмотры, чуть не на опечатки.» (27 января 1872 года).

Въ заключеніе-же письма авторъ его говоритъ, что такія книги, какъ «Русская начальная школа» и «Нашъ Другъ», «внушаютъ каждому признательность, уваженіе и преданность». Заслуживаетъ вниманія слѣдующій краткій, но выразительный отзывъ извѣстнаго русскаго педагога И. Ф. Рашевскаго, стоявшаго въ ту пору во главѣ с.-петербургской земской учительской семинаріи.

«Считаю необходимымъ передать вамъ,—писалъ онъ, между прочимъ барону Корфу,—что мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ очень хорошихъ успѣховъ учениковъ, занимавшихся по книгѣ «Нашъ Другъ». Значеніе «Нашего Друга», я убѣдился въ этомъ, въ настоящее время велико у насъ именно потому, что въ этой книгѣ не только находится извѣстный матеріалъ, пригодный для народной школы, но и разъясненъ учителю способъ передачи учебнаго матеріала: взявъ вашу книгу за руководство, учитель народной школы знаетъ, что дѣлать и какъ, и не теряется въ пустыхъ опытахъ, часто кончающихся ничѣмъ.» (14 мая 1872 года).

Пока нѣкоторые изъ вліятельныхъ педагоговъ, мучимые завистью къ авторитету, всероссійскому вліянію и успѣху барона Корфа, изощрялись то въ общей, то въ педагогической печати относительно «уколовъ тупыхъ булавокъ», школьная практика дѣлала свое дѣло. Новые и новыя изданія «Нашего Друга» на-расхватъ расходились одно за другимъ. Всего по 1893 годъ «Нашего Друга» разошлось 16 изданій. Но и этого значительного распространенія нельзя еще назвать максимальнымъ, т. е. какимъ оно могло бы быть, еслибы съ нимъ не случалось странностей совершенно курьезнаго свойства. Конечно-же «Нашъ Другъ», вскорѣ послѣ выхода его, былъ одобренъ «учеными» и «учебными» комитетами всевозможныхъ вѣдомствъ и министерствъ. Тѣмъ не менѣе съ нимъ случались слѣдующіе, совершенно необъяснимые, курьезы. Корфъ усиленнѣйшимъ образомъ работалъ надъ улучшеніемъ своей книги, соотвѣтственно росту народной школы и ея потребностей, и не выпустилъ въ свѣтъ двухъ одинаковыхъ изданій ея. Между тѣмъ случалось такъ, что предыдущія изданія попадали въ каталогъ книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для народныхъ школъ, а послѣдующія—не попадали. Такъ это между прочимъ случилось и съ десятымъ изданіемъ «Нашего Друга», значительно переработаннымъ, которое не попало въ каталогъ министерства и потому могло быть допущено только въ библіотеки народныхъ школъ. Было-ли это продолженіемъ и послѣдствіемъ того «двоедушія», которое такъ характерно проявилось при критической оцѣнкѣ «Нашего Друга», или дѣло объяснялось слѣпою случайностью,—трудно рѣшить. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что указанное недоразумѣніе значительно затормозило распространеніе книги.

Тѣмъ не менѣе все, что вышло изъ-подъ пера барона Корфа и продолжало выходить, находило большой сбытъ. Такъ, въ 1872 году онъ выпустилъ небольшую книгу «Малютка». Въ послѣдующихъ изданіяхъ «Нашего Друга» весь учебный матеріалъ, заключавшійся въ «Малюткѣ», вошелъ въ него. Это однако не помѣщало

единственному изданію «Малютки» въ 25,000 экземпляровъ разойтись начисто.

Въ числѣ первой серіи книгъ, выпущенныхъ въ свѣтъ барономъ Н. А. Корфомъ, есть и еще очень важная книга—«Наше школьное дѣло». Но о ней мы скажемъ нѣсколько ниже, такъ какъ необходимо предварительно ознакомиться съ нѣкоторыми обстоятельствами изъ жизни и дѣятельности барона Корфа.

VII.

Заслуги и черная неблагодарность.

Баронъ Н. А. Корфъ, какъ центръ дѣятельности по народному образованію. — Письма попечителя Кавказского учебного округа, г. Я. Невѣрова.—Отзывъ Д. Д. Семенова о школахъ барона Н. А. Корфа и его дѣятельности.—Признательность интеллигентной части русского общества къ барону Н. А. Корфу и пребываніе его въ Петербургѣ.—Жестокій ударъ и всеобщее сочувствіе.

Благодаря барону Корфу, въ исходѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ Александровскій уѣздъ, Екатеринославской губерніи, сталъ своего рода педагогическою Меккою въ отношеніи собственно народнаго образованія. Туда не только обращались за совѣтами и указаніями земскіе дѣятели по школьнай части, тамъ не только искали прибѣжища и помощи молодые люди, желавшіе потрудиться на пользу народнаго образованія,—туда обращались также и крупные администраторы по учебной части, и лица, пользовавшіяся большою педагогическою извѣстностью,—чтобы умудриться примѣромъ и опытомъ барона Н. А. Корфа въ дѣлѣ народнаго образованія и достигаемыми имъ прекрасными результатами. Онъ сталъ центромъ всей дѣятельности по народному образованію въ Россіи.

Какъ извѣстно, за кавказскимъ учебнымъ округомъ прочно сохраняется репутація одного изъ самыхъ гуманныхъ, дѣятельныхъ и производительныхъ районовъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Въ этомъ до-реформенномъ краѣ съ давнихъ поръ уже довольно значительные успѣхи дѣлаетъ и народное образованіе. Всѣмъ этимъ кавказскій округъ очень много обязанъ той дѣльной закваскѣ, которая была положена въ бытность тамъ попечителемъ учебного округа Невѣрова. Этотъ просвѣщенный и энергическій администраторъ съ искреннимъ увлеченіемъ отнесся къ начи-

наніямъ барона Н. А. Корфа и задался цѣлью воспринять отъ него и пѣликомъ насадить у себя на Кавказѣ все, что есть хорошаго въ созданной барономъ Корфомъ организаціи народнаго образованія. И онъ блестяще осуществилъ эту цѣль за свой страхъ и рискъ, не стѣсняясь никакимъ формализмомъ.

Между барономъ Корфомъ и Невѣровымъ завязалась большая переписка, растянувшаяся года на четыре, чрезвычайно характерная для Невѣрова, какъ талантливаго администратора, и для дѣла барона Корфа. Вотъ нѣкоторыя черты изъ этой переписки. Въ офиціальномъ напримѣръ письмѣ отъ 18-го марта 1869 г. попечитель кавказ. учебн. округа говоритъ барону Корфу:

«Изъ моей долгой педагогической дѣятельности я вынесъ убѣженіе, что, безъ правильной подготовки учителей для начальныхъ и вообще нисшихъ учебныхъ заведеній, развиваемое въ высшихъ слояхъ общества просвѣщеніе никогда не можетъ проникнуть въ нисшіе его слои, а всегда будетъ поверхностно и односторонне, потому что лишится самыхъ питательныхъ соковъ, которые оно можетъ черпать только въ непосредственно народной средѣ. При такомъ убѣженіи естественно, что я съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за вашею благотворною и просвѣщеніою дѣятельностью на поприщѣ народнаго образованія. Не смотря на открытие въ окрестностяхъ Тифлиса правильной учительской семинаріи, носящей название Александровской учительской школы, я счелъ необходимымъ, для удовлетворенія насущной потребности обученія, прибѣгать къ тѣмъ-же мѣрамъ, какія были съ успѣхомъ принимаемы и вами, какъ-то: сѣѣзы начальныхъ учителей и проч.»

Въ другомъ, тоже офиціальномъ, письмѣ Невѣровъ говоритъ:

«Приношу вамъ мою искреннѣйшую благодарность за письмо ваше отъ 15 мая и присланный мнѣ вмѣстѣ съ нимъ «отчетъ» вашъ, который я прочелъ съ особеннымъ вниманіемъ и самымъ теплымъ сочувствіемъ къ благимъ результатамъ столь блистательно начатаго вами важнаго дѣла. Честь и слава вамъ: вы доказали, что правильная школа возможна на русской почвѣ и что народъ не только не чуждается ея, но вполнѣ ей сочувствуетъ. Вмѣстѣ съ симъ я дѣлаю распоряженіе, чтобы всѣ начальные училища ввѣренного мнѣ округа были снабжены изданнымъ вами руководствомъ къ обученію грамотѣ, а также экземпляромъ вашего отчета, который служить наиболѣшимъ комментаріемъ къ этому руководству... Я получилъ извѣстіе, что проектъ мой обѣ открытіи второй учительской семинаріи въ моемъ округѣ поступаетъ въ государственный совѣтъ и будетъ утвержденъ въ началѣ слѣдующаго года. Тотчасъ по полученіи утвержденія я непремѣнно командирую будущаго директора въ вашъ уѣздъ для ознакомленія съ вашими школами. Руководитель будущихъ народныхъ учителей долженъ на мѣстѣ ознакомиться съ правильную русскою школою и изучить всѣ особенности и условія ея быта. Я надѣюсь, что вы и училищный совѣтъ не откажете въ содѣйствіи этому лицу. Прилагая при семъ для

васъ, баронъ, экземпляръ моего отчета за минувшій годъ, я покорнѣйше прошу у васъ извиненія въ томъ, что, не спросивъ вашего позволенія, я напечаталъ въ моихъ циркулярахъ извлеченіе изъ вашего письма ко мнѣ. Я придаю очень большую цѣну столь любезно предлагаемому вами обмѣну мыслей въ такомъ общемъ дѣлѣ,— и радъ былъ слушаю, предоставленному мнѣ письмомъ вашимъ, чтобы показать моимъ сослуживцамъ, что въ реформахъ, мною вводимыхъ, я нахожу сочувствіе и готовность содѣйствія въ васъ,— въ лицѣ, на дѣлѣ доказавшемъ возможность существованія у насъ правильной школы.» (14 августа 1869 г.)

Новая учительская семинарія, о которой писалъ барону Корфу попечитель кавказского учебного округа,—*Кубанская*. Директоръ ея—извѣстный русскій педагогъ, Д. Д. Семеновъ, который и посѣтилъ школы Александровскаго уѣзда весною 1871 года. Вотъ что писалъ по этому поводу барону Корфу попечитель кавказского учебного округа, Невѣровъ, отъ 11-го декабря 1871 года:

«Я только что прочелъ официальный отчетъ Д. Д. Семенова о командировкѣ его въ Александровскій уѣздъ и, подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведенного на меня подробнымъ описаніемъ того, что видѣлъ Семеновъ у васъ, берусь за перо, чтобы выразить вамъ, баронъ, глубокое сочувствіе къ вашей общественной дѣятельности, поистинѣ заслуживающей уваженія не отдѣльныхъ только симпатизирующихъ вамъ лицъ, но и всего народа русскаго, которому вы показали возможность существованія въ средѣ его правильной школы. Благодаря вашему благому примѣру, теперь смѣло можно, съ полной надеждою на успѣхъ, приниматься за великое дѣло народнаго образованія.»

Далѣе въ письмѣ говорится о намѣреніи попечителя командировать въ Александровскій уѣздъ весною 1872 года инспектора народныхъ училищъ Ставропольской губерніи.

Отчетъ Д. Д. Семенова о командировкѣ былъ напечатанъ въ январьской книжкѣ циркуляровъ по кавказскому учебному округу за 1872 годъ. Кромѣ того г. Семеновъ подѣлился съ публикою своими впечатлѣніями отъ этой командировкы и въ периодической печати. Описаніе г. Семеновымъ этой поѣздки, появившееся въ «Народной Школѣ» за 1871 и 1872 года («Педагогич. очерки школъ Александровскаго уѣзда»), почти совпало съ извѣстною уже читателямъ статью г. Кашина, командированного московскими комитетами грамотности. Такъ какъ отъ появленія «Педагогическихъ очерковъ» г. Семенова отдѣляетъ настъ періодъ времени болѣе чѣмъ въ 20 лѣтъ, то мы предпочтаемъ ограничиться небольшою выдержкою изъ другой статьи Д. Д. Семенова—«Баронъ Николай Александровичъ Корфъ», помѣщенной въ брошюрѣ «Русскіе педагогическіе дѣятели», вышедшей въ свѣтъ въ 1887 году.

«Хотя прошло тому около 15-ти лѣтъ,—вспоминаетъ Д. Д. Семеновъ въ позднѣйшей своей статьѣ о поѣздкѣ для осмотра школъ барона Н. А. Корфа,—но я живо припоминаю первую встрѣчу мою съ Н. А. Отыскивая школы въ уѣздахъ въ апрѣль 1871 года по грязнымъ до-нельзя дорогамъ, я случайно попалъ въ село Маиорское, гдѣ ждали прїѣзда барона для ревизіи школы.

Тутъ я встрѣтилъ уже попечителя школы, изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, мирового посредника, члена училищного совѣта, заѣзжаго учителя изъ Харькова, священника и учителя школы; возлѣ школы толпились крестьяне. Наружность школы немногимъ отличалась отъ малороссійской хаты важиточнаго крестьянина: та-же бѣлая мазанка, та-же соломенная крыша; но школа особнякомъ на холмѣ; возлѣ школы небольшой садикъ, обработанный учителемъ и учениками. Внутренность школы поражала поистинѣ праздничнымъ видомъ. Стѣны и потолокъ были выбѣлены; глиняный полъ чистъ и политъ водою во избѣженіе пыли; по стѣнамъ развѣшаны картины, преимущественно изъ Священной исторіи; въ углу—образъ; на передней стѣнѣ—портретъ Государя и часы; на столѣ разложены тетради и рисунки дѣтей; дѣти сидѣли чинно, въ ожиданіи Н. А.; всѣ они были умыты и гладко причесаны, въ чистыхъ рубашкахъ или свиткахъ, и всѣ въ сапогахъ; передъ каждымъ ученикомъ лежало новое перо и поллиста бѣлой бумаги. Подобную обстановку школы я видѣлъ потомъ и въ другихъ школахъ, гдѣ и не ожидали ревизора. Но вотъ пробило два часа,—время, назначенное Корфомъ для прїѣзда. Вдали послышался колокольчикъ; всѣ встрепенулись: прїѣхалъ Н. А., усталый, изнуренный, обрызганный грязью, въ простой телѣгѣ, на обывательской тройкѣ, обѣзѣдившій безъ отдыха почти всѣ школы своего участка и уже утромъ успѣвшій обревизовать одну школу. Въ какія - нибудь 5—10 минутъ Н. А. успѣлъ наскоро перекусить, привести себя въ порядокъ и вошелъ въ школу бодрымъ и свѣжимъ. Вошли въ школу и отцы. На привѣтствіе Корфа: «здравствуйте, хлопцы!», дѣти радостно закричали: «здравствуйте и вы, Николай Александровичъ!» Видно было, что дѣти хорошо знаютъ своего гостя. Послѣ привѣтствія, дѣти согласно пропѣли молитву: «Достойно есть». Въ этомъ пѣніи участвовали: священникъ, учитель и самъ Н. А. Затѣмъ начался экзаменъ, который продолжался три часа. Самъ Н. А. изложилъ дѣтямъ разсказъ для письменной работы, самъ спрашивалъ по всѣмъ предметамъ, не исключая Закона Божія и славянского чтенія, самъ пересмотрѣлъ всѣ письменные работы дѣтей, ихъ тетради и рисунки и, найдя все въ порядкѣ, присудилъ учителю высшую награду отъ земства, въ 100 рублей. Что чувствовали отцы, видя и слыша все это,—рѣшить трудно. А видѣли и слышали они, что дѣти ихъ въ какія нибудь три зимы научились молиться Богу, толково передавали разсказы изъ Священной исторіи, бойко читали по-русски и славянски, умѣли грамотно написать слышанное, рѣшали задачи, надъ которыми задумывались отцы, да еще умѣли начертить планъ хаты, мельницы, разбить поле на десятины; знали о полезныхъ и вредныхъ животныхъ, насѣкомыхъ и растеніяхъ. И таковы были всѣ 70 школъ уѣзда.»

Сославшись затѣмъ на извѣстную уже читателямъ статью г. Кашина о несчастномъ положеніи школъ Александровскаго уѣзда въ до-реформенное время, Д. Д. Семеновъ продолжаетъ:

«Не то мы видимъ черезъ пять лѣтъ по вступленіи барона Корфа въ члены училищнаго совѣта. Вместо двухъ сносныхъ школъ, въ уѣздѣ открывается до 70 прочно организованныхъ, обеспеченныхъ въ материальномъ отношеніи, съ приспособленными къ ученію школьнными зданіями, съ дѣльными учителями, съ хорошими учебниками, наглядными пособіями, библіотеками и книжными складами.»

Кромѣ указанныхъ командировокъ отъ кавказскаго учебнаго округа, къ барону Корфу были и еще двѣ: командрівка учителя образцовой школы кубанской учительской семинаріи, выписанного изъ Петербурга, человѣка опытнаго уже въ преподаваніи, и инспектора народныхъ училищъ Кубанской области. Сообщая обѣ этихъ новыхъ командрівкахъ барону Н. А. Корфу отъ 12-го февраля 1872 года, Д. Д. Семеновъ между прочимъ писалъ ему:

«Вѣроятно оба они сѣдутся у васъ въ одно и то-же время (около начала марта) притомъ въ самое благопріятное время, когда вы обыкновенно дѣлаете весенніе объѣзды и ревизіи школъ. Было-бы особыеннымъ счастьемъ для нихъ обоихъ и для кубанской семинаріи въ особенности, еслибы вы, Николай Александровичъ, придали своимъ объѣздамъ тотъ-же характеръ, который имѣли эти объѣзды, когда я посѣщалъ ваши школы, т. е. не только-бы производили общія испытанія, но и взяли-бы на себя трудъ дать образцовые уроки по всѣмъ предметамъ обученія, заставили-бы, какъ моего образцового учителя, такъ и своихъ учителей дать по нѣскольку пробныхъ уроковъ, и въ заключеніе показали-бы, какъ совмѣстно, съ тремя отдѣленіями, долженъ заниматься учитель втеченіи цѣлаго дня. Въ заключеніе я былъ-бы весьма признателенъ вамъ, еслибы вы откровенно написали мнѣ о томъ, чего еще не достаетъ для будущаго моего образцового учителя.»

По поводу приведенныхъ цитать изъ статьи и письма Д. Д. Семенова, необходимо замѣтить, что онѣ принадлежать педагогу большой школы и высокой пробы, т. е. бывшему сподвижнику К. Д. Ушинскаго въ его преобразовательной дѣятельности по Смольному институту,—человѣку, не мало потрудившемуся надъ подготовкѣ учителей для среднеучебныхъ заведеній въ бывшихъ «Педагогическихъ курсахъ» при второй с.-петербургской военной гимназіи, справедливо пользовавшихся большимъ уваженіемъ и давшихъ Россіи не мало весьма дѣльныхъ педагоговъ, и впослѣдствіи ставшему однимъ изъ руководителей по начальному образованію въ Петербургѣ. Одно уже это избавляетъ насъ отъ необходимости вдаваться въ перечень описаній другихъ лицъ, посѣтившихъ школы

барона Н. А. Корфа, видѣвшихъ на мѣстѣ и работу школы, и дѣятельность самого барона Корфа. Слѣдуетъ однако сказать, что всѣ они въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ о блестательномъ порядкѣ и благоустройствѣ школъ, стройномъ и отчетливомъ ходѣ занятій въ нихъ, законченности и прочности организаціи. Словомъ, это—въ полномъ смыслѣ образцовая школы, полно обставленныя. Слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ, эти школы, помимо разумныхъ учителей и всѣхъ необходимыхъ учебныхъ пособій, имѣли еще и «садики», и «библіотеки», и «книжные склады», тогда какъ большинство не только тогдашихъ, но и нынѣшихъ народныхъ школъ все еще не можетъ добиться этихъ необходимыхъ при нихъ учрежденій, а то такъ испытываетъ даже горькую нужду и въ хорошихъ пособіяхъ, и въ дѣльныхъ учителяхъ.

Заслуживаетъ особенного вниманія, что даже лица, обладавшія обширными обще-педагогическими познаніями и большою опытностью въ веденіи школьнаго дѣла вообще, тѣмъ не менѣе находили для себя чemu учиться у барона Корфа въ отношеніи собственно народнаго образования, его организаціи, постановки и веденія, и совѣтовали отправляться къ нему учиться другимъ лицамъ, тоже свѣдущимъ и опытнымъ въ школьнномъ дѣлѣ. Это само собою свидѣтельствуетъ о большой трудности дѣла народнаго образования и оттѣняетъ значеніе той заслуги барона Корфа передъ всей Россіей, которую онъ оказалъ отечеству, какъ новаторъ, организаторъ и пламенный пропагандистъ великаго дѣла просвѣщенія народа.

Но какъ бы не довѣряя себѣ, какъ бы желая еще болѣе укрѣпиться во всѣхъ своихъ начинаніяхъ въ области народнаго образования, баронъ Н. А. Корфъ, не смотря на многосложность прямыхъ своихъ обязанностей, предпринялъ еще объездъ и осмотръ длиннаго ряда учебныхъ заведеній, представлявшихъ какую-нибудь характерную особенность по своей организаціи и постановкѣ. Со многими изъ дѣятелей этихъ учебныхъ заведеній баронъ Корфъ вель дѣятельную переписку,—и они усиленно звали его, желая услышать отъ него авторитетную оцѣнку. Въ 1871—72 годахъ баронъ Корфъ посѣтилъ: элементарную школу Ильиныхъ въ Николаевѣ, начальныя и воскресныя народныя училища города Харькова, а также и находящуюся тамъ частную воскресную женскую школу, основанную дамскимъ кружкомъ и находящуюся подъ главнымъ руководствомъ извѣстной дѣятельницы по народному образованію Х. Д. Алчевской; фабричную школу братьевъ Милютиныхъ подъ Москвою; воскресныя школы московскаго общества распространенія техническихъ знаній; школу оборвышей Е. И. Чертковой въ

Петербургъ; женскіе педагогическіе курсы И. И. Чепелевской въ Москвѣ; новгородскую и московскую земскія учительскія семинаріи; наконецъ комиссаровскую техническую школу въ Москвѣ. Эта масса осмотрѣнныхъ разнородныхъ заведеній была тщательно изучена имъ и описана въ рядѣ статей, органически связанныхъ между собою, хотя и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ: въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Вѣстникѣ Европы», «Семьѣ и Школѣ» и «Народной Школѣ». Помимо собственно педагогического значенія этихъ статей, въ смыслѣ указанія на хорошія и неудовлетворительныя стороны осмотрѣнныхъ учебныхъ заведеній, онѣ представляютъ большой интересъ для оцѣнки той эпохи, такъ какъ заключаютъ въ себѣ прекрасный анализъ замѣчательного частнаго и общественнаго почина въ дѣлѣ учрежденія самыхъ разнообразныхъ школъ: начальныхъ, воскресныхъ, фабричныхъ, техническихъ, спеціально-рисовальныхъ, школъ для оборвѣшой и наконецъ семинарій для подготовленія народныхъ учителей и учительницъ. Ничего этого не было раньше: все это какъ бы само собою явилось по почину городовъ и земствъ, частныхъ лицъ и обществъ. Русское общество поняло свою отсталость въ дѣлѣ образования массы и видимо торопилось наверстать потерянное время. Это напряженное состояніе общества прекрасно очерчено барономъ Корфомъ, попутно указывающимъ, какъ поставлена заграницей та или другая отрасль содѣйствія массѣ населенія въ дѣлѣ образования и чего не достаетъ намъ въ томъ или иномъ отношеніи.

Статьи эти были собраны въ одно и дополнены еще слѣдующими статьями, въ разное время появившимися въ печати: «Быть крестьянъ, какимъ онъ отражается въ письменныхъ упражненіяхъ учениковъ сельскихъ школъ», «Объ инспекціи народныхъ училищъ», «Учительскіе съѣзды», «Программа народной школы», «Земскія учительскія семинаріи», «Учительскія семинаріи» и «Объ обязательности обученія въ Россіи». Въ общемъ составилось такимъ образомъ объемистая книга—«Наше школьнное дѣло». Авторъ скромно назвалъ ее «Сборникомъ статей по училищевѣдѣнію», но это вовсе не случайныя, отрывочные статьи, а органически связанныя между собою, въ смыслѣ детальнаго разъясненія и яркаго освѣщенія, что все будущее нашего народнаго образованія всецѣло зависитъ отъ способовъ и средствъ проявленія общественнаго почина и самодѣятельности, отъ условій развитія и самоусовершенствованія народной школы, учительскихъ семинарій и другихъ восспособляющихъ учебныхъ заведеній въ дѣлѣ образования массы населенія. «Наше школьнное дѣло» существенно дополняетъ извѣстный уже читателямъ

трудъ барона Корфа по училищевѣдѣнію «Русскую начальную школу» въ бытовомъ, законодательномъ, дидактическомъ и общественномъ отношеніи. Оба названныхъ труда, въ общей ихъ совокупности, весьма полно обнимаютъ собою теоретическую и практическую стороны училищевѣдѣнія у насъ, въ Россіи, давая вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимое освѣщеніе этого дѣла за границей.

Такая энергическая, разносторонняя и плодотворная дѣятельность барона Н. А. Корфа была оцѣнена интеллигентною частью русского общества съ большою признательностью. Въ 1870 году напримѣръ петербургское педагогическое общество избрало его своимъ почетнымъ членомъ. Въ 1871 году московскій университетъ и московскій комитетъ грамотности также избрали его въ почетные свои члены. Во время прїѣзда барона Корфа въ Петербургъ, въ исходѣ 1871 года, у него установились тѣсныя и дружественные отношенія со всѣми лучшими представителями педагогической дѣятельности въ столицѣ. Не говоря уже о торжественномъ чествованіи его педагогическимъ обществомъ, какъ своего почетного члена, онъ былъ официально приглашенъ въ засѣданіе педагогическихъ курсовъ при II-й с.-петербургской военной гимназіи. Въ присутствіи великой княгини Евгеніи Максимилиановны онъ давалъ уроки въ острожной женской школѣ, въ образцовой школѣ учительской семинаріи петербургскаго воспитательного дома, въ частной воскресной школѣ и многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кроме того онъ имѣлъ свиданіе съ Головининымъ, предшественникомъ графа Толстого по управлению министерствомъ народнаго просвѣщенія, графомъ С. Г. Строгоновымъ и многими другими лицами, проявлявшими живой интересъ къ дѣлу народнаго образования и желавшими ближе познакомиться съ педагогическими его воззрѣніями.

Заслуживаетъ также вниманія и слѣдующій эпизодъ изъ этой поїздки барона Корфа въ Петербургъ. Еще въ 1870 году онъ получилъ отъ графа Д. А. Толстого, бывшаго въ то время министромъ народнаго просвѣщенія, письмо съ выражениемъ «искренней благодарности» за присылку ему, «при письмѣ», книги «Русская начальная школа». Собственноручнымъ-же письмомъ 27 ноября 1871 года графъ Д. А. Толстой пригласилъ барона Н. А. Корфа «пожаловать къ нему откушать 28-го ноября въ 6 часовъ». Въ этотъ день онъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ министромъ о положеніи и нуждахъ народнаго образования, о задачахъ и условіяхъ его организаціи. Въ то время, какъ извѣстно, графъ Д. А. Толстой самъ сильно склонялся въ пользу введенія обязательного обученія въ Россіи. Немудрено поэтому, если изъ собесѣданія съ Толстымъ ба-

ронъ Корфъ вынесъ увѣренность, что невѣжеству русскаго народа насталъ конецъ, что правительство рѣшилось, не щадя никакихъ средствъ, идти по пути народнаго образованія.

Вообще послѣ поѣздки въ Петербургъ, котораго баронъ Корфъ прямо-таки не любилъ, онъ возвратился въ свой родной уѣздъ съ самыми лучшими надеждами и ожиданіями, но здѣсь его ожидало жестокое разочарованіе. Темная мѣстная землевладѣльческая сила не пожелала имѣть барона Н. А. Корфа своимъ гласнымъ и забаллотировала его на земскихъ выборахъ. Вотъ что между прочимъ писалъ онъ отъ 1-го іюня 1872 года по этому поводу Х. Д. Алчевской, съ которой находился въ дѣятельной и дружеской перепискѣ:

«20-го мая я торжественно забаллотированъ въ уѣздные гласные двумя третями голосовъ на избирательномъ съѣзда землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда. Нечего удивляться тому, что могла собраться шайка негодяевъ и пожелать посредствомъ баллотировки избавиться отъ честнаго человѣка. Огорчаетъ меня не эта шайка, а то *безучастное* отношеніе къ вопіющей наглости, отношеніе къ ней со стороны 5—6 лицъ, считавшихся порядочными и теперь не только позволившихъ баллотировать себя послѣ того, что въ лицѣ моемъ дана пощечина всѣмъ слугамъ дѣла, но и не промолвившихъ ни одного слова протesta. Нужно вамъ знать, что я былъ 6 лѣтъ гласнымъ, секретаремъ собранія въ 6 сессіяхъ, три года членомъ ревизіонной комиссіи, три года предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей, 5 лѣтъ членомъ училищнаго совѣта, всѣ эти должности я отправлялъ безвозмездно и пожертвовалъ за все время въ пользу кассы школъ уѣзда болѣе 5,000 р. сер. Не стану судить о томъ, принесъ-ли я какую нибудь пользу, но всѣ признаютъ, что я трудился на пользу земства съ самоотверженіемъ. Теперь меньшинство, считающее себя прогрессивнымъ (человѣкъ 5), не только не мѣшало шайкѣ выбросить за бортъ слугу дѣла, но изъ зависти и тщеславія, желая попасть въ гласные, старались дружественно относиться къ шайкѣ, владѣвшей выборами, и по возможности не только не обнаруживать солидарности со мною, но и не подходить ко мнѣ въ залѣ, для того, чтобы не повредить себѣ въ глазахъ шайки. Но откуда-же эта шайка? Она сформирована старинными завистниками моими и однимъ господиномъ, который, по моей инициативѣ, не избранъ вновь въ мировые судьи, успѣвши вооружить противъ себя все населеніе своею судебною дѣятельностью. Итакъ, повторяю, что огорчаетъ меня безучастное отношеніе къ дѣлу со стороны людей, которымъ я вѣрилъ, которыхъ я считалъ годными для дѣла и которые оказались тряпицами. Впрочемъ и тутъ были отрадныя исключенія: всѣ члены училищнаго совѣта объявили, послѣ моей баллотировки, что считаютъ за позоръ дозволить баллотировать себя; впрочемъ и то нужно сказать, что еслибы они допустили баллотировку, то ихъ бы прокатили непремѣнно, такъ какъ баллотировалось то дѣло, которому они служили вмѣстѣ со мною. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ въ томъ — и это меня утѣшаетъ, — что въ средѣ земскихъ людей, послѣ того, что я втѣ-

ченіи б лѣтъ распинался за общее благо, нашлось три честныхъ-человѣка, три члена училищнаго совѣта, которые не съумѣли отнестись холодно и равнодушно къ мерзости, происшедшей на выборахъ. Итакъ, нашего училищнаго совѣта и меня въ совѣтъ съ сентября этого года не существуетъ. Въ виду того, что на учительскій съѣздъ потребовалось бы издержать 1,200 руб. сер., мы не рѣшились произвести этого расхода, неувѣренные въ сочувствіи ему со стороны плательщиковъ и будущихъ руководителей училищнаго дѣла, и съѣздъ, предполагавшійся на 8-е сентября, отмѣненъ. Само собою разумѣется, что я не перестану служить дѣлу народнаго образованія словомъ и дѣломъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ пожелають услугъ моихъ, и въ печати. Само собою разумѣется, что я не только не закрою той народной школы, попечителемъ которой я состою, но постараюсь увеличить затрату на нее и развить ее; но въ уѣздѣ дѣятельность моя окончена: опытъ состоялся; найдутся люди, то будетъ и дѣло, если не теперь, то со временемъ. Въ скоромъ времени ожидаютъ отдѣленія части территоріи Александровскаго уѣзда къ Мариупольскому, куда отойдетъ и мое имѣніе; тогда будутъ новые выборы въ обоихъ уѣздахъ, Александровскомъ и Мариупольскомъ; я буду баллотироваться въ послѣднемъ и, если изберутъ, опять готовъ служить народной школѣ, хотя здоровье мое, т. е. нервы, и крайне разстроено. Впрочемъ будущее впереди, а въ настоящемъ совершился фактъ, еще разъ доказавшій мнѣ, что у насъ человѣку прогрессивному нельзя разсчитывать не только на большинство, но даже и на меньшинство. Тѣмъ дороже для меня тѣ немногіе друзья за предѣлами уѣзда, которыми я обладаю.»

«Друзей» однако оказалось у барона Н. А. Корфа несравненно больше, чѣмъ онъ думалъ. Въ печати дружно раздался крикъ негодованія по поводу самодурно-самоуправнаго поступка землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда, проявившихъ самую низкую и черную неблагодарность къ общественнымъ заслугамъ барона Корфа, успѣвшимъ уже получить общерусскую известность и заслужившимъ признательность со стороны цѣлаго ряда ученыхъ корпораций, наиболѣе компетентныхъ въ вопросахъ образованія. Со всѣхъ концовъ Россіи онъ былъ заваленъ самыми горячими сочувствіями по поводу постигшей его непріятности и обиды. Тутъ были письма педагоговъ, частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій. Всѣ въ одинъ голосъ признали, что та часть александровскаго дворянства, которая забаллотировывала барона Корфа, положила «черные шары» самой-же себѣ,—въ глазахъ всей мыслящей Россіи навсегда осудила и опозорила себя, доказавъ лишь умственное и нравственное убожество свое, непониманіе и недостоинство, неспособность стоять на высотѣ общественного служенія. Вотъ, напримѣръ, что писалъ барону Корфу извѣстный педагогъ, Евтушевскій:

«Извѣстіе, прочтенное мною изъ газетъ, о сюрпризѣ, устроен-

номъ александровскому училищному совѣту, сначала меня сильно поразило; но потомъ, вспомнивъ, что мы живемъ еще пока въ дикихъ дебряхъ, гдѣ встрѣчается больше звѣрей, нежели людей, я успокоился, такъ какъ различные курьезы на Руси довольно часты. Съ своей-же стороны я имѣю только къ вамъ, многоуважаемый Николай Александровичъ, большую просьбу: не смотря на пошлости, васъ окружающія, и несправедливости, которыми вамъ платятъ за великое, честное и доброе ваше дѣло, не бросайте этого дѣла. Повѣрьте, что есть гораздо больше такихъ людей, которые благодарятъ васъ душевно теперь и всегда будутъ чтить вашу память, какъ человѣка, дѣйствительно сдѣлавшаго доброе дѣло.» (14 іюня 1872 г.)

Мотивъ этого письма изъ Петербурга замѣчательно совпадаетъ съ мотивомъ адреса бахмутскаго уѣзднаго училищнаго совѣта барону Корфу по поводу его забаллотировки. Правильно охарактеризовавъ значеніе его дѣятельности, какъ для цѣлаго уѣзда, такъ и для всей Россіи, бахмутскій училищный совѣтъ говоритъ далѣе въ своемъ адресѣ:

«Фактъ, такъ неожиданно совершившійся 20-го мая 1872 года, ясно говоритъ самъ за себя, и особенно онъ понятенъ для насть, служащихъ и трудящихся на одномъ съ вами многотрудномъ по-прищѣ начального народнаго образованія.... Совершившееся у васъ событие не могло не произвести на вашу благородную душу впечатлѣніе самое тяжкое не въ смыслѣ личной обиды и оскорблениія, а въ виду тѣхъ важныхъ и великихъ по своимъ послѣдствіямъ потерпъ, которыя въ подобныхъ случаяхъ и при подобныхъ обстоятельствахъ терпитъ нашъ простой народъ.»

Выразивъ затѣмъ уверенность, что баронъ Корфъ «снисходительно отнесется къ дѣлу, которое совершилось и можетъ повториться подъ вліяніемъ непреодолимыхъ еще обстоятельствъ самого грустнаго свойства», бахмутскій училищный совѣтъ продолжаетъ:

«Оставшіяся при васъ и съ вами неотъемлемо Богомъ данныя вамъ геніальныя способности и практическій вѣрный взглядъ на дѣло начального образованія, ваше въ немъ особое умѣніе, этотъ внутренній, счастливый, стройный порядокъ душевныхъ вашихъ силъ въ состояніи явить нашему краю и всему отечеству, что для истиннаго гражданина, истиннаго сына отечества не сильны преграды, воздвигаемыя иногда по недоразумѣнію, а иногда и по другимъ причинамъ.»

Но у барона Корфа нашлись «друзья» не только «за предѣлами», но и въ предѣлахъ уѣзда. Забаллотированный дворянами, онъ былъ выбранъ въ земскіе гласные изъ пяти избирательныхъ уѣздныхъ крестьянскихъ съѣздовъ въ трехъ съѣздахъ, и притомъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Фактъ тѣмъ болѣе отрадный и назидательный, что онъ произошелъ не только безъ малѣйшей агитациіи со стороны барона Корфа, но даже и при отсутствіи его въ Александровскомъ уѣздѣ, такъ какъ немедленно послѣ забалло-

тированія на съѣздѣ землевладѣльцевъ онъ уѣхалъ по дѣламъ въ Екатеринославъ.

Указанное единодушіе крестьянъ въ избраніи барона Корфа въ гласные вызвало задушевный откликъ со стороны почетителя кавказскаго учебнаго округа, Невѣрова, который все еще находился съ нимъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ, продолжая командировать въ Александровскій уѣздъ новыхъ и новыхъ дѣятелей по народному образованію, такъ какъ отъ такихъ командировокъ была явная польза для успѣховъ народнаго образованія на Кавказѣ. Въ письмѣ отъ 3-го іюля 1872 года Невѣровъ, выражая барону Н. А. Корфу «глубочайшую благодарность» за ту «предупредительность», съ которой онъ знакомилъ кавказцевъ съ устройствомъ своихъ школъ и ихъ ходомъ, а также и за «чисто-русское радушіе», говоритъ далѣе:

«При этомъ случаѣ позволяю себѣ высказать то душевное наслажденіе, съ которымъ я прочелъ въ газетахъ извѣстіе, что если васъ не пожелали или не умѣли оцѣнить помѣщики, то единодушный выборъ васъ крестьянами въ свои представители ясно показалъ, что благотворная ваша дѣятельность на пользу народнаго просвѣщенія вполнѣ оцѣнена народомъ русскимъ. А это—не сомнѣваюсь въ томъ—въ глазахъ вашихъ и всѣхъ понимающихъ и сочувствующихъ вамъ конечно выше и дороже всего. Да дастъ вамъ Богъ силы и здоровья трудиться на этомъ поприщѣ, на которомъ вы стяжали вполнѣ заслуженное вами сочувствіе и уваженіе.»

Единодушіе, съ которымъ крестьяне избирали барона Корфа (конечно не безъ противодѣйствія со стороны тайныхъ его недоброжелателей), — фактъ единственный въ лѣтописяхъ нашего общественнаго управленія, и притомъ въ высшей степени поучительный. Крестьяне очевидно понимали, за что именно выбираютъ они барона Корфа, для чего собственно необходимъ онъ имъ, какъ гласный земства. Значитъ, у крестьянъ было уже сознательное отношеніе къ народному образованію, — была органическая связь съ народными школами, насажденными неусыпными трудами и заботами барона Н. А. Корфа.

VIII.

Пребываніе заграницей.

Переѣздъ барона Корфа заграницу и дѣйствительныя причины переѣзда.—Служеніе дѣлу русскаго народнаго образованія изъ заграницы.—Ошибка биографовъ барона Корфа въ оцѣнкѣ его дѣятельности во время пребыванія заграницей.—«Руководство къ наглядному обученію» и «Исторія Востока, Греціи и Рима—для обученія и самообразованія».—Женевская семейная школа барона Корфа и личныя его дѣла.—Избраніе въ почетные члены женевскою академіею наукъ.

Блестящее избраніе барона Н. А. Корфа на трехъ крестьянскихъ съѣздахъ не только затмило и посрамило недостойную выхodку со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ, но и дало ему должное нравственное удовлетвореніе. Значеніе этого удовлетворенія было тѣмъ полнѣе, что, — какъ мы знаемъ уже, — оно было поддержано дружнымъ сочувствіемъ всей мыслящей части русскаго общества. Тѣмъ не менѣе баронъ Корфъ въ 1872 году прервалъ свою дѣятельность въ Александровскомъ уѣздѣ, уѣхалъ съ семействомъ въ Швейцарію, поселился въ Женевѣ и жилъ тамъ до 1880 года. Этотъ фактъ и при жизни, и послѣ смерти барона Корфа остается неразъясненнымъ, почему и вся послѣдующая его дѣятельность представляется невыясненною. Между тѣмъ разобраться въ причинахъ, побудившихъ барона Корфа на такой рѣзкий шагъ, вполнѣ возможно.

Нѣкоторые полагаютъ, что главной причиной обрыва барономъ Корфомъ своей земской дѣятельности служить то «одиночество», въ которомъ онъ почувствовалъ себя въ своемъ родномъ уѣздѣ. Конечно ему тяжело и горько было почувствовать это, но онъ былъ уже слишкомъ опытенъ и закаленъ въ общественной дѣятельности, чтобы смутиться одиночествомъ. Въ сущности и тогда, когда онъ предпринималъ организацію народнаго образованія, и во все послѣдующее время онъ всегда былъ *одинъ*, въ смыслѣ почина. Если починъ этотъ приводилъ къ блестящимъ результатамъ, то это еще вовсе не значитъ, будто бы успѣхъ давался барону Корфу безъ борьбы. Напротивъ, въ имѣющейся напримѣръ въ нашемъ распоряженіи перепискѣ барона Корфа сохранилась пачка писемъ, отъ 1867 до 1870 года, принадлежащихъ Ч—скому.

Даже теперь, спустя четверть вѣка уже, трудно читать безъ

негодованія эти письма,—такъ много въ нихъ сплетенъ, инсінуаций, угрозъ, зависти, злобы и дерзости — по поводу притомъ такого невиннаго факта, какъ открытие русской школы въ одной изъ нѣмецкихъ колоній. И это конечно только примѣръ, но не исключеніе. Не слѣдуетъ забывать, что въ то время, какъ Александровскій уѣздъ и нѣкоторыя другія мѣстности Имперіи, благодаря земству, покрывались школами, въ другихъ мѣстахъ или бездѣствовали, или принимали даже мѣры противодѣйствія какому-бы то ни было проявленію образованія. Такъ напримѣръ, Новомосковскій и Павлоградскій уѣзды, Екатеринославской-же губерніи, какъ бы даже фрондировали своею постыдною бездѣятельностью вообще и полнѣйшимъ игнорированіемъ народнаго образованія въ частности. Одинъ-же изъ корреспондентовъ барона Корфа, Н. Крыловъ, въ письмѣ отъ 13-го октября 1869 года сообщалъ, что въ Алатырѣ, Симбирской губерніи, одновременно были закрыты всѣ частныя учебныя заведенія, при отсутствіи въ городѣ какихъ-бы то ни было другихъ учебныхъ заведеній... И въ Александровскомъ уѣздѣ такихъ гонителей образованія было не занимать стать. Но баронъ Корфъ умѣлъ, искренно или неискренно, ставить ихъ на свою сторону, какъ онъ въ концѣ концовъ сдѣлалъ это и съ Ч—скимъ. Онъ одержалъ также полную, блестательную побѣду и надъ всѣми своими противниками по выборамъ 1872 года. Уже въ бытность въ Женевѣ, въ 1873 году, онъ получилъ благодарственный адресъ отъ Александровскаго училищнаго совѣта и такой-же адресъ отъ всего земскаго собранія этого-же уѣзда. Этотъ послѣдній адресъ былъ составленъ по единогласному постановленію собранія, т. е. при участіи тѣхъ-же самыхъ лицъ, которыя забаллотировали его. Впослѣдствіи-же Александровское уѣздное земskое собраніе, по предложенію гласнаго Н. Карышева о необходимости привлечь къ дѣлу народнаго образованія «человѣка, много потрудившагося на этомъ пути и могущаго научить многому другихъ», «встало и единогласно» постановило: «Просить глубокоуважаемаго барона Корфа принять званіе почетнаго члена Александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта и войти съ ходатайствомъ въ министерство народнаго просвѣщенія объ утвержденіи его въ этомъ званіи».

Къ этому нужно еще прибавить, что въ 1873 году барону Корфу присуждена золотая медаль за его литературную и непосредственную дѣятельность по народному образованію. Такимъ образомъ, въ общей совокупности приведенныхъ фактovъ, нельзя не прийти къ выводу, что недостойныя выходки землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда способствовали лишь еще большему возвышенію барона

Корфа въ глазахъ общества, и онъ получилъ самое полное нравственное удовлетвореніе. Значить, со стороны неблагопріятнаго выборнаго эпизода не могло быть препятствій къ продолженію барономъ Корфомъ земской службы.

Точно также ошибочно думаютъ нѣкоторые, будто-бы однимъ изъ главныхъ препятствій въ этомъ отношеніи было измѣненіе территоріальныхъ границъ между Александровскимъ и Маріупольскимъ уѣздами. Положимъ, въ письмѣ изъ Женевы отъ 4-го іюня 1873 года баронъ Корфъ дѣйствительно говоритъ: «Въ настоящее время я уже отрѣзанный ломть отъ того дѣла, на которое пошли лучшіе годы моей жизни: новые границы уѣзда лишили меня офиціального голоса въ Александровскомъ уѣздѣ». Но въ этомъ-же письмѣ онъ прибавляетъ далѣе, что «различныя обстоятельства побудили меня служить родному школьному дѣлу только путемъ печати». Если знать ходъ школьнаго законодательства и печатные труды барона Корфа, то «обстоятельства», на которыхъ онъ ссылается, будутъ понятны сами собою. Разъяснить ихъ въ высшей степени необходимо, такъ какъ такой почтенный земскій дѣятель, какъ Гнѣдинъ, одинъ изъ лучшихъ и дѣятельнѣйшихъ сподвижниковъ Корфа по народному образованію въ Александровскомъ уѣздѣ, очень грубо ошибся въ отношеніи истинныхъ мотивовъ отказа барона Корфа, сказавъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», законченныхъ еще въ 1879 году, между прочимъ слѣдующее:

«Своимъ отказомъ Корфъ оскорбилъ какъ общество, избравшее его, такъ и самое дѣло, которому онъ служилъ. Если можно оправдать отказъ Корфа, то развѣ тѣмъ, что забаллотировка сильно потрясла его нервы и способствовала развитію его болѣзни—образованію желчныхъ камней. Но это стало известно только впослѣдствіи, вначалѣ-же его отказъ фраппировалъ всѣхъ благомыслящихъ людей, и даже друзья Корфа не находили оправданія его поступку.»

Но если «друзья» были такъ не находчивы въ «оправданіи», то, повторяемъ, «обстоятельства» даютъ Корфу самое полное и блестящее не только оправданіе, но, — какъ не замедлимъ разъяснить,—даже и одобреніе. Вотъ сущность дѣла.

«Положеніемъ о народныхъ училищахъ» 14-го іюня 1864 года земскими учрежденіямъ была предоставлена полная самостоятельность въ дѣлѣ народнаго образованія, такъ что даже выборъ предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ былъ предоставленъ земскими собраніямъ. Эта благоразумная децентрализація распорядительно-исполнительной власти дала возможность къ проявленію на мѣстахъ частнаго и общественнаго почина и самодѣятельности въ области народнаго образованія, благодаря чему послѣднее и начало

постепенно выходить въ земскихъ губерніяхъ изъ состоянія летаргіи. Только въ силу предоставленной земству самостоятельности баронъ Корфъ, не принадлежа къ патентованнымъ педагогамъ, оставаясь простымъ земскимъ дѣятелемъ, могъ выступить въ роли организатора разумной народной школы и дать толчокъ этому дѣлу на всю Имперію. Но затѣмъ обстоятельства круто измѣнились. Въ началѣ 70-хъ годовъ послѣдовала инструкція инспекторамъ народныхъ училищъ, какъ обязательное для всѣхъ распоряженіе. Инструкція эта кореннымъ образомъ измѣняла весь порядокъ открытия народныхъ школъ, завѣдыванія и руководства ими, какъ это было установлено «Положеніемъ» 14-го іюня 1864 года. Строго говоря, за земствомъ оставалось только право ассигнованія денегъ, забота о помѣщеніи, отопленіи и освѣщеніи школъ, безъ всякаго отношенія собственно къ учебно-воспитательной дѣятельности ихъ, безъ права вліятельного голоса въ выборѣ, назначеніи и увольненіи педагогического персонала народныхъ школъ.

Баронъ Корфъ первый почувствовалъ на себѣ послѣдствія новаго порядка вещей: Въ инструкціи напримѣръ въ отношеніи съѣздовъ, говорится: «Въ случаѣ учрежденія съѣзовъ народныхъ учителей, на инспектора возлагается какъ наблюденіе за ихъ дѣйствіями, такъ и сообщеніе имъ надлежащихъ совѣтовъ, указаній и наставленій». Руководствуясь буквой инструкціи, администрація одесского учебнаго округа не разрѣшила въ 1871 году барону Корфу руководить съѣздомъ народныхъ учителей Александровскаго уѣзда. Такимъ образомъ то самое лицо, которое впервые пропагандировало въ Россіи идею съѣзовъ и практически осуществило ихъ, годичные «Отчеты» котораго, а также и инструкціи народнымъ учителямъ печатались на страницахъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», — это лицо оказалось безправнымъ въ дѣлѣ, созданномъ его умомъ и энергией, съ громадной пользой и славой руководимомъ имъ втеченіи цѣлаго ряда лѣтъ. Какъ бы для нагляднаго подтвержденія несправедливости такого порядка дѣла, произошелъ слѣдующій фатальный случай. Съѣздъ, долженствовавшій состояться въ Александровскомъ уѣзде подъ руководствомъ народного инспектора, не могъ состояться по причинѣ его смерти. И баронъ Корфъ, самостоятельно, въ силу полномочій земства сзыvавшій прежде съѣзы мѣстныхъ народныхъ учителей, теперь уже не имѣлъ права сдѣлать этого въ виду инструкціи, такъ какъ онъ былъ не инспекторомъ народныхъ училищъ, а только членомъ училищнаго совѣта, хотя въ этой скромной роли онъ, можно сказать, руководилъ народнымъ образованіемъ во всей Имперіи, и къ нему прі-

Бѣжали учиться не только инспекторы народныхъ училищъ, но и лица, руководившія обученіемъ и воспитаніемъ народныхъ учителей.

Со вступленіемъ въ силу инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ, у барона Корфа выпало изъ рукъ живое дѣло народнаго образования, въ смыслѣ непосредственнаго служенія, которому онъ отдавался вполнѣ беззавѣтно, съ такимъ самоотверженіемъ. Въ роли простого земскаго дѣятеля, т. е. члена училищнаго совѣта, за нимъ, согласно «Положенію о народныхъ училищахъ», оставалось право «наблюденія за преподаваніемъ»; но, по инструкціи инспекторамъ, «всѣ преподаватели народныхъ училищъ состоять въ учебномъ отношеніи подъ ближайшимъ надзоромъ инспектора», которому вдобавокъ предоставлена также полная власть въ отношеніи опредѣленія, перемѣщенія и увольненія народныхъ учителей. Понятно поэтому, что какъ-бы ни «наблюдалъ за преподаваніемъ» членъ училищнаго совѣта, но каждый изъ учителей будетъ рабски послушенъ тому, что прикажетъ ему инспекторъ.

Все это было разъяснено въ свое время барономъ Корфомъ въ периодической печати, въ статьяхъ: «Объ инспекціи народныхъ училищъ» и «Учительские съѣзды», которые и вошли въ книгу его «Наше школьнное дѣло». Заглянувъ въ эти статьи, полныя жизненаго интереса и значенія до нашихъ дней, каждый легко можетъ убѣдиться, что еще за долго до баллотировочнаго эпизода баронъ Корфъ совершенно ясно понималъ критическое положеніе своей земской дѣятельности по народному образованію. Хотя первоначальное «Положеніе о народныхъ училищахъ» и оставалось не отмѣненнымъ, но уже не доставало, такъ сказать, физическаго мѣста для проявленія земской дѣятельности барона Корфа въ фактически-существовавшихъ прежде ея размѣрахъ. Въ дѣлѣ, самостоятельно созданномъ, направляемомъ и руководимомъ, ему приходилось смотрѣть изъ чужихъ рукъ, занять положеніе зависимое, подневольное, быть въ роли опекаемаго, испрашивать разрѣшеній.

И еслибы не случилось такой метаморфозы, гидра темной силы Александровскаго уѣзда никогда не рискнула-бы взять подъ сомнѣніе дѣло народнаго образованія, не стала-бы баллотировать этого дѣла въ лицѣ барона Корфа. По своей безупречной честности, по своей энергіи и умственному превосходству, по тому громадному вліянію, которое болѣе и болѣе завоевывалъ себѣ баронъ Корфъ, онъ съ первыхъ дней своей общественной дѣятельности былъ глубоко ненавистенъ для мѣстной темной силы. Не занимая никакихъ платныхъ должностей по земству, служа ему своею головою, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожалъ въ самомъ зародышѣ ма-

лѣйшее поползновеніе съ чьей-бы то ни было стороны къ обращенію земства въ «общественный пирогъ». А такими именно поползновеніями и была проникнута «гидра». Но баронъ Корфъ былъ неуязвимъ, пока оставался подъ защитою «Положенія» 14-го юля 1864 года въ отношеніи народнаго образованія. И какъ только «Положеніе» не въ состояніи уже было болѣе ограждать именно дѣла рукъ барона Корфа, на него и набросилась темная сила, увлекшая своимъ теченіемъ людей индифферентныхъ и малодушныхъ. И хотя онъ одержалъ полную и блестательную побѣду въ общемъ результатахъ выборовъ въ земскіе гласные, тѣмъ не менѣе ясно было, что въ рукахъ его противниковъ остается самое сильное орудіе противъ него — самоуправное ломанье и коверканье созданнаго имъ дѣла народнаго образованія, — чего они не смѣли дѣлать раньше, но въ чемъ онъ теперь не властенъ былъ уже помѣшать имъ, такъ какъ не его уже просвѣщенный авторитетъ, а санкція и усмотрѣніе народнаго инспектора будутъ руководить дѣломъ. Оберегая судьбу дорогого ему дѣла, онъ отказался отъ него, и тѣмъ дѣйствительно спасъ его. Какъ удостовѣряетъ Д. Т. Гнѣдинъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», «весь порядокъ, заведенный Корфомъ, поддерживался на томъ лишь основаніи, что, дескать, мы и безъ Корфа справимся. Дѣйствительно, по народному образованію земство не только не уменьшало ассигновки, но даже прибавляло». Но не то конечно было-бы, еслибы баронъ Корфъ оставилъ при дѣлѣ. Значитъ, отказъ барона Корфа, выходъ его изъ земства есть своего рода самоотверженіе и заслуживаетъ высокаго одобренія.

Таковы дѣйствительныя причины переѣзда барона Корфа за границу, въ Женеву, съ октября 1872 года, гдѣ онъ и прожилъ около 8 лѣтъ, съ кратковременными прѣездами въ Россію. Такъ оборвалась безпримѣрно блестящая и производительная дѣятельность этого великаго и даровитаго общественнаго работника на пользу общерусскаго народнаго образованія. Тяжелъ и мучителенъ былъ этотъ перерывъ для барона Корфа не только въ смыслѣ устраненія отъ общественной дѣятельности, которой такъ жаждала его энергическая, широко одаренная натура, но даже и въ смыслѣ потери подъ ногами русской почвы, такъ какъ онъ былъ «почвенникомъ» самой «чистой воды» и высокой пробы. Вотъ что говоритъ онъ напримѣръ о себѣ въ своихъ «Посмертныхъ Запискахъ»:

«Сознаюсь, что тосковалъ я за украинскими степями не только въ Петербургѣ, отталкивающемъ и однообразіемъ природы, и климатомъ, и еще кое-чѣмъ, но изъ Женевы, гдѣ, стоя на берегу жи-

вописи съшаго озера, не могъ я не признавать того, что *куда-же* равняться съ такою красавицею моей унылой и часто неприглядной южно-русской степи, но родная мнѣ эта послѣдняя, и не промѣняю ее ни на лазуревую воду Роны, ни на позолоченные заходящимъ солнцемъ сѣжныя вершины.»

Чтобы заглушить эту естественную тоску по родинѣ, баронъ Н. А. Корфъ съ необычайною энергию принялъся за перо на пользу излюбленнаго имъ школьнаго дѣла. Какъ видно изъ письма его къ Х. Д. Алчевской отъ 8-го мая 1873 года, за $6^{1/2}$ мѣсяцевъ пребыванія его въ Женевѣ, онъ написалъ: три статьи для «Вѣстника Европы», три статьи для «Народной Школы», семь статей для «Недѣли» и 18 «Писемъ на родину» въ «С.-Петербургскія Вѣдомости». Все это, въ общей сложности, составляетъ болѣе 20 печатныхъ листовъ, всецѣло посвященныхъ Россіи и русскому школьному дѣлу, такъ сильно нуждавшемуся въ просвѣщенномъ руководствѣ и такъ кстати продолжавшему получать его отъ барона Корфа, оказавшагося «волею судебъ» не у дѣль.

Энергически отзываясь по поводу практическаго хода русскаго школьнаго дѣла и движенія законодательства по этому предмету, баронъ Корфъ занялся вмѣстѣ съ тѣмъ и систематическимъ ознакомленіемъ русской публики, путемъ печати, съ современнымъ состояніемъ народнаго образованія заграницей. Дѣльныя, страстныя, блестящія статьи его по этому предмету были впослѣдствіи собраны имъ, нѣсколько переработаны примѣнительно къ педагогическому отдѣлу всемірной парижской выставки 1878 года и изданы въ 1879 году отдѣльною брошюрою, подъ заглавиемъ: «Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ». Нужно замѣтить при этомъ, что баронъ Корфъ еще раньше посѣтилъ вѣнскую всемірную выставку, происходившую въ 1873 году, и подробно описалъ ее въ свое время въ «Вѣстникѣ Европы». Разматривая педагогическій отдѣлъ парижской выставки 1878 года, онъ оцѣниваетъ его по сравненію съ соотвѣтствующими отдѣлами на прежнихъ выставкахъ, начиная со второй парижской, въ 1867 году, на которой впервые состоялась попытка организовать международное педагогическое состязаніе. Въ виду этого, «Итоги народнаго образованія», представляя объемистую брошюру, плотно напечатанную, даютъ очень яркую и выразительную картину положенія, хода и условій дѣятельности народнаго образованія не въ одной только Европѣ, но на всемъ бѣломъ свѣтѣ до Австраліи и Сандвичевыхъ острововъ включительно. Въ этомъ отношеніи названная брошюра имѣть незамѣнимое значеніе въ нашей школьнай литературѣ.

Именно потому, что баронъ Корфъ документально зналъ все,

что касается дѣла народнаго образованія и отчетливо понималъ отсталость Россіи въ этомъ отношеніи по сравненію съ другими народами и странами,—онъ съ такою страстью относился къ этому дѣлу первостепенной государственной важности, беззавѣтно и безраздѣльно отдавался ему и писалъ о немъ не иначе, какъ *сокомъ своихъ нервовъ...*

Порвавъ непосредственную связь съ русскою народною школою, онъ сосредоточилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на устраненіи, путемъ печати, всѣхъ тѣхъ погрѣшностей и недоразумѣній, которыя такъ или иначе могли помѣшать правильному ходу народнаго образованія. Одна за другою выходили изъ подъ его пера горячія статьи, посвященные дѣйствительно животрепещущимъ вопросамъ въ этой области. То онъ съ увлечениемъ доказываетъ и разъясняетъ необходимость согласованія интересовъ общаго и прикладнаго первоначального образованія, такъ чтобы эти отрасли не смѣшивались въ одну, а развивались-бы самостоятельно и параллельно. То онъ пламенно привѣтствовалъ и пропагандировалъ крестьянскія школки грамотности, справедливо видя въ нихъ возможность выдѣленія простой грамоты въ самостоятельную отрасль первоначального обученія, которое несомнѣнно можетъ быть поставлено какъ обязательное обученіе даже и при нашихъ скучныхъ государственныхъ и общественныхъ материальныхъ средствахъ. Но главною темою статей Корфа за этотъ періодъ времени было отстаиваніе земскихъ правъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

Поводомъ къ этому послужило новое положеніе о народныхъ училищахъ, т. е. уставъ 1874 года, окончательно уже уничтожившій тотъ порядокъ отношенія земства къ народному образованію, который первоначально былъ установленъ «Положеніемъ» 14-го іюля 1864 года. Произошло то именно, что предвидѣлъ баронъ Корфъ двумя годами раньше и противъ чего энергически предостерегалъ. Дѣло, начатое инструкціею инспекторамъ народныхъ училищъ, было завершено уставомъ. Теперь уже земства не избирали болѣе предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ, такъ какъ обязательными предсѣдателями были предводители дворянства. Земство окончательно было отдано въ опеку мѣстной администраціи по народному образованію, такъ что, безъ вѣдома и разрѣшенія послѣдней, не смѣло даже разсыпать по своимъ народнымъ школамъ книги и учебныхъ пособій, хотя-бы даже и одобренныхъ спеціально для этой цѣли. Въ большомъ рядѣ статей (напримѣръ: «Народная школа въ рукахъ крестьянского земства», «Объ инспекціи народныхъ училищъ», «Учители и помощники» и друг.) баронъ Корфъ фактами

доказывалъ, неблагопріятное вліяніе новаго порядка вещей и прозорливо предсказывалъ возможность совершенно индифферентнаго отношенія общества къ этому животрепещущему дѣлу первѣйшей государственной важности. Впослѣдствіи эти и другія статьи барона Корфа вышли въ свѣтъ отдельною книгою—«Наши педагогические вопросы» (1882 г.), о которой мы скажемъ нѣсколько ниже.

Оглядываясь на обширную, разностороннюю, очень отзывчивую литературную дѣятельность барона Корфа во время пребыванія его заграницей, нельзя не согласиться, что онъ по прежнему и всецѣло продолжалъ служить интересамъ Россіи и русскаго просвѣщенія, какъ обѣщалъ это въ извѣстномъ уже намъ письмѣ къ г-жѣ Алчевской. Въ этомъ-же письмѣ онъ между прочимъ высказалъ увѣренность, что, «имѣя время для литературныхъ занятій», онъ принесетъ «печатнымъ словомъ больше пользы Россіи», чѣмъ прежнею своею дѣятельностью. Хотя отстраненіе барона Корфа отъ непосредственнаго служенія народному образованію и было несомнѣннымъ ущербомъ для послѣдняго, тѣмъ не менѣе, оставаясь заграницею, онъ, съ первомъ въ рукахъ, продолжалъ приносить весьма существенную пользу. Добровольный эмигрантъ будилъ во всей Россіи интересъ къ народному образованію и въ этомъ направленіи руководилъ общественнымъ мнѣніемъ съ такою твердостью, постоянствомъ и усѣхомъ, какъ никто никогда. Благодаря именно этому, не только въ печати и обществѣ ощущалось біеніе школьной идеи, но и самое дѣло народнаго образованія, несмотря на неблагопріятный оборотъ въ его постановкѣ, продолжало шириться и расти, улучшаться, совершенствоваться во всѣхъ отношеніяхъ, при дѣятельномъ участіи земства, остававшагося вѣрнымъ традиціямъ «Положенія» 14-го іюля 1864 года, наперекоръ всевозможнымъ «препонамъ» и противодѣйствіямъ. Заглянувъ въ «Земскіе Ежегодники», въ «Извлеченія изъ всеподданѣйшихъ отчетовъ министра народнаго просвѣщенія» и въ школьную статистику центральнаго комитета, не трудно убѣдиться, что именно 70-е годы были временемъ наибольшаго развитія у насъ дѣла народнаго образованія. И мы обязаны этимъ какъ первоначальному энергическому толчку, данному барономъ Н. А. Корфомъ, въ первую дѣятельности его въ Александровскомъ уѣздѣ, такъ и еще болѣе той энергіи и бдительности, съ которыми онъ слѣдилъ за народнымъ образованіемъ во все послѣдующее время—съ первомъ въ рукахъ.

Говоря—«еще болѣе», мы нѣсколько не рискуемъ впасть въ преувеличеніе. Установленный министерствомъ народнаго просвѣ-

щенія контроль за народнымъ образованіемъ былъ крайне односторонне принять и примѣненъ во многихъ мѣстахъ, съ явнымъ ущербомъ для успѣховъ народного образованія. Дѣло напримѣръ доходило даже до того, что нѣкоторые изъ инспекторовъ официально требовали, чтобы учителя народныхъ училищъ «передъ каждымъ урокомъ составляли конспектъ и подшивали его къ дѣлу», чтобы они «не смѣли возбуждать никакихъ вопросовъ изустно, при посѣщеніи училища инспекторомъ, но обращали ихъ къ нему не иначе, какъ письменно». Мало того: въ одномъ изъ учебныхъ округовъ послѣдовало распоряженіе, чтобы «учителя въ особой книгѣ ежедневно выставляли баллы или отмѣтки (отъ 0 до 5) всѣмъ ученикамъ за ихъ успѣхи», чтѣ физически даже невозможно въ народной школѣ и совсѣмъ ужъ не педагогично. Наконецъ взаимныя отношенія между земствомъ и мѣстною учебною администрациєю обострялись иногда до такой степени, что возникали даже спеціальная «дѣла о пререканіяхъ» управы съ учебною администрациєю. И «пререканія» эти бывали весьма существенного свойства. Инспекторы иногда своею властью ограничивали число учащихся въ школахъ 50 человѣками, не допуская почему-то приема большаго количества даже и въ томъ случаѣ, еслибы фактически была доказана способность учителя вести школу съ большимъ числомъ учащихся. Переводя учителей съ мѣста на мѣсто, безъ объясненія даже причинъ, они десятками увольняли ихъ отъ должности, совершенно игнорируя при этомъ практикою доказанную педагогическую правоспособность увольняемыхъ и руководствуясь лишь отсутствиемъ официального свидѣтельства на званіе народного учителя, котораго (т. е. свидѣтельства) не имѣлъ, какъ известно, и баронъ Н. А. Корфъ—этотъ учитель русскихъ народныхъ учителей. Случалось, что школы подолгу оставались безъ книгъ и учебныхъ пособій, такъ какъ нѣкоторые изъ инспекторовъ ставили непремѣннымъ требованіемъ, чтобы ни одна книга, хотя бы и одобренная спеціально для народныхъ училищъ, не поступала туда безъ надписи на ней инспектора. Земскіе тюки съ книгами для народныхъ школъ тысячъ на 5—6 рублей направлялись предварительно къ инспектору, и у него образовывалась чудовищная залежь школьніхъ учебниковъ и книгъ. Антагонизмъ между земствами и учебною администрациєю доходилъ до того, что инспекторы отрицали право земства хотя бы на простое ознакомленіе съ годовыми ихъ отчетами—и отказывались сообщать ихъ земству.

Эти и подобные имъ факты, съ точнымъ обозначеніемъ мѣстностей, времени и дѣйствующихъ лицъ, читатели найдутъ въ книгѣ

барона Корфа—«Наши педагогические вопросы». Книга эта служить воплощениемъ того, какъ горѣла и болѣла душа Корфа о невзгодахъ родного нашего школьного дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ книга эта представляетъ и вѣчный памятникъ талантливости, такта и энергіи, съ которыми онъ боролся за дорогое ему дѣло. И—повторяемъ—это была замѣчательно успешная борьба по практическимъ результатамъ. Судя по характеру указанныхъ выше фактовъ, дѣло повидимому принимало такой оборотъ, что народное образованіе могло даже окончательно затормозиться и заглохнуть; въ дѣйствительности-же, — какъ сказано уже,—оно неуклонно шло впередъ и разносторонне развивалось. И мы обязаны этимъ главнымъ образомъ тому безпримѣрно пламенному увлеченію, съ которымъ баронъ Корфъ будилъ и поддерживалъ въ обществѣ школьную идею,—тому авторитету, съ которымъ онъ указывалъ на одностороннія увлечения и ошибки, вредныя для дѣла, опираясь на глубокое знаніе народнаго быта, условій нашей общественной дѣятельности и положенія народнаго образования въ западно-европейскихъ государствахъ. Эти указанія, горячо и съ убѣжденіемъ высказанныя, способствовали сглаживанію шероховатостей, порожденныхъ невѣдѣніемъ и слишкомъ крайнимъ усердіемъ не по разуму,—и въ результате общерусской дѣятельности по народному образованію получился не минусъ, а *плюсъ*, при большомъ притомъ подъемѣ интереса къ этому дѣлу во всей мыслящей части общества.

Эта заслуга со стороны барона Корфа на пользу просвѣщенія Россіи не только не оцѣнена по достоинству его біографами, но къ сожалѣнію даже вовсе затушевана ими. Если дѣятельность его во время пребыванія заграницей не имѣть того блеска, которымъ отличалась она раньше, то сущность и энергія этой дѣятельности ни въ какомъ случаѣ не уступаютъ предшествовавшимъ его трудамъ. Размѣры этой дѣятельности тоже поразительны.

Оторвавшись отъ непосредственного служенія народной школѣ въ роли педагога, баронъ Корфъ не забылъ однако о текущихъ ея нуждахъ и злобахъ. Тщательно перерабатывая каждое послѣдующее изданіе «Нашего друга», соотвѣтственно росту народной школы и ея потребностей, онъ кромѣ того перевелъ «для семьи, народной школы и реального училища» капитальный трудъ Ф. Гардера—«Руководство къ наглядному обученію», въ двухъ объемистыхъ частяхъ. Это—дѣйственный вкладъ въ нашу учебную литературу.

Значеніе «Руководства» баронъ Корфъ совершенно правильно опредѣляетъ такъ:

«Эта книга, предлагая чрезвычайно обильный материалъ по

анатомії, физіології, ботанікѣ, минералогії, географії, фізикѣ, при постійнномъ стремлениі автора повліять научною бесѣдою на нравственность дѣтей, предзначається лише для матерей и учителей, сохраняя полную свободу дѣйствія за послѣдними. Народный учитель, не имѣя возможности располагать библіотекою, найдеть въ предлагаемомъ руководствѣ весьма богатую по содержанию спра-вочную книгу, по которой онъ можетъ готовиться не только къ урокамъ «Наглядного обученія», но и къ урокамъ чтенія по всякой книгѣ для чтенія, основанной на реальныхъ знаніяхъ; встречающая въ этой книгѣ нѣсколько прекрасныхъ образцовъ преподава-нія и множество темъ для ученическихъ сочиненій и бесѣдъ съ учащимися, учитель, вдумавшись въ обильный материалъ, предла-гаемый Гардеромъ, изберетъ лишь то, что признаетъ пригоднымъ, сообразно времени, которымъ располагаетъ, и силами учащихся. Такъ поступить и мать, которая не разъ прибѣгнетъ къ книгѣ Гардера и для того, чтобы отвѣтить на вопросы ребенка, котораго еще не обучають по книгамъ, но который учится изъ жизни и ищетъ помощи у матери своей для разъясненія множества вопросовъ, ежедневно занимающихъ развивающіяся умственные силы. Не разъ мать и учитель воспользуются книгою Гардера даже какъ книгою для чтенія въ классѣ съ тѣмъ-ли, чтобы дать самую книгу въ руки учащимся, внимательно обсудивъ, которая именно изъ статей го-дятся для самостоятельного и класснаго чтенія.»

Вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ второй части «Руководства», въ 1878 году, баронъ Корфъ выпустилъ новый свой трудъ: «Історія Востока, Греціи и Рима — для обученія и самообразованія». Какъ было уже указано выше, исторія была однимъ изъ любимыхъ предметовъ барона Корфа, которымъ онъ очень усердно и вдумчиво занимался и въ лицейскую пору, и во время послѣдующаго само-образованія. Результатомъ этой самостоятельной переработки обширенаго историческаго материала и явилась названная книга, пред-назначенная авторомъ «не только для учащаго и учащагося міра, но и для прочтенія публикою». И эту оригинальную и дѣльную книгу дѣйствительно нельзя не рекомендовать «для прочтенія». Какъ справедливо говорить авторъ въ «Предисловіи» къ своей «Історіи»:

« это — не новое историческое изслѣдованіе по источникамъ, но въ методическомъ отношеніи совершенно самостоятельный опытъ изложенія исторіи на основаніи лучшихъ научныхъ сочиненій по этому предмету, не имѣющей себѣ образца ни въ отечественной, ни въ иностранной литературѣ. Эта книга, не чуждаясь заимство-ваній, есть тѣмъ не менѣе результатъ десятилѣтняго преподаванія авторомъ всеобщей исторіи не дѣтямъ, которымъ, по мнѣнию автора, доступны лишь біографіи,—но юношеству; эта книга — ре-зультатъ жизни автора и посильной оцѣнки имъ событий древняго міра и раньше его о нихъ высказанныхъ мнѣній.»

Оригинальность этого «опыта» удачно охарактеризована авто-

ромъ слѣдующими словами Лекки, поставленными эпиграфомъ къ «Исторіи»: «Исторія — не просто рядъ событій, только хронологически между собою связанныхъ, но сдѣлленіе причинъ и послѣдствій». Именно анализу этого «сдѣлленія» и посвящена «Исторія» барона Корфа. Эта «Исторія» была очень слабо замѣчена нашею педагогическою критикою; между тѣмъ она несомнѣнно заслуживаетъ большого вниманія, какъ трудъ, выдающійся, замѣчательный не въ одномъ только «методическомъ отношеніи»...

Но гдѣ-же и когда именно преподавалъ баронъ Корфъ исторію «юношеству» втѣченіи десяти лѣтъ? — Такой вопросъ неизбѣжно долженъ явиться у читателей. Да, въ нашемъ изложеніи есть невольный пробѣлъ. Слѣдя за барономъ Корфомъ, какъ выдающимся и разностороннимъ общественнымъ дѣятелемъ, мы не имѣли возможности касаться его семейной жизни, заслуживающей однако тѣмъ бѣльшаго вниманія, что она представляеть, можно сказать, одно неразрывное цѣлое съ общею его дѣятельностью на пользу всего русскаго учебнаго дѣла. Лишенный въ дѣтствѣ нѣжной материнской любви и ласки, баронъ Корфъ заполнилъ ими свою семью, своихъ дѣтей, и былъ идеально хорошимъ отцомъ и мужемъ. Онъ самъ руководилъ образованіемъ и воспитаніемъ своихъ дѣтей, т. е. двухъ дочерей. Первая учебная книга его («Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому методу») была составлена имъ для своихъ-же дѣтей и впослѣдствіи переработана и примѣнена имъ къ употребленію вообще въ школѣ и дома, т. е. къ обученію и дѣтей, и взрослыхъ. Лично занимаясь и во все послѣдующее время образованіемъ своихъ дѣтей, баронъ Корфъ со времени переѣзда на житѣе въ Женеву, когда старшей дочери его исполнилось уже 14 лѣтъ, основалъ тамъ свою домашнюю русскую семейную школу. Въ этой-то школѣ, вмѣстѣ съ другими преподавателями, баронъ Корфъ занимался и самъ, давая ежедневно уроки по разнымъ предметамъ, въ томъ числѣ и по всеобщей исторіи. Объ этой школѣ, просуществовавшей не менѣе семи лѣтъ, принято говорить, нивѣсть почему, что она, будто-бы, «не имѣла успѣха». Но о какомъ именно «успѣхѣ» идетъ рѣчь? Если въ образовательно-воспитательномъ отношеніи,—то смѣло можно сказать, что «успѣхъ» ея былъ полный и несомнѣнныи. Это безспорно была лучшая изъ школъ, когда-либо существовавшихъ, съ самою разумною программою преподаванія, самая свободная и независимая отъ предразсудковъ. О высокой разумности этой школы можно судить уже между прочимъ и по книгѣ барона Корфа «Исторія Востока, Греціи и Рима», исполненной глубокаго политического и философскаго смы-

сла, равно какъ и разумнаго практическаго значенія, въ смыслѣ очень яркаго и вѣрнаго освѣщенія настоящаго прошлою жизнью человѣчества. Несомнѣнно настанетъ время, когда лица, учившіяся въ «семейной русской школѣ барона Корфа» въ Женевѣ, будутъ вспоминать о ней съ еще большою благодарностью и признательностью, чѣмъ вспоминаль онъ самъ о школахъ въ семье Градовскаго и у Филиппова. Но несомнѣнно конечно и то, что въ *стяжательномъ* отношеніи семейная школа барона Корфа не выдерживала никакой критики и существовала едва-ли даже не въ убытокъ ея основателю, руководителю, первому и главному работнику. Но такова ужъ судьба барона Н. А. Корфа—этого энтузіаста и фанатика въ сфере общественной дѣятельности—что для него словно не существовало личныхъ его дѣлъ. Всегда и весь для другихъ, дѣятельно вращаясь въ сутолокѣ «міра сего», онъ, въ смыслѣ личныхъ интересовъ и выгодъ, былъ въ сущности человѣкомъ «не отъ міра сего». Поглощенный, увлеченный идеями и стремленіями высшаго порядка, вопросами и задачами общихъ пользы и нуждъ, онъ какъ-бы даже совершенно не замѣчалъ положенія и хода своихъ материальныхъ дѣлъ. Еще въ бытность въ Александровскомъ уѣздѣ, чрезмѣрное увлеченіе общественною дѣятельностью отразилось довольно чувствительнымъ разстройствомъ его дѣлъ по имѣнію. Но это нисколько не обезкуражило его и—какъ мы знаемъ уже—ни мало не измѣнило характера его дѣятельности и увлеченія разъ избраннымъ дѣломъ. Вѣря въ свои знанія и силы, онъ никогда не сомнѣвался въ возможности прожить честнымъ трудовымъ заработкомъ. Менѣе всего конечно интересовался онъ своею семейною школою съ точки зренія материальныхъ выгодъ. Онъ устроилъ ее съ цѣлью наилучшаго образования и воспитанія своихъ дочерей совмѣстно съ дѣтьми другихъ русскихъ семействъ, проживавшихъ заграницею. Въ этомъ отношеніи школа вполнѣ достигала своей цѣли,—и онъ былъ доволенъ. Какъ только по семейнымъ дѣламъ не представлялось болѣе надобности въ школѣ,—онъ ее закрылъ.

Время пребыванія барона Корфа заграницею было вмѣстѣ съ тѣмъ и временемъ очень дѣятельныхъ сношеній его съ западно-европейскими педагогами, которые знали его больше, чѣмъ кого-либо изъ русскихъ педагоговъ, и высоко цѣнили его педагогическое дарованіе. Во время пребыванія въ Женевѣ, баронъ Корфъ, какъ по своему общенію съ мѣстною педагогическою, ученую и вообще интеллигентною средою, такъ и по своей семейной школѣ, былъ настолько видною величиною, что женевская академія наукъ (*Institut*) избрала его своимъ почетнымъ членомъ.

IX.

Послѣдніе годы дѣятельности.

Труды барона Корфа въ Мариупольскомъ и Бердянскомъ уѣздахъ.—Возвращеніе изъ заграницы.—Провѣрка знаній взрослыхъ крестьянъ и воскресныя повторительныя школы.—Значеніе книги барона Корфа «Наши педагогическіе вопросы».—Херсонскій съездъ учителей и его особенности.—Неудача московской кандидатуры барона Корфа и вліяніе на него этой неудачи.—Смерть.

Какъ сказано уже выше, пребываніе барона Корфа заграницею не было безпрерывнымъ. Такъ напримѣръ, въ 1873 году онъ былъ вызванъ маріупольскимъ земствомъ, Екатеринославской губерніи, для руководства съездомъ народныхъ учителей. Воспользовавшись пребываніемъ его въ Россіи, бердянская уѣздная земская управа, Таврической губерніи, пригласила его обозрѣть ея школы и дать о нихъ свое заключеніе. Благодаря разумному, внимательному и участливому отношенію земской управы, эта педагогическая экскурсія принесла существенную пользу.

Барону Корфу пришлось осмотрѣть только 17 школъ въ этомъ уѣздѣ и произвести испытанія болѣе 900 учащихся. Но представители бердянской управы, сопутствовавшіе ему въ этой экскурсії, въ каждую изъ посѣщаемыхъ имъ школъ приглашали учителей изъ сосѣднихъ селъ. Въ ихъ присутствіи баронъ Корфъ давалъ образцовые уроки по тѣмъ именно предметамъ, которые въ ней оказывались слабыми. Въ заключеніе-же былъ представленъ подробный отчетъ земскому собранію, который былъ напечатанъ имъ и разосланъ по школамъ, въ видѣ мѣры воздействиа на учителей. Подъ вліяніемъ личнаго руководства барона Корфа и его отчета, въ Бердянскомъ уѣздѣ въ 1873 году были составлены двѣ инструкціи, направившія дѣло народнаго образованія на рациональный путь: одна инструкція—отъ мѣстнаго училищнаго совѣта—касалась порядка преподаванія, размѣра учебнаго курса, выбора руководствъ, — словомъ, собственно педагогической стороны дѣла; другая-же инструкція—отъ имени уѣздной земской управы—касалась времени начала и окончанія учебныхъ занятій, отношенія учителей къ мѣстному обществу и земству и разныхъ другихъ организаціонныхъ и хозяйственныхъ сторонъ школьнаго дѣла. Благодаря этимъ земскимъ мѣропріятіямъ, а тѣмъ болѣе — личному руководству барона Корфа, указаніямъ и совѣтамъ, преподаннымъ имъ въ

своемъ «Отчетѣ» земскому собранію, — народное образованіе въ Бердянскомъ уѣздѣ получило такое быстрое, энергическое и прочное развитіе, какимъ не можетъ похвалиться буквально никакая другая мѣстность въ Россіи, не исключая даже столичныхъ и наиболѣе богатыхъ провинціальныхъ городовъ. Въ 1880 году напримѣръ, т. е. черезъ семь лѣтъ послѣ посѣщенія барономъ Корфомъ, вполнѣ благоустроенныхъ русскихъ народныхъ школъ въ этомъ уѣздѣ было около 100, болѣе чѣмъ съ 7,500 учащихся; годичный расходъ земства на народное образованіе достигалъ 75 тысячъ рублей, не считая 10,000 рублей, издерживаемыхъ сельскими обществами, и 32,000 рублей, расходуемыхъ нѣмецкими колонистами на собственныя школы, во многихъ изъ которыхъ преподается и русскій языкъ. Къ этому нужно прибавить еще, что въ этомъ типично-крестьянскомъ уѣздномъ земствѣ, гдѣ совсѣмъ нѣть дворянства, сельское населеніе съ такою любовью и сочувствіемъ относится къ народной школѣ, что не считается обременительнымъ для себя единовременно расходовать отъ 3 до 5 тысячъ рублей на сооруженіе школьніхъ зданій.

Указывая на такой поразительный успѣхъ народного образованія въ Бердянскомъ уѣздѣ, необходимо добавить, что и борьба этого уѣзднаго земства съ крайне неумѣлою и безтактною мѣстною учебною администрациею также выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. И еслибы не эта борьба, успѣхи бердянского земства по народному образованію были-бы еще полнѣе и обширнѣе. Образцово обставивъ напримѣръ свои народныя школы въ материальномъ отношеніи, бердянское земство еще въ 1877 г. возбудило ходатайство объ обращеніи 23 одноклассныхъ земскихъ училищъ въ двухклассныя, съ предоставленіемъ имъ полнаго содержанія отъ земства.

Мы остановились на успѣхахъ школьнаго дѣла въ Бердянскомъ уѣздѣ потому, что этотъ фактъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ вопросу о заслугахъ барона Н. А. Корфа въ области народного образованія. Лицо, стоявшее въ то время во главѣ бердянского уѣзднаго земства, предсѣдатель управы А. П. Товбичъ, единственный крупный землевладѣлецъ въ уѣздѣ и человѣкъ высокопросвѣщенный, очень серьезно и искренно отнесся къ начинаніямъ барона Корфа въ Александровскомъ уѣздѣ. Почтенный Товбичъ однимъ изъ первыхъ вступилъ съ нимъ въ дѣятельную переписку. Результатомъ этихъ сношеній было то, что уже въ 1873 году, обозрѣвая школы Бердянского уѣзда, баронъ Корфъ могъ убѣдиться въ разумной и прочной постановкѣ народнаго образованія. Точно также и въ послѣдующей своей дѣятельности, не исключая даже и периода

борьбы, А. П. Товбичъ былъ стойко вѣренъ тѣмъ разумнымъ начальствомъ, которые онъ воспринялъ отъ барона Корфа и путемъ переписки съ нимъ, и посредствомъ личныхъ сношеній, и изъ его журнальныхъ статей. Въ этомъ именно и заключается тайна образцового успѣха бердянского земства въ области народнаго образования.

Вообще нужно замѣтить, что мимолетные, такъ сказать, труды барона Корфа въ Мариупольскомъ уѣздѣ, какъ руководителя съѣзда учителей, и въ Бердянскомъ, какъ обозрѣвателя школъ,—произвели большую сенсацію во всѣхъ земскихъ губерніяхъ. Польза отъ непосредственнаго воздействиія барона Корфа на народныхъ учителей была очевидна сама собою. Его глубокое знаніе быта народной школы и учителей позволяло ему быстро ориентироваться въ каждой новой мѣстности и отвѣтить на самыя животрепещущія школьнія нужды. Его горячность и любовь къ дѣлу, выдающаяся педагогическая даровитость — вдохновляли и увлекали учителей, пробуждали въ нихъ любовь и уваженіе къ своей скромной дѣятельности и заставляли ихъ дѣятельно работать надъ собственнымъ самоусовершенствованіемъ, тратя на это послѣднія свои средства. Въ хроникахъ земскаго школьнаго дѣла сотнями считаются факты, что учителя не только посредственные, но даже и слабые, недоучившіеся, подъ личнымъ вліяніемъ барона Корфа, дѣлали поразительные успѣхи, какъ въ отношеніи общаго образования, такъ и педагогической подготовки. Эти плохенькие, едва терпимые учителя, которымъ нехотя платили первоначально по 50—60 рублей въ годъ, такъ выдвигались впослѣдствіи успѣхами своихъ школъ, что достигали наивысшихъ окладовъ сельскихъ учителей, т. е. до 400 рублей въ годъ и болѣе. Нужно-ли говорить, чѣмъ былъ баронъ Корфъ для такихъ учителей и какъ безгранично признательна ихъ память о немъ?...

Подъ вліяніемъ примѣровъ маріупольскаго и бердянскаго земствъ, явилось, можно сказать, повсемѣстное желаніе заполучить барона Корфа или для ревизіи школъ, или для руководства учительскими съѣздами. Мы положительно затрудняемся назвать такую изъ земскихъ губерній, въ одномъ или нѣсколькихъ уѣздахъ которой не возбуждалось-бы вопроса о приглашеніи барона Корфа въ той или другой почетной педагогической роли. Можно съ увѣренностью сказать, что его ожидала совершенно своеобразная дѣятельность — роль кочующаго руководителя и контролера въ дѣлѣ народнаго образования въ Россіи. Примѣръ Бердянскаго уѣзда доказываетъ, какую громадную пользу могъ-бы принести баронъ Корфъ въ этой новой и очень важной роли на пользу всего государства.

Но обстоятельства однако помѣшали осуществиться этому благому дѣлу. Всльдъ за уставомъ 1874 года о народныхъ училищахъ были публикованы «Правила» министерства народнаго просвѣщенія объ учительскихъ курсахъ. Хотя «Правила» эти вовсе не отмѣняли существованія съѣздовъ, — которые, какъ увидимъ ниже, благополучно продолжались впослѣдствіи и продолжаются понынѣ, — но тѣмъ не менѣе одностороннее истолкованіе и примѣненіе мѣстною учебною администрациєю этихъ «Правилъ» повело къ тому, что, начиная съ 1874 года, съѣздовъ не стали разрѣшать, предлагая замѣнять ихъ курсами, тогда какъ функции тѣхъ и другихъ существенно различны между собою. До исхода 70-хъ годовъ всѣ попытки земства возстановить значеніе учительскихъ съѣздовъ въ прежнемъ видѣ, главное-же — имѣть руководителями съѣздовъ не народныхъ инспекторовъ и директоровъ, какъ мѣстныхъ администраторовъ школьнаго дѣла, а въ полномъ смыслѣ специалистовъ-педагоговъ, какъ баронъ Корфъ, Бунаковъ, баронъ Косинскій и другіе, — не имѣли никакого успѣха.

Всльдствіе этого именно барону Корфу пришлось временно быть оторваннымъ отъ непосредственнаго участія въ ходѣ народнаго образованія и воздѣйствовать на него изъ заграницы путемъ печати, — какъ это извѣстно уже читателямъ.

Бодрымъ, исполненнымъ того-же огня, который согрѣвалъ его раньше, возвратился баронъ Корфъ въ 1880 году изъ заграницы. Онъ не разочаровался въ своемъ увлеченіи дѣломъ народнаго образования, въ своемъ служеніи ему. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ между прочимъ вниманія слѣдующій фактъ. Выпуская седьмое изданіе своего «Руководства къ обученію грамотѣ», онъ посвятилъ его старшей дочери своей, Екатеринѣ Николаевнѣ, по мужу Бонтышъ, при слѣдующемъ характерномъ обращеніи къ ней:

«Дорогой другъ!

«Мы были уже друзьями въ то время, когда, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, я обучилъ тебя грамотѣ по этой книжѣ, въ то время еще не печатанной. Прими-же ее отъ меня теперь, когда у тебя уже есть сынъ, котораго дай Богъ тебѣ воспитать такъ, чтобы онъ, достигнувъ высшаго образованія, вопросъ о распространеніи грамотности въ народѣ всегда принималъ близко къ сердцу, не на словахъ, а на дѣлѣ.

«Авторъ».

При такомъ направленіи барона Корфа, нисколько не удивительно, что, едва успѣвъ возвратиться въ Россію, лѣтомъ-же 1880 года онъ предпринялъ совершенно новое и очень важное дѣло для народнаго образованія. Онъ задался вопросомъ: насколько

прочно образованіе, даваемое учащимся въ «новой земской школѣ», т. е. разумно организованной народной школѣ? Съ этою цѣлью онъ самъ лично произвелъ экзамены въ шести различныхъ селеніяхъ Мариупольскаго и Александровскаго уѣздовъ, Екатеринославской губерніи, 350 взрослымъ крестьянамъ изъ окончившихъ курсъ при первыхъ выпускахъ народныхъ школъ, т. е. около 14 лѣтъ тому назадъ. Довольно характерная подробность, что для производства этого испытанія конечно по доброй волѣ крестьянъ, барону Корфу пришлось просить разрѣшенія у начальства Екатеринославской губерніи, ссылаясь притомъ вовсе не на свою педагогическую известность и славную дѣятельность въ этой-же губерніи, а только на званіе «дѣйствительного члена екатеринославскаго губернскаго статистического комитета». Одновременно съ барономъ Корфомъ, по его просьбѣ и программѣ, произвела подобный-же опытъ известная дѣятельница по народному образованію, графиня П. С. Уварова, состоявшая съ барономъ Корфомъ въ давней и дѣятельной перепискѣ, въ рядѣ школъ Смоленской, Владимірской и Московской губерній. То-же было сдѣлано въ Таврической губерніи К. В. Ковалевскимъ, человѣкомъ образованнымъ, занимавшимъ постъ помощника предводителя дворянства. Всего въ пяти губерніяхъ было испытано около 500 взрослыхъ крестьянъ, учившихся лишь три зимы и затѣмъ вполнѣ предоставленныхъ себѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ даже безъ всякой помощи библіотекъ и какой-либо другой посторонней поддержки въ дѣлѣ образованія. На основаніи этихъ данныхъ, баронъ Корфъ пришелъ къ заключенію, что «ходячее мнѣніе о томъ, будто-бы наши школьніки весьма скоро вполнѣ разучиваются, должно замолкнуть навсегда, какъ несоответствующее дѣйствительности».

Конечно этотъ выводъ касается лишь разумно организованныхъ школъ, съ приючивающею постановкою обученія, возбуждающею къ самодѣятельности. Общимъ оказывается правило, что чѣмъ лучше ведется обученіе въ школѣ, чѣмъ болѣе она завлекаетъ учащихся, тѣмъ прочнѣе удерживаются ими сообщаемыя школою знанія даже въ деталяхъ. Тѣмъ не менѣе произведенная провѣрка воочію убѣдила барона Корфа въ невозможности ограничиться въ образованіи сельскаго населенія только тѣмъ, что можетъ дать постоянная народная школа въ три учебныя зимы. И онъ принялъ горячо ратовать въ печати за необходимость повсемѣстнаго учрежденія у насъ, въ Россіи, воскресныхъ повторительныхъ школъ, въ видахъ большаго углубленія и упроченія познаній, сообщаемыхъ регулярною народною школою, а также и нѣкотораго расширенія

ихъ, примѣнительно къ уровню развитія, возрасту учащихся и потребностямъ жизни.

Въ высшей степени остроумно и просто задумалъ баронъ Корфъ повторительныя свои школы. Для осуществленія ихъ необходимо пользоваться наличными народными школами въ селахъ, наличнымъ же педагогическимъ сельскимъ персоналомъ. На занятія въ повторительной школѣ полагается около трехъ часовъ по воскреснымъ днамъ, всего 20 воскресныхъ учебныхъ дней втечениіи зимы. Плата за занятія въ школѣ—по два рубля за учебный день, всего 40 рублей за весь зимній повторительный учебный курсъ, при крайне ограниченномъ расходѣ на учебныя пособія. Польза-же отъ этихъ школъ—громадная. Молодой человѣкъ, въ возрастѣ около 20-ти лѣтъ, пройдя повторительную школу, т. е. затративъ всего около 60 учебныхъ часовъ въ зиму, получаетъ увѣренность и устойчивость въ приобрѣтенныхъ имъ раньше знаніяхъ, навсегда уже овладѣеть ими, а главное—знанія эти получать совсѣмъ новое для него освѣщеніе, войдутъ въ стройную систему и тѣсную, органическую между собою связь, чего никакъ нельзя добиться въ томъ раннемъ возрастѣ, въ которомъ учащіе разстаются съ народною школою (т. е. около 10—12 лѣтъ). Тутъ уже является такое сознательное отношеніе къ дѣлу, какого не можетъ быть даже у самыхъ способныхъ и ретивыхъ школьніковъ въ раннюю пору, за недостаткомъ умственной и нравственной зрѣлости, трезваго пониманія условій и требованій жизни.

Имѣя обыкновеніе отъ слова переходить къ дѣлу, баронъ Корфъ устроилъ у себя на родинѣ двѣ воскресныя повторительныя школы для взрослыхъ. На основаніи ранѣе произведенныхъ испытаній лицъ, окончившихъ курсъ въ народной школѣ, и практики вновь открытыхъ имъ школъ, онъ выпустилъ дешевое (50 коп.), но очень остроумное руководство, подъ заглавіемъ: «Руководитель для воскресныхъ повторительныхъ школъ». Эта небольшая книжка обнимаетъ собою программы, конспекты, методическія указанія и домашнія работы для всѣхъ уроковъ втечениіи учебнаго года и по всѣмъ предметамъ. Оставаясь въ предѣлахъ программы народной школы, придерживаясь общепринятыхъ учебниковъ и руководствъ, баронъ Корфъ, съ глубокимъ знаніемъ дѣла, указываетъ въ своемъ «Руководителѣ» пути и средства къ полной переработкѣ всего учебнаго матеріала народной школы, во всѣхъ деталяхъ ея программы, придерживаясь при этомъ преимущественно синтетического, дедуктивнаго метода, вмѣсто аналитического, индуктивнаго метода, обязательного при первоначальномъ обученіи.

Нужно замѣтить, что горячая пропаганда барона Корфа въ пользу упроченія и освѣженія уровня элементарныхъ познаній взрослого крестьянскаго населенія на нѣсколько лѣтъ опередила подобную-же пропаганду въ скандинавскихъ государствахъ. Но тамъ это движение вскорѣ-же вылилось въ форму учрежденія даже особыхъ университетовъ для крестьянскаго юношества, такъ талантливо описанныхъ профессоромъ математики въ стокгольмскомъ университетѣ, С. Ковалевскою (нынѣ умершею), въ одномъ изъ нашихъ журналовъ. Швеція и Норвегія успѣла уже покрыться густою сѣтью этихъ университетовъ, въ которыхъ крестьянское юношество съ элементарною школьнью подготовкою, на порогѣ вступленія въ жизнь и перехода къ самостоятельной дѣятельности, освѣжаетъ и дополняетъ свои познанія. Эти университеты, не представляющіе никакихъ правъ, даютъ своимъ питомцамъ такую обширную подготовку въ области наукъ гуманитарныхъ, политическихъ и общественныхъ, какою не могутъ похвалиться даже молодые люди, оканчивающіе курсъ въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Швеція и Норвегія вполнѣ справедливо гордятся своими крестьянскими университетами и достигаемыми ими поразительно благопріятными результатами въ практической жизни. Прочно, широко-образованное крестьянство (скандинавскія государства, какъ известно, преимущественно крестьянскія страны, какъ и Россія) оказывается самымъ надежнымъ насадителемъ и блюстителемъ всяческаго порядка, благоустройства въ жизни и всесторонняго культурнаго преуспѣянія. При этомъ съ несомнѣнною ясностью опредѣлился глубоко назидательный для настѣ, русскихъ, фактъ. Чѣмъ ширѣ и глубже образованіе новыхъ и новыхъ крестьянскихъ поколѣній, проходящихъ черезъ специальные университеты для нихъ, тѣмъ крѣпче держатся они земли. Обладая вполнѣ развитымъ и прочно установленнымъ человѣческимъ сознаніемъ и достоинствомъ, крестьянство съ университетской подготовкой гордится своею трудовою независимостью и ведеть сельское хозяйство съ безпримѣрною производительностью, обеспечивая себѣ вполнѣличное культурное существованіе при такихъ скромныхъ размѣрахъ хозяйства, при которыхъ въ другихъ странахъ терпятъ нерѣдко большія лишенія и даже голодъ.

Короче говоря, Швеція и Норвегія внесли своими крестьянскими университетами новое слово не только въ исторію мірового народнаго образованія, но даже и въ исторію культуры человѣчества. Они нашли ключъ, разгадку къ обезпеченію прочнаго, мирнаго, прогрессивнаго развитія и систематического материальнаго улучше-

нія массы населенія путемъ жизненной ея самодѣятельности. Въ виду этого, все прошлое скандинавскихъ крестьянскихъ университетовъ есть безпрерывное развитіе и усовершенствованіе ихъ, при энергическомъ содѣйствіи правительства, мѣстныхъ общинъ и частныхъ лицъ. Скандинавцы давно убѣдились уже воочію, что такого рода дѣятельностью они завоевываютъ себѣ самое завидное, славное и прочное будущее, какъ образованнѣйшій народъ, занимающій самое почетное мѣсто по уровню народнаго благосостоянія, культуры и цивилизованности, быстро и безпрепятственно распространяющихся до самыхъ отдаленныхъ провинціальныхъ глубинъ. Эти-же послѣднія достигли уже того высокаго умственнаго и нравственнаго роста, что въ нихъ совершенно не можетъ быть того, что называется «провинціальною глушью», «дикостью», «отсталостью» и «косностью» сельскаго населенія, въ какихъ-бы окраинныхъ дебряхъ оно ни обитало.

Къ этой именно великой и благой цѣли стремился и баронъ Н. А. Корфъ въ своей пропагандѣ повторительныхъ школъ, въ видахъ освѣженія, упроченія и иѣкотораго пополненія знаній взрослаго населенія, прошедшаго уже народную школу или дома подучившагося грамотѣ и кое-чemu изъ предметовъ элементарнаго курса. Но у насть, къ несчастью, столь необходимое дополненіе къ курсу народной школы все еще остается, можно сказать, въ области мечты, желаній и ожиданій, если не считать иѣсколькихъ единичныхъ повторительныхъ школъ, остающихся какъ-бы въ видѣ памятника творческой самодѣятельности барона Н. А. Корфа на поприщѣ народнаго образованія.

Ратуя въ печати за повторительныя воскресныя школы («Воскресная школа», «Повторительныя школы для учащихся» и «Образовательный уровень взрослыхъ грамотныхъ крестьянъ»), баронъ Корфъ еще разъ выступилъ съ горячими статьями въ пользу обязательнаго обученія грамотѣ всего подростающаго поколѣнія, при помощи домашнихъ крестьянскихъ школокъ грамоты, но съ принятіемъ однако мѣръ, чтобы эта маленькая ступенька первоначального обучения не сходила *на нѣтъ*, не обращалась-бы въ рецидивъ безграмотности. Указанныя его статьи, напечатанныя въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, вмѣстѣ со статьями, появившимися въ свѣтъ во время пребыванія заграницею, а также и иѣкоторыми позднѣйшими,—составили книгу «Наши педагогические воопросы», которой было уже упомянуто выше. Эта книга съ одной стороны заключаетъ въ себѣ дѣльный разборъ указанныхъ уже выше одностороннихъ увлеченій учебной администраціи, которая такъ или иначе

тормозили правильное развитие дела народного образования и болѣе или менѣе мѣшалициальному прогрессивному его росту, соответственно запросу времени и стремлениюмъ мѣстнаго общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой книгѣ имѣются драгоценные совѣты и указанія, въ какомъ направленіи должна развиваться дѣятельность общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, чтобы наконецъ мы могли добиться поголовной грамотности всего подростающаго школьнаго населенія, разумной постановки народной школы и мало-мальски сносныхъ познаній въ средѣ взрослого сельскаго населенія. «Наши педагогические вопросы», вышедшіе въ свѣтъ въ 1882 году, въ связи съ двумя другими, извѣстными уже намъ, книгами: «Русская начальная школа» и «Наше школьнное дѣло»,—обнимаютъ собою всю исторію русской народной школы, со всѣми ея свѣтлыми и мрачными, положительными и отрицательными сторонами, съ самаго первого момента зарожденія разумной и регулярной народной школы, т. е. на протяженіи 17-ти первыхъ лѣтъ жизни ея на русской почвѣ. Если къ этому прибавить еще и нѣкоторыя его брошюры, можно безъ преувеличенія сказать, что одинъ баронъ Корфъ сдѣлалъ на пользу разъясненія потребностей и нуждъ русского народного образования, бытовыхъ его обстоятельствъ и условій и отношенія къ нему законодательства—несравненно больше, чѣмъ было сдѣлано съ этою цѣлью въ указанный періодъ во всей русской печати. Онъ одинъ вель это дѣло мужественно, стойко, наперекоръ всевозможнымъ невзгодамъ, съ непоколебимою вѣрою въ его успѣхъ.

И успѣхъ былъ несомнѣнныи. Баронъ Корфъ высоко держалъ знамя народного образования; голосъ его раздавался на всю Россію—и дѣло народного образования неуклонно развивалось во всевозможныхъ направленіяхъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ замѣтно даже ослабѣли тѣ препятствія, съ которыми приходилось бороться на мѣстахъ въ этомъ отношеніи. Такъ, въ 1881 году, послѣ долгаго перерыва, былъ разрѣшенъ съѣздъ земскихъ народныхъ учителей Херсонской губерніи, который и состоялся въ іюлѣ того-же года, подъ руководствомъ барона Н. А. Корфа, въ Херсонѣ. Это былъ не просто учительскій съѣздъ, но, какъ справедливо назвали его въ свое время, «праздникъ тружениковъ народного образования». Съѣздъ этотъ своевременно былъ описанъ барономъ Корфомъ въ «Русской Мысли». Эта статья, даже въ болѣе полномъ видѣ, вошла затѣмъ въ «Наши педагогические вопросы».

Херсонская губернская земская управа пригласила на съѣздъ только 70 лицъ; но имя барона Корфа привлекло къ участію въ съѣздѣ до 250 учителей и учительницъ, въ томъ числѣ изъ шести

слѣдующихъ губерній: Черниговской, Полтавской, Харьковской, Таврической, Подольской и Бессарабской. Наплывъ посторонней публики былъ такъ великъ, что ее допускали на съѣздъ только по билетамъ. Дѣятельность съѣзда отличалась замѣчательною производительностью, какъ въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, обратившись къ описанію барона Корфа. Два часа въ день посвящалось ежедневно на образцовые уроки, даваемые учителями и учительницами; одинъ часъ—на лекцію барона Корфа, какъ руководителя курсовъ, объ антропологическихъ основаніяхъ, указываемыхъ на съѣздѣ приемовъ обученія; одинъ часъ ежедневно удѣлялся обсужденію вопросовъ, поставленныхъ на очередь членами и руководителемъ. Пренія по поводу образцовыхъ уроковъ происходили вслѣдъ за окончаніемъ ихъ.

Этотъ съѣздъ народныхъ учителей, помимо его многолюдства и замѣчательной дѣловитости, имѣлъ еще слѣдующую очень характерную и важную особенность. Согласно программѣ, представленной барономъ Корфомъ, министръ народного просвѣщенія разрѣшилъ, независимо отъ дневныхъ, дѣловыхъ, занятій съѣзда, еще и вечернія собранія членовъ его, съ цѣлью развлечениія. На эти собранія постороннія лица не допускались. Начинались они съ $6\frac{1}{2}$ часовъ вечера, съ чтенія протоколовъ, и затѣмъ превращались въ литературно-музыкальные и танцевальные вечера, продолжавшіеся до 9 час. вечера. Почетными посѣтителями были представители губернскай земской управы, мѣстные директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ. Это разумное, находчивое отступленіе отъ общаго шаблона съѣздовъ придало херсонскому съѣзду такое оживленіе, простоту и задушевность, какими не можетъ похвалиться никакой другой съѣздъ.

Изъ постановленій съѣзда заслуживаетъ особенного вниманія ходатайство его «о созывѣ кратковременныхъ periodическихъ съѣздовъ учителей и учительницъ, для обсужденія нуждъ школы и учителя». У насъ къ сожалѣнію до сихъ поръ еще крайне не развиты съѣзды учителей; но вотъ какъ это дѣло было поставлено въ Пруссіи еще двадцать лѣтъ тому назадъ. Извѣстный нѣмецкій педагогъ Любенъ въ своемъ «Педагогическомъ Ежегодникѣ» между прочимъ говорить въ 1871 году по поводу съѣздовъ:

«Существующая организація, въ силу которой учителя каждого прихода съѣзжаются ежемѣсячно, учителя каждого округа—всякіе три мѣсяца, и учителя болѣе обширнаго округа (уѣзда), въ который соединены отдѣльные округа, собираются разъ въ годъ для того, чтобы взвѣсить существенныя условія быта народной школы съ различнѣйшихъ сторонъ и споспѣшствовать отправленію обя-

занностей ихъ профессіи, — вездѣ оказалась достигающей цѣли. Нельзя также не признать цѣлесообразнымъ и плодотворнымъ самаго хода учительскихъ съѣздовъ, на которыхъ даются и обсуждаются пробные уроки, читаются лекціи и рефераты, гдѣ упражняются въ хоровомъ пѣніи и докладываютъ правительственные сообщенія. Такое внутреннее устройство учительскихъ съѣздовъ во всякомъ случаѣ можетъ обновлять и дополнять свѣдѣнія членовъ съѣздовъ, содѣйствовать къ установленію въ средѣ ихъ болѣе правильной и широкой точки зрѣнія на вѣренную имъ важную дѣятельность, способно довести учителей отъ знанія до умѣнія и сдѣлать послѣднее плодотворнѣс.»

Къ этому считаемъ необходимымъ еще добавить, что учебная администрація не только считаетъ «долгомъ» созывъ съѣздовъ, но и «настаиваетъ», чтобы въ протоколахъ съѣздовъ точно обозначалось, на какомъ именно основаніи кто-либо изъ учителей не присутствовалъ на съѣздѣ, и представилъ-ли отсутствующій «законныя» и «уважительныя объясненія».

Въ виду указанныхъ размѣровъ и значенія трудовъ и заслугъ барона Н. А. Корфа, невольно является вопросъ: какимъ образомъ такой крупный, выдающійся и даровитый общественный дѣятель могъ оставаться не у дѣлъ? Мы не говоримъ о казенной службѣ, для которой баронъ Корфъ былъ слишкомъ независимъ; но вѣдь въ большихъ городахъ, особенно-же такихъ крупныхъ, какъ Петербургъ и Москва, есть общественные должности для завѣдыванія и руководства дѣломъ народнаго образованія. Казалось-бы, кому же, какъ не барону Корфу, быть руководителемъ въ той или другой столицѣ? Этотъ вопросъ, такъ сказать, самъ собою всталъ на очередь въ глазахъ всей интеллигентной публики послѣ появленія въ юльской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1882 годъ блестящей статьи барона Корфа, подъ заглавиемъ: «Петербургскія и Московскія начальныя училища». Около этого-же времени умеръ известный педагогъ П. Е. Басистовъ, состоявшій при московской городской управѣ завѣдывавшимъ мѣстными народными училищами. Общественное мнѣніе сразу указало на барона Корфа, и бывшій въ то время городскимъ головою, Б. Чичеринъ, предложилъ барону Корфу баллотироваться на открывшуюся вакансію. Но лишь только стало известно объ официальной кандидатурѣ барона Корфа, — двѣ газеты: «Московскія Вѣдомости» и «Новое Время» предприняли противъ барона Корфа невообразимую травлю, такую злостную и разнузданную, какой рѣшительно никогда не выпадало въ печати на долю кого-бы то ни было изъ общественныхъ дѣятелей. По адресу ни въ чёмъ неповинного барона Корфа посыпались со страницъ этихъ газетъ отборныя, совершенно несправедливыя инси-

нуациі и брань, вродъ слѣдующихъ: «безбожникъ», «врагъ духо-венства», «утилитаристъ», «нѣмецъ», «пришелецъ», «представитель нѣмецкой педагогії», «матеріалистъ», «помѣщикъ, а не педагогъ», «неблагонадежный человѣкъ», «противникъ Закона Божія» и проч., все въ этомъ-же родѣ. Мало того: газетные борзописцы ко-пались въ частной, семейной жизни барона Корфа, высчитывали источники его доходовъ, размѣры его литературного заработка, годичный его бюджетъ — и все перевирали неслыханнымъ образомъ. Эта безсовѣстная газетная травля, изъ личной мести, производила однако впечатлѣніе на московскихъ гласныхъ, вызывая въ нихъ недоумѣніе, колебаніе, споры. Въ виду этого, баронъ Корфъ, вызванный уже въ Москву для баллотировки, письмомъ на имя городского головы, отказался отъ баллотировки — «чтобы не вносить разлада въ московское городское общество». Съ своей стороны московскій городской голова, въ письмахъ отъ 18 и 27 октября 1882 года, выразилъ «искреннее сожалѣніе по поводу оборота, который принялъ дѣло», и сътвованіе, что «не пришлось дѣйствовать вмѣстѣ».

Какіе-же однако «личные счеты могли быть у газетъ, такъ неистово напавшихъ на барона Корфа по поводу его кандидатуры? Обѣ газеты, московская и петербургская, принадлежать къ тому немногочисленному количеству изданій, въ которыхъ не появилось ни одной печатной строчки барона Корфа за все время его необычайно плодовитой журнальной дѣятельности, хватавшей на десятокъ другихъ повременныхъ изданій иного разбора. Имѣющаяся-же въ нашемъ распоряженіи переписка проливаетъ особенно яркій свѣтъ на эту небывало злостную и злокачественную газетную травлю, на это безцеремоннѣйшее смѣшиваніе съ грязью человѣка высоко-безупречной репутациіи и самоотверженной общественной дѣятельности. Оказывается напримѣръ, что московская газета, такъ безславившая барона Корфа въ 1882 году, лѣтъ 20 тому назадъ первая объявила всей Россіи о славной дѣятельности барона Корфа и справедливо превознесла превосходныя его личныя качества и дарованія. Издатель-же петербургской газеты еще въ 1868 году, не имѣя въ то время своей газеты, но предпринявъ другое повременное изданіе, продолжающее существовать и по-нынѣ, писалъ самыя льстивыя письма барону Корфу, чтобы заручиться его сотрудничествомъ, и до небесъ превозносилъ его, какъ замѣчательного и достойнѣйшаго изъ русскихъ общественныхъ дѣятелей. Наконецъ то самое лицо (Дьяковъ), которое такъ безцеремонно поносило барона Корфа въ петербургской газетѣ и такъ дерзко

предательски копалось въ интимной домашней, семейной его жизни, чрезвычайно много было обязано ему.

Такое удивительное стеченье обстоятельствъ еще болѣе усилило и обострило для барона Корфа горечь неудачи въ Москвѣ и конечно же увеличило и безъ того тяжелый гнетъ «желчныхъ камней», оставленныхъ ему александровскими землевладѣльцами на память о совмѣстной съ ними дѣятельности. Теперь, какъ и въ пору забаллотировки на александровскомъ съѣздѣ землевладѣльцевъ, барону Корфу оставалось утѣшиться тѣмъ сочувствіемъ, которое проявляла къ нему вся благоразумная часть печати и общества. Впрочемъ на этотъ разъ барону Корфу дано было и публичное удовлетвореніе. Въ засѣданіи московской думы 26 октября 1882 года было прочитано письмо извѣстнаго русскаго общественнаго дѣятеля, А. И. Кошелева, въ которомъ между прочимъ говорится:

«Зная барона Корфа лично, зналъ его изданія и сочиненія, я остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи, что онъ—человѣкъ, отмѣнно благонамѣренный, горячо преданный дѣлу народнаго образованія, много для него потрудившійся, строго нравственный, истинно земскій и искренній православный христіанинъ.»

Самъ-же баронъ Корфъ, печатно отвѣчая на инсіиуаціи и клевету по его адресу, между прочимъ говорить въ заключеніи своей спокойной статьи, написанной по обыкновенію съ большимъ тактомъ и достоинствомъ:

«Я всегда былъ и всегда останусь на сторонѣ религіозно-нравственной развивающей школы, такъ какъ желаю людей, *сознательно* преданныхъ учению Христову, *сознательно* относящихся къ себѣ самимъ, своему ближнему и къ Божьему миру и *сознательно* любящихъ Христа, благословившаго дѣтей, не какъ жертву тьмы, а какъ мысль съ безбрежной широтой, которой принадлежитъ будущее и по сравненію съ которою мы, люди, уже пожившіе или отживающіе, представляемъ лишь ограниченное дѣло. Если вы любите школы, то любите молодежь: это—будущее Россіи.»

Московскій эпизодъ, въ виду указанныхъ условій безчинства двухъ газетъ, былъ безъ сомнѣнія очень тяжелъ для барона Корфа. Но, по наружному виду, по ходу дѣятельности, не замѣтно было никакой перемѣны. Въ 1883 году дѣятельность его отличалась та-
кой-же энергией и разнообразіемъ, какъ и въ предшествовавшіе годы. Въ этомъ году, отвѣчая на текущую сельскохозяйственную злобу всего юга Россіи, онъ выпустилъ въ свѣтъ «чтеніе для народа», подъ заглавиемъ «Хлѣбный Жукъ» (кузька). Эта маленькая 10-ти копѣчная брошюрка, написанная съ большимъ знаніемъ дѣла и замѣчательною ясностью, общепонятно, можетъ служить образ-

цомъ—какими должны быть чтенія для народа. Въ іюнѣ 1883 года онъ руководилъ учительскимъ съѣздомъ въ Бердянскомъ уѣздѣ съ тѣмъ-же жаромъ, увлеченіемъ и вниманіемъ къ учителямъ, какъ и въ Херсонѣ. Въ сентябрѣ того-же года онъ былъ избранъ почетнымъ попечителемъ «Гнѣдинскаго ремесленнаго училища», основаннаго извѣстнымъ уже намъ Т. Гнѣдінимъ въ своемъ имѣніи, на собственныя средства. Барону Н. А. Корфу пришлось много поработать первомъ, помогая учредителю училища въ борьбѣ съ самыми невѣроятными препятствіями, затянувшими открытие этого заведенія на 14-ть лѣтъ, тогда какъ на одну постройку училищнаго зданія было затрачено уже учредителемъ его около 35 тысячъ рублей. Бодрымъ, оживленнымъ присутствовалъ баронъ Корфъ на торжествѣ открытия училища. Блестящая рѣчь, сказанная имъ при этомъ, полна надеждами на лучшее будущее, дышетъ юношескимъ увлеченіемъ и огнемъ. Но это было, можно сказать, послѣднею вспышкою угасавшей уже энергической его натуры. 13-го ноября 1883 года онъ умеръ тамъ-же, гдѣ и родился, т. е. въ Харьковѣ, на рукахъ любимой супруги, «отъ окончательнаго истощенія жизненныхъ силъ»,—какъ опредѣлили врачи причину его смерти. 15-го ноября состоялось погребеніе, при громадномъ стеченіи высшей и низшей учащей и учащейся братіи, торжественно воздавшей послѣдній долгъ почившему славному подвижнику на почищеѣ общественной дѣятельности вообще и народнаго образованія въ особенности.

X.

З а к л ю ч е н і е.

И по характеру, и по условіямъ дѣятельности баронъ Н. А. Корфъ занимаетъ совершенно уединенное положеніе въ ряду всѣхъ другихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей. Онъ представляетъ со-бою глубоко поучительный примѣръ, какъ надо понимать нравствен-ные обязанности привилегированныхъ людей въ отношеніи *трудово-го населенія*, какъ много можетъ сдѣлать человѣкъ на пользу общую однимъ личнымъ своимъ починомъ и самодѣятельностью, если онъ вооруженъ, какъ слѣдуетъ, образованіемъ, если онъ стоитъ на высотѣ пониманія долга, чести, обязанностей и правъ, если онъ вѣренъ своему призванію и стремленію.

На людей, какъ лично знавшихъ барона Корфа, такъ и знакомыхъ съ нимъ по результатамъ его дѣятельности, онъ производить впечатлѣніе очень сложной натуры. Дѣйствительно, въ немъ мы видимъ замѣчательно типично-выраженную живость, подвижность и впечатлительность французской натуры, въ соединеніи съ чисто нѣмецкою точностью, исполнительностью и методичностью въ работе, съ придачею притомъ чистокровной англійской настойчивости, твердости характера, непоколебимости. Это результатъ того обширнаго, разносторонняго образованія, которое баронъ Корфъ во всю свою жизнь дѣятельно почерпалъ непосредственно изъ литературъ трехъ названныхъ культурнѣйшихъ народовъ. Это однако не помѣшало ему быть русскимъ до мозга костей, но только—русскимъ въ лучшемъ, культурномъ смыслѣ слова, т. е. передовымъ русскимъ человѣкомъ, руководителемъ и борцомъ.

Мало сказать о баронѣ Корфѣ, что онъ былъ «истинно земскимъ» человѣкомъ: какъ человѣкъ, широко образованный, глубоко понимавшій общественные и государственные пользы и нужды,— онъ былъ народникомъ самой «чистой воды» и «высокой пробы». Баринъ по привычкамъ и воспитанію, человѣкъ утонченнѣйшихъ изящныхъ манеръ и вкуса, онъ не только посвятилъ всю свою жизнь заботамъ и думамъ о мужикѣ, мужицкомъ житьѣ-бытьѣ, мужицкихъ интересахъ, но и большую часть своей славной 17-ти-лѣтней общественной дѣятельности провелъ непосредственно въ крестьянской средѣ, въ прямомъ общеніи съ подростающимъ и взрослымъ крестьянствомъ, неустанно работая на пользу умственного и нравственного освобожденія его. Въ книгѣ своей «Наши школьные вопросы», въ статьѣ «Образовательный уровень взрослыхъ грамотныхъ крестьянъ», онъ между прочимъ приводить слѣдующее стихотвореніе «Родина», принадлежащее 23-хъ-лѣтнему крестьянину Московской губерніи:

«Вся полна суровости
Жизнь въ тебѣ, родной!
Дышетъ все глубокою
Скорбью и тоской:
Воетъ непогодушка,
Стонетъ темный лѣсъ,
Рѣдко грѣетъ солнышко
Съ сумрачныхъ небесъ.
Въ воздухѣ туманная
Ходятъ облака;
Спитъ, морозомъ скована,
Быстрая рѣка.

Часто ночь безъ мѣсяца,
Тусклый, сѣрий день,
Жалкія, печальные
Хаты деревень.
Жметъ морозомъ, холодно...
Стынетъ кровь въ груди...
Ждетъ-ли тебя, родина,
Счастье впереди?..
Заблестѣтъ-ли солнышко
Съ выси голубой?
И пройдетъ-ли ноченька
Съ тьмою вѣковой?!»

Отъ этой-то «тьмы вѣковой» и усиливался избавить баронъ Корфъ свою «родину» и родной народъ, работая на ихъ пользу безкорыстно, съ самозабвеніемъ, съ необычайнымъ патріотическимъ увлеченіемъ. Общественная дѣятельность барона Корфа, считая со времени освобожденія крестьянъ, продолжалась около 20-ти лѣтъ; но спѣциальное, безпрерывное его служеніе дѣлу народнаго образованія продолжалось лишь около 17-ти лѣтъ, въ томъ числѣ только пять лѣтъ въ роли непосредственнаго земскаго дѣятеля; остальная же 12-ть—оставаясь не у дѣлъ, но тѣмъ не менѣе всегда заваленный спѣшнымъ дѣломъ,—всегда съ волненіемъ, заботами и думами изъ за великаго и насущнаго государственного дѣла—народнаго образованія; всегда наконецъ съ массою крупныхъ и мелкихъ непріятностей изъ за этого же дорогого, поистинѣ беззवѣтно любимаго имъ дѣла. Въ этотъ-то 17-ти-лѣтній промежутокъ времени изъ подъ пера барона Корфа вышло: *восемь* разнаго рода учебныхъ пособій и руководствъ по начальному обученію, считая въ томъ числѣ и классическую въ своемъ родѣ книгу для народной сельской школы—«Нашъ Другъ»; *шесть* брошюръ и книгъ, имѣющихъ серьезное общественное значеніе въ школьнномъ отношеніи. Сюда не входятъ еще «Посмертныя Записки» барона Корфа и довольно значительный рядъ его статей, не имѣющихъ непосредственного отношенія къ народному образованію и поэтому не вошедшихъ въ 14-ть его изданій, указанныхъ нами и охарактеризованныхъ выше.

Уже сама по себѣ эта литературная дѣятельность поражаетъ своими размѣрами. Къ этому нужно прибавить еще очень большой, сложный и разнообразный трудъ, который выпадалъ на долю барона Корфа при непосредственномъ его участіи въ дѣлѣ народнаго образованія то въ качествѣ народнаго учителя, то въ роли экзаминатора и ревизора, то въ роли туриста-обозрѣвателя разнаго рода школъ, то въ роли руководителя учительскихъ съездовъ и проч. Нужно слишкомъ любить дѣло, быть слишкомъ преданнымъ ему, чтобы проявить такую изумительную дѣятельность, оставаясь притомъ въ роли частнаго лица. Какъ говорить самъ баронъ Корфъ въ своихъ «Запискахъ», онъ остался до конца дней своихъ съ тѣмъ-же «чиномъ титуллярнаго совѣтника», съ какимъ былъ выпущенъ изъ лицея; товарищи-же его по лицѣо достигли за это время высокихъ іерархическихъ степеней, большихъ чиновъ и наградъ. За то онъ создалъ большое и бессмертное въ государственномъ отношеніи дѣло—разумную русскую народную школу и блестяще вписалъ свое имя на страницахъ нашего народнаго образо-

ванія—на вѣчныя времена. Но къ несчастью, по обстоятельствамъ и условіямъ, при которыхъ выпало барону Корфу работать, мало было только любви и преданности къ дѣлу народнаго образованія, а нужно было еще безпрерывно болѣть и горѣть душою за это дѣло, безъ устали бороться и бороться за него то съ тьмою захолустнаго невѣжества, то съ разнаго рода противодѣйствіями. Это былъ человѣкъ, отмѣченный яркою, пламенною искрою *Божескаго огня*, который могъ-бы совершить великия и славныя дѣла на пользу человѣчества, далеко по-шире той сферы, въ которой суждено было ему работать. Но, къ несчастью, тѣ крайне ненормальные условія, въ которыхъ и при которыхъ ему довелось все время работать, преждевременно привели его къ полному «истощенію жизненныхъ силъ», — къ смерти всего лишь на 50-мъ году отъ рожденія, несмотря даже на строгій и умѣренный образъ жизни. Смерть эту, съ полной справедливостью, можно назвать *сиротствомъ* русской народной школы, какъ это удачно выражено въ слѣдующей рѣчи, произнесенной одною изъ учительницъ народной школы на кладбищѣ, при погребеніи Н. А. Корфа:

«Велика та скорбь, которую вносить въ семью смерть любимаго человѣка! Но бываетъ смерть, которая разливаетъ скорбь, переходящую за предѣлы семьи и охватывающую всѣхъ, кто былъ знакомъ съ нравственнымъ обликомъ покойнаго, на комъ дѣятельность его отразилась лучемъ свѣта и тепла. Такую скорбь вносить въ душу нашу смерть Николая Александровича. Создатель и оберегатель новой русской народной школы, онъ всю жизнь посвятилъ ей; и всякий, кто сочувствовалъ дѣлу народнаго образованія, находилъ въ немъ нравственную поддержку, дружескій совѣтъ, слово ободренія.

«Полный любви къ людямъ и вѣры въ лучшее будущее, онъ согрѣвалъ этою любовью, вносилъ эту вѣру въ сердца всѣхъ, кому приходилось встрѣчаться съ нимъ. И мы, собравшіяся здѣсь учительницы народной школы,—мы, которыхъ онъ считалъ своими друзьями, какъ считалъ своимъ другомъ каждого, кто работалъ съ нимъ на одномъ поприщѣ, мы не можемъ не вспоминать при этомъ послѣднемъ, нерадостномъ свиданіи нашемъ, какимъ любящимъ наставникомъ и другомъ онъ былъ для насъ при каждомъ свиданіи, какъ умѣлъ пробуждать новые силы на дальнѣйшій трудъ. И на нашу-же долю выпало горькое утѣшеніе привѣтствовать его въ послѣдній разъ среди нашего кружка, проводить его въ послѣдній далекій путь, съ котораго онъ уже не вернется къ намъ, не скажетъ намъ своего дружескаго, ободряющаго слова. Но, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, онъ оставилъ намъ свое завѣщеніе—высоко держать знамя народнаго образованія,—знамя, на которомъ начертано: *любовь къ людямъ, труду и вѣра въ благотворные результаты этого святого труда*. Завѣщеніе не длинное, но полное глубокаго смысла, и мы сохранимъ этотъ завѣтъ! Прощай-же, дорогой учитель нашъ, учитель русского народа! За свѣтъ, который ты вно-

силь въ нашу жизнь, пусть память твоя будетъ окружена ореоломъ свѣта до тѣхъ поръ, пока существуетъ народная школа, пока любовь къ людямъ и вѣра въ добро и правду будутъ находить отголосокъ въ нашихъ сердцахъ.»

Какъ велико значеніе потери въ лицѣ барона Н. А. Корфа, «оберегателя» русской народной школы, — это мы продолжаемъ чувствовать до настоящаго времени... Пока былъ живъ баронъ Корфъ, — несравненно чище, яснѣе была самая идея народного образованія, выше было общественное вниманіе къ нему и несравненно энергичнѣе самый ходъ дѣятельности. Именно со времени смерти этого великаго, беззримѣрно энергического общественного работника и ведутъ свое начало тѣ кривотолки и извращенія въ области народного образованія, на которыхъ указано въ началѣ этого очерка, и за которыхъ въ пору дѣятельности барона Корфа прямо-таки *краснѣли*, стыдясь даже высказывать ихъ вслухъ, а тѣмъ болѣе — въ печатной формѣ. Сильно-же, значитъ, должно было засориться наше общественное сознаніе со времени смерти барона Н. А. Корфа, если дерзость доходитъ даже до того, что въ печатной формѣ возводится чуть не въ идеаль та самая «самобытная» народная русская школа, ради избавленія Россіи отъ которой баронъ Корфъ работалъ съ такимъ самозабвеніемъ и самоотверженіемъ.

ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продаются во всехъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ во книжномъ магазинѣ И. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер., № 2).

Для дѣтей и юношества.

ДВА ПРОКАЗНИКА. Шуточный разсказъ въ стихахъ. В. Буша. Переводъ съ 25 нѣмецк. издания. Около 100 рис. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к., въ пер. 1 р. 25 к.
ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСТЬ! Дѣтскіе разск. А. Лякида. Съ рисунками. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ переплѣтѣ 1 р. 25 к.
РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ. А. Бринчининова. Съ предисловіемъ Тургенева и 50 рисунками. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 50 к., въ переплѣтѣ 3 р.
ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ. Е. Конради. Съ 58 рис. Ц. 2 р., въ переплѣтѣ 2 р. 75 к.
ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ. И. Засодимскаго. Два тома съ 136 рис., цѣна кажд. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплѣтѣ 2 р.
ХОРОШИЕ ЛЮДИ. В. Острогорскаго. 45 рис. 2 изд. Въ папкѣ 1 р., въ пер. 1 р. 75 к.
ИЗЪ ЖИЗНІ ИСТОРИИ. А. Арсеньева. Съ рис., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
ПОСЛУШАЕМЪ! Разск. А. Нольде. 28 рис. Въ папкѣ 1 р., въ пер. 1 р. 50 к.
ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ. И. Азбелевы. Съ 16 рис. Ц. 20 к.
НАГЛІДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) Ф. Павленкова. 200 рисунковъ на 10 листахъ. Ц. 1 р. „Объясненіе“ къ нимъ 5 к.
ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА. В. Обреимова. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. и 39 кастетами. Ц. 1 р.
МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ. 50 теоремъ, доказывающихъ, что $2 \times 2 = 5$, часть больше своего цѣлаго, и пр. Составилъ В. Обреимовъ. 2-е изд. Ц. 40 к.
СКРЫ БОЙКИ. Біографическіе очерки А. Островинской. Ц. 1 р. 25 к.
20 БІОГРАФІЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС. ПИСАТЕЛЕЙ. Составилъ В. Острогорскій. Съ 20 портретами. 3 изд. Ц. 50 к.
СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплѣтѣ 1 р. 75 к.
ІСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ АМЕРИКИ. Ламер Флері. Съ 52 рис. 2-е изд. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ переплѣтѣ 1 р. 30 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ДІК-КЕНСА въ сокращеніомъ переводѣ Л. Шелгуновой: Давидъ Копперфильдъ, 2) Ломби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общий другъ, 6) Лавка древностей, 7) Холодный домъ, 8) Николай Никльби, 9) Крошка Дорритъ, 10) Два города. Цѣна каждого романа 40 к. Въ папкѣ 50 к.

ОБГАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. С. Ворисгобера. Съ 73 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 50 к.

ЧРЕЗЬ ДЕБРЫ И ПУСТЫНИ. С. Ворисгобера. Съ иллюстраціями. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 75 к.

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА. С. Ворисгобера. Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переплѣтѣ 2 р. 75 к.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОНТРАБАНДИСТА. С. Ворисгобера. Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

МУЧЕНИКИ НАУКИ. Г. Тисандье. Переводъ подъ ред. Ф. Павленкова. Съ 55 рис. 3 изд. Ц. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

НАУЧНЫЙ РАЗВЛЕЧЕНИЯ. Тисандье. перв. подъ редакціей Ф. Павленкова. 353 рис. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 75 к.

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНИЯ. Люкаса. Съ франц. Ц. 1 р.

ВЕЧЕРНІЕ ДОСУТИ. А. Круглова. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплѣтѣ 2 р.

РЫЖІЙ ГРАФЪ. НЕРАЗЛУЧНИКИ. ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА. П. Засодимскаго. Съ рис. Ц. каждой книжки по 35 к.

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ. А. Смирнова. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплѣтѣ 2 р.

ЛІНКИ ВОЛОГОДСКАГО У҃ЗДА. А. Круглова. Съ 6 рис. Ц. 25 к.

НЕЗАБУДКИ. А. Круглова. Сборникъ разсказовъ. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплѣтѣ 2 р.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕРЧКА. Э. Кандева. 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переплѣтѣ 2 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БІБЛІОТЕКА.

- 1) Демонъ. Съ 9 рис. Ц. 6 к.—2) Ангель Смерти. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—3) Измаиль-Бей. Съ 9 рис. Ц. 10 к.—4) Хаджи-Абрекъ. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—5) Бояринъ Орша. Съ 7 рис. Ц. 4 к.—6) Пѣсня про купца Калашникова. Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) Мцыри. Съ 7 рис. Ц. 4 к.—8) Ауль Бастунджи. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) Литвинка. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—10) Каллы. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—11) Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—12) Корсаръ. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) Черкесы. Съ 5 рис. Ц. 2 к.—14) Джуліо. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—15) Казначейша. Съ 5 рис. Ц. 4 к.—16) Герой нашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к.—

- 17) Бэла. Съ 9 рис. Ц. 8 к.—18) Тамань. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—19) Княжна Мери. Съ 9 рис. Ц. 12 к.—20) Фаталистъ. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—21) Призракъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—22) Маскарадъ. Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) Испанцы. Съ 5 рис. Ц. 10 к.—24) Ашинъ-Керибъ. Съ 5 рис. Ц. 2 к.—25) Княгиня Лиговская. Романъ. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—26) Людии страсти. Трагедія. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—27) Странный человѣкъ. Романтическая драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—28) Два брата. Драма. Съ 5 рис. Ц. 5 к.—29) Всѣ баллады и легенды. Съ 3 рис. Ц. 5 к.—30) Повѣсти изъ современной жизни. Съ 9 рис. Ц. 7 к.